

Санкт-Петербургский государственный университет

XLIV Международная филологическая конференция

10–15 марта 2015 года

Избранные труды

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет
2016

УДК 81, 82
ББК 81.2, 83.3
С65

Информация о конференции представлена
на сайте <http://mfk.spbu.ru/>

Печатается по решению Ученого совета филологического факультета СПбГУ

Редакционный комитет:

к. ф. н. Васильева И. Э., д. ф. н. Горбова Е. В., д. ф. н. Мед Н. Г.,
к. ф. н. Меньшикова Ю. В., к. ф. н. Монахов С. И., д. ф. н. Николаев С. И.,
к. ф. н. Светлакова О. А., д. ф. н. Соболев А. Н., к. ф. н. Степихов А. А.,
к. ф. н. Хохлова М. В.

С65   XLIV Международная филологическая конферен-
ция, 10–15 марта 2015 г. : избранные труды. — СПб.: Санкт-
Петербургский государственный университет, 2016. — 255 с.

ISSN 2409-0824

В сборник включены избранные статьи, написанные на основе докладов, которые прозвучали на XLIV Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.). Научная тематика статей охватывает практически все области филологической науки: русский язык, русская и зарубежная литературы, теория языка, теория культуры, лингвокультурология.

УДК 81, 82
ББК 81.2, 83.3

ISSN 2409-0824

© Авторы, 2016
© Санкт-Петербургский государственный
университет, 2016

St. Petersburg State University

44th International Philological Conference

10–15 March 2015

Selected articles

St. Petersburg
St. Petersburg State University
2016

UDC 81, 82
LBC 81.2, 83.3
S65

Information about the conference presents
on the website <http://mfk.spbu.ru/>

*These proceedings are published by decision of the Academic Council
of the SPbU Faculty of Philology*

Editorial board:

Irina Vasilyeva, Candidate of Philology; Elena Gorbova, Doctor of Philology;
Nataliya Med, Doctor of Philology; Yuliya Menshikova, Candidate of Philology;
Sergey Monakhov, Candidate of Philology; Sergey Nikolaev, Doctor of Philology;
Olga Svetlakova, Candidate of Philology; Andrey Sobolev, Doctor of Philology;
Anton Stepikhov, Candidate of Philology; Mariya Khokhlova, Candidate of Philology

**S65   44th International Philological Conference, 10–15 March
2015 : selected articles. — SPb.: St. Petersburg State University,
2016. — 255 pages.**

ISSN 2409-0824

The issue includes the proceedings of the XLIV International Philological Conference, held on March 10-15, 2015 in St. Petersburg, with a special emphasis on various facets of philology: Russian language, Russian and foreign literatures, theory of language, theory of culture, and cultural studies.

**UDC 81, 82
LBC 81.2, 83.3**

ISSN 2409-0824

© Authors 2016
© St. Petersburg State University 2016

В. В. Аствацатурова

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ РАДИЩЕВСКИХ МОТИВАХ В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА

Ключевые слова: Пушкин, Радищев, урна с водой, урна времен, река, море, время, вечность.

В статье рассматривается проблема влияния стихотворения А. Н. Радищева «Осьмнадцатое столетие» на стихотворение А. С. Пушкина «Царскосельская статуя». Большое число совпадений в первых четырех стихах радищевского стихотворения с пушкинским позволяет высказать предположение о несомненном присутствии в пушкинском стихотворении отсылки к радищевскому тексту. Два столь различных по жанру и объему стихотворения объединены общей темой времени и вечности, которую Радищев и Пушкин решают по-разному. У Радищева вечность – это море, неподвижная вода (образ достаточно традиционный), мотив забвения, где исчезает след веков. У Пушкина вечная струя – это движущаяся вода, поток (образ нетрадиционный, и потому необычайно индивидуальный). Пушкин называет вечность движущейся воды «чудом», в противовес традиционной метафоре вечности как неподвижного моря, забвения, используемой Радищевым. В статье высказывается гипотеза, что в подобном осмыслении Пушкиным метафоры воды можно заметить некоторую скрытую полемику с радищевским толкованием вечности. Радищевский философский образ могущественной «урны времен» у Пушкина носит явно сниженный характер («урна с водой» – всего лишь описание скульптурной иллюстрации в басне Лафонтена).

Vera Astvatsaturova

St. Petersburg State University, Russia

RADISHCHEV'S MOTIVES IN PUSHKIN'S POETRY

Keywords: Pushkin, Radishchev, urn with water, urn of times, river, sea, time, eternity.

The paper discusses how A.N. Radishchev's poem "The Eighteenth Century" had an effect on A.S. Pushkin's poem "The Statue at Tsarskoy Selo". The fact that the first four verses in Radishchev's poem overlap with Pushkin's may mean that Pushkin deliberately made a reference to Radishchev's poem. Completely different in genre and length, two poems are brought together with the themes of time and eternity, although differently approached by each of the poets. Radishchev sees eternity as sea, still water (a rather traditional image of it), as a motive of oblivion, all washed up, whereas Pushkin sees an eternal stream as a continuous flow, movement (a unique image, being one of its kind, unlike anything else). Pushkin regards eternity of continuous flow as a "miracle", thus opposes it to a traditional metaphor of eternity as still water, oblivion, as in Radishchev. The paper suggests a hypothesis that Pushkin, as he regards water as a continuous flow, covertly expresses diverging or opposite views to those of Radishchev. Radishchev's philosophical image of mighty "urn of times" was derogated in Pushkin as the "urn with water", a mere description of an image to a fable by Lafontaine.

Как известно, лирика Пушкина формировалась под сильным воздействием поэзии предшествующего столетия. Пройдя через романтизм южного периода, зрелый Пушкин вновь обращается к традициям классицизма. В настоящей статье мы хотели бы коснуться одного

частного вопроса, связанного с присутствием в пушкинской лирике некоторых интертекстуальных моментов из поэзии XVIII в., в частности из поэзии Радищева.

В пушкинистике проблема отношения Пушкина к творческому наследию Радищева в основном касалась восприятия Пушкиным книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» и его полемики с последним в очерке «Путешествие из Москвы в Петербург» и в статье «Александр Радищев». Однако, на наш взгляд, можно назвать лишь немногие из работ, где уделяется внимание восприятию Пушкиным Радищева-поэта, в частности, его последнего стихотворения «Осьмнадцатое столетие». Между тем, при всем полемичном пафосе в отношении «Путешествия» и некоторых других произведений Радищева, Пушкин в той же статье «Александр Радищев» дает этому стихотворению весьма высокую оценку: «В стихах лучшее произведение его есть „Осьмнадцатый век“, лирическое стихотворение, писанное древним элегическим размером, где находятся следующие стихи, столь замечательные под его пером» [Пушкин, 1977–1979, 7. С. 244].

Но интерес представляет не только и не столько оценка Пушкиным радищевского стихотворения в статье 1836 г., сколько несомненное, хотя и завуалированное, присутствие в некоторых пушкинских стихах радищевского текста.

Обратимся к хрестоматийно известному стихотворению Пушкина «Царскосельская статуя».

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
 Дева печально сидит, праздный держа черепок.
 Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
 Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит
 [Пушкин, 1977–1979, 3. С. 171].

Созданное в Болдинскую осень 1830 г., стихотворение было опубликовано в альманахе «Северные цветы на 1832 год» вместе с тремя другими («Отрок», «Рифма», «Труд») под общим заглавием «Анфологические эпиграммы». Все четыре миниатюры написаны античным размером — элегическим дистихом.

При более внимательном рассмотрении стихотворения «Царскосельская статуя» обнаруживаются разительные совпадения с первыми четырьмя стихами радищевского «Осьмнадцатого столетия».

Таблица 1

Совпадения в пушкинском и радищевском текстах

Урну с водой уронив, об утес ее <u>дева</u> разбила. <u>Дева</u> печально сидит, праздный держа черепок. Чудо! не сякнет вода, <u>изливаясь</u> из урны разбитой; Дева, над <u>вечной</u> струей, <u>вечно</u> печальна сидит	<u>Урна</u> времен часы изливает <u>каплям</u> подобно: <u>Капли</u> в ручьи собрались; в реки ручьи возросли И на дальнейшем берегу <u>изливают</u> пенистые волны <u>Вечности</u> в море; а там нет ни предел, ни берегов

Первое совпадение — одинаковый стихотворный размер (элегический дистих) — само по себе еще не может служить достаточным аргументом, поскольку все пушкинские стихотворения этого цикла написаны тем же размером. Но вот второе совпадение: первый стих в обоих стихотворениях начинаются с одного и того же слова *урна*, причем на него падает не только словесное, не только метрическое, но и эмфатическое ударение. Ударение на первом слове задает тон всему дальнейшему тексту.

Третье совпадение: повтор-стык слова *дева* (предпоследнее слово в первом стихе — первое слово во втором стихе) аналогичен повтор-стыку слова *капли* в радищевском тексте. Оба эти слова состоят из одинакового числа слогов (двусложные), в обоих ударение падает на первый слог, оба при повторе на тех же местах.

Четвертое совпадение наблюдается в третьей строке. Непосредственно после цезуры на седьмом слоге гекзаметра у Пушкина следует слово *изливаясь* (у Радищева — *изливают*, но такое же число слогов и ударение падает на третьем слоге).

Пятое совпадение мы видим в четвертом стихе обоих текстов — слово *вечный*, с которого стих начинается у Радищева, у Пушкина оно дважды повторяется.

Итак, в каждой из четырех строк пушкинского стихотворения мы видим совпадения с радищевским текстом.

Все вышесказанное убеждает нас в несомненном присутствии в пушкинском стихотворении радищевского интертекста. Естественно, возникает вопрос: что может быть общего между изящной «анфологической» миниатюрой экфрастического характера, выполняющей роль надписи к скульптуре работы П. П. Соколова 1810 г., утопающей в глубине царскосельского парка, с одной стороны, и мощным, длинным стихотворением с глубочайшим историко-философским охватом великого, кровавого столетия, столетия «безумна и мудра», века Просвещения, двух европейских революций — с другой? Если согласиться, что радищевский интертекст действительно попал в пушкинские стихи, то почему именно в это стихотворение? На первый взгляд, это парадоксально.

Возникает еще один, более частный вопрос. В пушкинском стихотворении, созданном как надпись к скульптуре П. П. Соколова на сюжет басни Ж. Лафонтена «Молочница и кувшин», сосуд, разбитый девой, называется «урна». Это необычное для пушкинской поэзии название в свое время обратило на себя внимание исследователей. Так, А. В. Ильичев отмечает, что «„Словарь языка Пушкина“ указывает несколько значений слова „урна“ в пушкинском употреблении: „Сосуд, обычно в виде вазы, употреблявшийся как украшение на могильном памятнике“ (ср. „Когда за городом, задумчив, я брожу...“, 1836); „Символ могилы, места погребения праха“ (предсмертные размышления Ленского; „Для берегов отчизны дальной“, 1830; „Элегия“, 1816). А вот далее любопытно. Для значения «вообще о сосуде, кувшине, вазе и т. п.» приводится единственный пример — «Царскосельская статуя»»

[Ильичев, 2004. С. 100]. Объяснение этого «поэтического нонсенса» (как он его называет) исследователь находит в соединении в пушкинском стихотворении двух тем — «жизни и смерти». На это же в свое время обратил внимание Р. Якобсон: «Это имя в значении кувшина для воды непривычно ни пушкинским стихам, ни русскому словоупотреблению вообще. Достаточно рассмотреть материал, собранный в „Словаре языка Пушкина“, чтобы бросилась в глаза неразрывная ассоциация этого слова с образом пресеченной жизни» [Якобсон, 1987б. С. 184].

Не отрицая убедительности этих аргументов, мы все же хотели бы представить еще одно толкование — отсылку Пушкина к радищевскому тексту, поскольку в обоих стихотворениях, как было нами отмечено выше, слово «урна», начиная стихотворение, как бы делает заявку всему дальнейшему тексту. Но все же остается вопрос, почему радищевская символически-монументальная «урна времен» преобразуется в пушкинскую вещественную и конкретную «урну с водой»?

Чтобы попытаться найти ответы на эти вопросы, хотелось бы снова обратиться к радищевскому тексту.

Стихотворение Радищева «Осьмнадцатое столетие» точно не датировано. Исследователи обычно относят его к 1801 г. Г. П. Макогоненко считал, что стихотворение создавалось в течение нескольких лет, начало работы Радищева над ним исследователь относит к последним годам XVIII в., окончание — к первым годам наступившего XIX в. (упоминание в конце стихотворения имени Александра I) [Макогоненко, 1956. С. 590–596]. Оно не было напечатано при жизни поэта, а увидело свет впервые только в 1807 г. При анализе «Осьмнадцатого столетия» исследователи обычно справедливо обращают внимание на оценку по-этом ушедшего века как века Просвещения, вольности.

О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек...
[Радищев, 1947. С. 34]

Здесь обычно идут отсылки к оде Радищева «Вольность». Ссылаются также на упоминания поэтом двух великих революций — французской и американской, гибель одних государств и рождение других:

Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки...
[Радищев, 1947. С. 34–35]

Крылатым стало и знаменитое оксюморонное определение Радищевым XVIII века:

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех...
[Радищев, 1947. С. 34]

(повторенное Мандельштамом спустя двести лет в очерке «Девятнадцатый век», приводившим цитаты «из наивного и умного восемнадцатого века») [Мандельштам, 1928. С. 63].

При всей справедливости этих утверждений [Кочеткова, 1968. С. 159–160], хотелось бы обратить внимание на другой аспект проблематики этого стихотворения — на тему антитезы двух категорий — времени и вечности. Не случайно стихотворение начинается с развернутого, идущего от Гераклита сравнения времени с каплями, ручьями и реками, а моря — с неподвижной вечностью. Время — река, поток воды. Море — вечность. Река и время — жизнь, море — смерть.

...а там нет ни предел, ни берегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след...

[Радищев, 1947. С. 33]

Архаичная форма множественного числа *веки* вызывает фонетические ассоциации со словом *реки*. Здесь интересно отметить тот же мотив сравнения времени с рекой в предсмертном стихотворении Державина «Река времен...». Но, в отличие от Державина, у Радищева возникает еще один мотив — мотив крови, кровавой реки. Эта кровавая река — история XVIII в.:

Но знаменито веки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше столетье туда...
[Радищев, 1947. С. 33]

Крови — в твоей колыбели, припевание — громы сражений,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб...
[Радищев, 1947. С. 34]

Утро столетия нова кроваво еще нам явилось...
[Радищев, 1947. С. 37]

Еще на один радищевский образ хотелось бы обратить внимание — на образ «корабля». В развернутой метафоре корабль истории движется по кровавой реке к вечному морю, терпит крушение и раскалывается на куски [Кочеткова, 1973. С. 21–37]:

И сокрушил наконец корабль, надежды несущий,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут ярый,
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
[Радищев, 1947. С. 33]

Царства погибли тобой, как раздробленный корабль...
[Радищев, 1947. С. 34]

В системе этой метафоры «урна времени» — философское обобщение, воплотившееся в образ некоего изначального источника живой силы истории, из которого истекают «капли» движущегося времени, постепенно усиливающие свою энергию, собирающиеся в ручьи, за-

тем — в мощные реки, несущие свои воды к неподвижному морю вечности¹.

Н. Д. Кочеткова делает тонкое наблюдение, что самый ритм стихотворение напоминает движение морских волн и «делает более видимой и почти реальной картину, предстающую в начальных строках „Осьмнадцатого столетия“» [Кочеткова, 1973. С. 26]. Корабль цивилизации несется в этом мощном потоке, сокрушаясь и погибая в водоворотах и омуты, и выплескивая на поверхность «страшны обломки». Из единого неподвижного источника — «урны времен», — дающего первоначальный толчок дальнейшей жизни, она течет, усиливая свою мощь, к другому, конечному неподвижному пространству — вечности. Здесь Радищев выступает как деист, ученик французских философов-просветителей.

Если же рассмотреть это стихотворение с точки зрения поэтической традиции, то Радищев, прозу которого (в частности, «Путешествие...»), обычно относят к сентиментализму, здесь выступает как последователь традиций классицизма. Не говоря уже об античном стихотворном размере, избранном автором, по своему пафосу стихотворение больше всего напоминает оду, прославляющую ушедшее столетие, хотя в нем и отсутствует одическая строфика-десятистишие, характерная для этого жанра в поэзии XVIII в.

Обратимся теперь вновь к пушкинскому стихотворению. «Анфологические эпиграммы», как было отмечено выше, впервые увидели свет в альманахе «Северные цветы на 1832 год», изданном в 1831 г. Это был последний выпуск альманаха, издававшегося Дельвигом в 1824–1830 гг., выпуск, составленный Пушкиным, чтобы почтить память его лицейского друга, скончавшегося в январе 1831 г., и материально помочь его семье. Кроме цикла «Анфологические эпиграммы», там были помещены и некоторые другие произведения Пушкина («Анчар», «Дорожные жалобы», «Эхо», «Делибаш», «Бесы», «Моцарт и Сальери»), а также стихи Жуковского, Вяземского, Деларю, Языкова, проза Батюшкова, Лажечникова, В. Одоевского и др.

Стихотворению «Царскосельская статуя» исследователи предлагали различные толкования.

Во-первых, отмечалась связь пушкинской эпиграммы с традицией жанра стихотворной надписи. В частности, Т. Г. Мальчукова отмечала необыкновенную популярность этого жанра в русской поэзии 1820-х гг., в частности, большое количество такого рода стихотворений в «Северных цветах» Дельвига этого времени: в «Северных цветах на 1825 год» переводы Д. В. Дашкова, на 1826, 1827, 1828 гг. — надписи Дельвига и Илличевского, на 1829 г. — надпись Илличевского «К портрету Ариадны». Таким образом, делает вывод исследовательница, «пушкинские миниатюры в последнем выпуске „Северных цветов на

¹ Автор выражает признательность Н. Н. Казанскому, высказавшему предположение, что прототипом радищевской «урны времен» была клепсидра — водяные часы, широко использовавшиеся у римлян, в которых промежуток времени измерялся количеством воды, вытекавшей капля за каплей из отверстия на дне сосуда.

1832 год “поддерживали и завершали традицию альманахов. Названием „анфологические“ — изменением на греческий лад европейскую форму „антологические“ он [Пушкин. — В. А.] как бы отказывался от европейского (французского) посредничества и заявлял о прямом следовании исходным образцам» [Мальчукова, 1995. С. 201–202]. С ориентацией Пушкина на экфрастические эпиграммы Дельвига связывает пушкинскую эпиграмму и С. А. Кибальник. Отмечая, что «экфрастические эпиграммы Дельвига „Надпись на статую флорентинского Меркурия“ и „Купидону“ (1820) первые и единственные ко времени написания „Статуи“ экфрасисы в русской антологической поэзии», исследователь добавляет, что «творческое использование Пушкиным опыта Дельвига в „Царскосельской статуе“ тем более естественно, что тема стихотворения навеяна воспоминаниями о Лицее» [Кибальник, 1986. С. 158].

Во-вторых, при толковании пушкинской эпиграммы исследователи поднимают проблему временного и вечного. Наиболее интересное толкование соотношения в пушкинском стихотворении идеи движения и неподвижности материи было в свое время представлено в статье Р. Якобсона «Статуя в поэтической мифологии Пушкина». Исследователь сопоставляет два пушкинских стихотворения: поэтическую надпись «На статую играющего в свайку» и «Царскосельскую статую». Рассматривая первое стихотворение, Якобсон отмечает, что статуя «предстает перед нами как неподвижное изображение жизненной активности; однако в стихотворении Пушкина, наоборот, быстрое действие статуи (*быстрая игра*) противопоставляется неподвижности последующего предполагаемого состояния (*после игры отдыхать*)». Во втором стихотворении исследователь отмечает противоположный случай: «чуду» идеи движения, преодолевающей застывшую неподвижность материи, противопоставлено другое «чудо» — неподвижность материи, преодолевающая идею движения» [Якобсон, 1987а. С. 168]. Вывод исследователя: «неподвижность налагается на реальное время и осознается как вечность» [Там же].

Итак, по общему мнению большинства исследователей, в пушкинском стихотворении «вечность» воплощается одновременно в движении (*струя*) и в неподвижности (*дева... вечно печальна сидит*). Исходя из этих наблюдений и толкований, можно предложить следующее толкование смысла интертекстуальности пушкинского текста.

Первое — вопрос об *урне*. Нам представляется верным аргумент А. В. Ильичева об отсутствии в пушкинском словаре значения этого слова как «сосуда с водой». Но нет в стихотворении и мотива смерти, который пытается отыскать А. В. Ильичев. Следовательно, можно с известной долей осторожности предположить, что *урна* — отсылка к радищевскому тексту, и, исходя из этой посылки, толковать дальнейший смысл стихотворения. «Урна с водой» — это не пушкинский образ, а радищевский, в этой урне — «капли», которые потом «в ручьи собрались».

Второе — вопрос о *вечности*. Обратимся к последней строке обоих текстов, где нами было выделено слово *вечность* (*вечный, вечно*). Что понимает каждый из авторов под категорией вечности, используя об-

раз воды? У Радищева *вечность* — это море, неподвижная вода (образ достаточно традиционный), это мотив забвения, где «исчезает след» веков (как и в последнем стихотворении Державина «в пропасти забвения»). У Пушкина *вечная струя* — это движущаяся вода, поток (образ нетрадиционный, и потому необычайно индивидуальный). Если, по Пушкину, *вечность* — это вечное движение, фактически, это — жизнь, значит, смерти нет, нет и забвения, в есть идея бессмертия и вечной памяти. Здесь уместно вспомнить строки другого известного пушкинского стихотворения — «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», написанного в 1829 г., за год до написания «Царскосельской статуи», в котором идея бессмертия связана с вечностью природы, жизнь преодолевает смерть, а вечность — вечная жизнь мироздания и вечное движение:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.
[Пушкин, 1977–1979, 3. С. 130]

Если сопоставить идею этого стихотворения с идеей вечности как движения в «Царскосельской статуе», то здесь очевидна сходная мысль. Но остается вопрос о самой статуе — неподвижной и «вечно печально» сидящей деве. Согласно Якобсону, «„чуду“ *идеи движения, преодолевающего застывшую неподвижность материи*, противопоставлено другое „чудо“ — *неподвижность материи, преодолевающая идею движения*» [Якобсон, 1987а. С. 168]. Вместе с тем, обратившись к тексту, можно заметить, что «чудо» еще и в том, что «не сякнет вода», т. е. как раз в движении. Нам представляется, что «чудом», т. е. чем-то неожиданным, непредсказуемым, поэт назвал образ вечности в виде движущейся воды, в противовес традиционной метафоре вечности как неподвижного моря, забвения, используемой Радищевым и Державиным. На наш взгляд, в «Царскосельской статуе», давая подобное осмысление категорий времени и вечности, Пушкин вступает в полемику не только с традицией олицетворения вечности в образе неподвижной воды, но и с философским пониманием вечности. Есть ли забвение после смерти? Или движение продолжается? Здесь можно заметить скрытую, возможно, подсознательную полемику с радищевским толкованием вечности в стихотворении «Осьмнадцатое столетие». История мировой и русской литературы знает много примеров использования интертекста в целях полемики с автором прототекста. Разумеется, жанры антологического стихотворения и философско-политической оды в системе жанровой поэтики имеют слишком разный удельный вес для их точечного сопоставления. Однако все же нельзя не высказать предположение (впрочем, очень осторожное): поскольку радищевский философский образ могущественной «урны времени» у Пушкина носит явно сниженный характер («урна с водой» — всего лишь описание скульптурной иллюстрации в басне Лафонтена), то нет ли здесь в этом случае у Пушкина некоторой очень тонкой и завуалированной паро-

дийности радищевского образа и радищевского толкования вечности? Вопрос остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- Бицилли П. М. Поэзия Пушкина // П. М. Бицилли. Этюды о русской поэзии. Прага, 1926. С. 65–170.
- Грехнев В. А. «Анфологические эпиграммы» А. С. Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1976. С. 31–49.
- Григорьева А. Д. Язык лирики Пушкина 30-х годов: Опыты в антологическом роде // А. Д. Григорьева, Н. Н. Некрасова. Язык лирики XIX в.: Пушкин, Некрасов. М., 1981. С. 120–172.
- Ильичев А. В. Скульптура и текст: «Царскосельская статуя» А. С. Пушкина // Русская литература. СПб., 2004. № 1. С. 95–102.
- Кибальник С. А. Антологические эпиграммы Пушкина // А. С. Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 168–172.
- Кочеткова Н. Д. Поэзия А. Н. Радищева // История русской поэзии: в 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1968. С. 159–160.
- Кочеткова Н. Д. А. Радищев. «Осьмнадцатое столетие» // Поэтический строй русской лирики: сб. статей. Л.: Наука, 1973. С. 21–37.
- Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М.: Гослитиздат, 1956. 774 с.
- Мальчукова Т. Г. Анфологические эпиграммы в поэзии А. С. Пушкина // Т. Г. Мальчукова. Филология как наука и творчество. Петрозаводск, 1995. С. 201–202.
- Мальчукова Т. Г. О жанровых традициях в «Антологических эпиграммах» А. С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1986. С. 64–82.
- Мандельштам О. Девятнадцатый век // О. Мандельштам. О поэзии. Л.: Academia, 1928. С. 61–70.
- Петров А. В. «Осьмнадцатое столетие» А. Н. Радищева: исторические открытия просветительского сознания // Филологические науки. М., 2004. № 2. С. 21–30.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
- Радищев А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1947 (Сер. «Библиотека поэта», Малая сер.). 210 с.
- Фризман Л. Г. Пушкин и «Северные цветы» // Северные цветы на 1832 год. М.: Наука, 1980 (Сер. «Литературные памятники»). С. 295–337.
- Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987а. С. 145–180.
- Якобсон Р. Стихи Пушкина о деве-статуе, вакханке и смиреннице // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987б. С. 181–197.

REFERENCES

- Bicilli P.M. Poezia Pushkina. Bicilli P.M. *Etiudy o russkoj poezii* [Studies of the Russian poetry]. Prague, 1926, pp. 65–170.
- Grekhnev V.A. “Anthologicheskie epigrammy” Pushkina [“Anthologion Epigrams” by Pushkin]. *Boldinskie chtenija* [Readings in Boldino]. Gorky, 1976, pp. 31–49.
- Grigorjeva A.D. Yazyk liriki Pushkina: Opyty v antologicheskome rode [Language of Pushkin’s poetry in 1830s: Experiments in antological way]. Grigorjeva A.D., Nekrasova N.N. *Yazyk liriki 19 v.: Pushkin, Nekrasov* [Language of lyrics in 19th century: Pushkin, Nekrasov]. Moscow, 1981, pp. 120–172.

- Ilichov A.V. *Sculputra i text: "Tsarskoselskaja statuja" A.S. Pushkina* [Sculpture and text: 'A statue in Tsarskoye Selo' by A.S. Pushkin]. *Russkaja literatura* [Russian literature]. Saint Petersburg, 2004, no. 1, pp. 95–102.
- Kibalnik S.A. *Antiljgicheskije pigrammy Pushkina* [Anthologion Epigrams by Pushkin]. *A.S. Pushkin: Issledovanija i mateialy* [A.S. Pushkin: Studies and Researchs]. Leningrad, 1986, vol. 12, pp. 168–172.
- Kochetkova N.D. *Poezia A.N. Radishcheva* [A.N. Radishchev's Poetry]. *Istoria russkoj poezii* [History of Russian poetry], in 2 vols, vol. 1, Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 159–160.
- Kochetkova N.D. *A. Radishchev. Osmnadsatoye stoletie* [A. Radishchev. 18th century]. *Poeticheskij stroy russkoj liriki* [Poetic structure of Russian poetry], collective works. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 21–37.
- Makogonenko G.P. *Radishchev i jego vremena* [Radishchev and his Epoch]. Moscow, 1956.
- Malchukova T.G. *Anthologicheskije epigrammy v poezii A.S. Pushkina* [Anthologion Epigrams in Pushkin's Poetry]. Malchukova T.G. *Philologia kak nauka i tvorcestvo* [Philology as a science and creativity]. Petrozavodsk, 1995, pp. 201–202.
- Malchukova T.G. *O zhanrovych traditsijakh v "Anthologicheskikh epigrammakh A.S. Pushkina"* [Genre traditions in Anthologion Epigrams by Pushkin]. *Zhanr i kompozitsia literaturnogo proizvedenija* [Genre and composition of a literary work]. Petrozavodsk, 1986, pp. 201–202.
- Mandelstam O. *19 vek* [19th century]. Mandelstam O. *O poezii* [About poetry]. Leningrad, Academia Publ., 1928, pp. 61–70.
- Petrov A.V. *"Osmnadsatoye stoletie" A.N. Radishcheva: istoricheskije otkrytiya prosvetitel'skogo soznaniya* ['18th century' of A.N. Radishchev: historical discoveries of Renaissance's consciousness]. *Philologicheskije nauki* [Philology], Moscow, 2004, no. 2, pp. 21–30.
- Pushkin A.S. *Polnoje sobranije sochinenij* [Complete collection of works], in 10 v. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979.
- Radishchev A.N. *Stikhotvornija* [Verses]. Leningrad, Sovetskij pisatel Publ., 1947.
- Frisman L.G. *Pushkin i "Severnyje tsvety"* [Pushkin and 'Nothorn flowers']. *Severnyje tsvety na 1832 god* ['Nothorn flowers' in 1832], Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 295–337.
- Jakobson R. *Statuja v poeticheskoy myfologii Pushkina* [Statue in Pushkin's poetic mythology]. Jakobson R. *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow, 1987, pp. 145–180.
- Jakobson R. *Stikhi Pushkina o deve-statuje, vakhanke i smirennitse* [Pushkin's poems about the statue of the Virgin, Bacchante, and Humble Maiden]. Jakobson R. *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow, 1987, pp. 181–197.

Вера Викторовна Аствацатурова

Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Vera Astvatsaturova

Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University, Russia

veraastv@rambler.ru, v.astvatsaturova@spbu.ru

Е. В. Бузальская

Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА РУССКОГО ЭССЕ КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА НА ФОНЕ ИНОЯЗЫЧНОГО КАНОНА

Ключевые слова: эссе, речевой жанр, гештальт, фрейм, сценарий, концепт.

Национальная специфика канона русскоязычного эссе представляется автору зависимой от общей истории становления жанра в пространстве культуры, поскольку исторический период развития национального самосознания с его культурными, экономическими и геополитическими особенностями мировидения оказывает существенное влияние на структуру зарождающегося речевого жанра. Помимо этого, в основание критериев сопоставления русскоязычного и иноязычного эссе положены такие параметры, как форма (эссе может реализовываться как письмо, статья, заметки и т. д.), вариант реализации (художественное эссе, публицистическое или научно-публицистическое) и структура (эссе, выполненные на основании рефлексии относительно концепта-гештальта структурированы как гештальт; концепта-фрейма – имеют фреймовую структуру; концепта-сценария – сценарную). Анализу были подвергнуты 187 русскоязычных и 187 иноязычных эссе. Из списка анализируемых произведений исключены произведения, не соответствующие канону жанра. Эссе – это речевой жанр, сформированный в рамках Наивной картины мира (выполнен в разговорном стиле речи); содержание эссе составляет рефлексия автора относительно объектов культуры; канон эссе конституируется тремя типами речевых стратегий: интерпретации, убеждения, трансляции фрагмента Картины мира автора в сознание реципиента. Анализ выявил зависимость между вариантом реализации типом структуры, различающуюся в иноязычном и русскоязычном канонах жанра.

Elena Buzalskaia

St. Petersburg State University, Russia

RUSSIAN ESSAY AS A SPEECH GENRE AND FOREIGN LANGUAGE CANON

Keywords: essay, speech genre, gestalt, frame, scenario, concept.

National specificity of the Russian essay canon can be viewed in the perspective of the general history of genre formation in culture, since the origin of the speech genre is influenced by the historical period of national consciousness with its cultural, economic and geopolitical features. The comparative analysis of the Russian essay and essay in a foreign language is based on the following criteria: its form (an essay can be written as a letter, an article or a note etc.), variant of realization (imaginary essay, journalism essay, scientific journalism essay) and structure (an essay as a reflection about a concept-gestalt is structured as gestalt; as a reflection about a concept-frame, as frame; as a reflection about a concept-scenario, as scenario). The paper analyses 187 essay

in Russian and 187 essays in foreign languages. The essays that fail to meet the canon's criteria were not discussed. Essay is a speech genre that is formed within naïve world view (in a colloquial and everyday language); an essay is an author's reflection about cultural objects; essay canon is based on three types of speech strategies: interpretation, persuasion, translation of a fragment of the world view of the author into the recipient's mind. The analysis showed that the variant of realisation and the type of the structure are interdependent, although different in the Russian and foreign genre canons.

Современные произведения как больших, так и малых форм несут на себе печать авторефлексии, эгоцентризма, некоторой иррациональности развития сюжетной линии, характеризующейся пропуском в логической цепи наиболее очевидных автору звеньев, принципиально восстановимых адресатом в случае обладания им необходимыми фоновыми компонентами информации. Подсознательное или осознанное использование приема конденсации, интеллектуализации текста приводит к росту популярности использования эффекта непредсказуемости, иррациональности. Наиболее ярко эти тенденции сказываются на жанрах публицистики, в частности на эссе, поскольку этот жанр является одним из показателей свободы слова и значимости субъективного взгляда на события и явления окружающего мира. Известно, что современное эссе может принимать форму различных жанров — от статьи до стихотворения и становиться проводником бесчисленного количества тем. Вследствие этого решение задачи определения границ реализации канона эссе невозможно в рамках одной науки: поэтому представляется необходимым обратиться сразу к нескольким областям лингвистики: к литературоведению (истории становления жанра в различных культурах), когнитивной лингвистике, жанроведению и коммуникативной лингвистике.

Общий канон жанра, как известно, формировался на протяжении нескольких столетий, в результате чего возникли национально-специфические реализации эссе в пространстве мировой культуры. Так, первое понимание природы жанра, получившее распространение во Франции, трактует эссе как нравоучительные зарисовки личного (автобиографического) характера. Для англоязычного мира, где эссе, благодаря Ф. Бэкону и его последователям, обрело значение маленького по объему произведения, в котором автор последовательно доказывает правомерность существования оригинальной точки зрения относительно решения проблем социально-политического характера. В Германии со второй половины XIX в. наиболее популярной областью эссеистической рефлексии становится философия языка как проявление национального сознания. В испаноязычной литературе трактовка жанра эссе оказывается в зависимости то от французского, то от английского канона, вследствие чего эссе воспринимается неоднозначно.

Позднее появление эссе в России связано с оценкой роли отдельной личности в истории и значимости ее субъективных размышлений. Так, например, эпистолярное наследие и дневниковые записи в Рос-

сии начинают издавать только в первой половине XX в. в журналах и сборниках, таких как «Русские пропилеи», «Морской сборник», «Голос минувшего», «Звенья», в то время, как во Франции подобная традиция существует с XVI в. Источником, на основе которого сформировалось русское эссе, вероятнее всего можно признать жанр литературного портрета, цель которого состояла в создании максимально точной, противоречивой, яркой, эскизной характеристики писателя на основании биографического, эпистолярного, мемуарного материала с привлечением информации, извлеченной из фрагментов написанных им произведений и представляющей собой субъективные предположения автора эссе. Таковыми «психологическими» портретами были, например, портрет И. С. Тургенева, созданный Н. К. Михайловским; портрет Щедрина, написанный М. К. Протопоповым; портрет поэта А. И. Левитова, созданный А. М. Скабичевским, и многие другие литературные портреты конца XIX в. [Ильин, 1993; Воронова, 1991; Егоров, 2003].

В начале XX в. жанр литературного портрета стал началом для появления таких сборников, как «Силуэты русских писателей» Юрия Айхенвальда (1906), «Далекие и близкие» В. Брюсова (1912), «Русские камни» Б. Садовского (1910), «Лики творчества» М. Волошина (1914) и «Книга отражений» И. Анненского (1905). «Силуэты» и «Отражения» уже не были литературно-критическими портретами, поскольку не оценивали, а проживали произведение (см., например, суждение об этом И. Анненского [Анненский, 1987]). С точки зрения формы, таким образом, основанием эссеистики в России стали литературные портреты — результаты психологического и литературоведческого анализа.

Тематически русское эссе концентрируется преимущественно на рефлексии относительно явлений культуры, в частности, литературы и искусства [Шкловский, 1927]. Подтверждением данных наблюдений становится тот факт, что, практически исчезнув по политическим причинам в 1930-х гг., в 1960-е гг. эссе возрождается снова как произведение писателей и поэтов о писателях и поэтах СССР и эмиграции [Вознесенский, 1999, Ахмадулина, 1997 и др].

Именно формальная и тематическая специфика русского эссе является причиной того, что в 1980–1990-е гг. при составлении классификации вариантов жанра исследователи выделяли как наиболее частотные литературоведческое эссе, эссе-размышление на морально-эстетические темы, лирическое (поэтическое), чаще всего выполненное в форме статьи [Баранов, Бочаров, Суровцев, 1982. С. 161; Руженцева, 2001. С. 22]. К менее частотным были отнесены эссе-путевые заметки, эссе-портрет, эссе-письмо [Березкина, 1989]. Таким образом, несмотря на тенденции глобализации, нивелирующей национально-специфические различия, они продолжают в настоящее время оставаться весьма существенными, что проявляется не только в этической доминанте, но также и в их принадлежности к когнитивному типу организации размышлений — моделям, в основание которых положены такие структуры, как гештальт (рассуждение об одном объекте как

сумме характеристик), фрейм (размышление о ситуации) и сценарий (о ситуации в процессе ее изменения).

Так, например, эссе В. Ходасевича «Пушкин» представляет собой гештальт-структуру, т. к. рефлексия автора касается анализа разных способов любви и почитания А. С. Пушкина [Ходасевич, 2002]. Или, например, эссе Т. Толстой «Чужие сны», описывающей фрагменты панорамы Санкт-Петербурга [Толстая, 2006]. Эссе О. Мандельштама «О собеседнике» основано на концепте-фрейме, т. к. касается специфики ситуации общения автора с читателем [Мандельштам, 2011]. Эссе, сформированные на основании концепта-сценария, принадлежат чаще всего к области научно-публицистических эссе, в которых автор ставит своей целью разрушить стандартное, упрощенное представление читателя о каком-либо факте и заменить его на более верное (с его точки зрения) мнение. Реже сценарий реализуется в художественном и публицистическом пространствах, хотя такое также возможно. Например, таким эссе является произведение В. Пелевина «Мост, который я хотел перейти» — метафора, подводящая читателя к тому, что реку забвения Лету мы переходим не после смерти, а еще при жизни [Пелевин, 2012].

Для выявления национальной специфики модели русскоязычных эссе были сопоставлены с иноязычными реализациями жанра того же периода (XX и XXI в.). Анализ не учитывал гендерных, возрастных, расовых и социальных различий между авторами эссе. Отбор материала не учитывал фактор объема: эссе, меньшие по объему, чем пять абзацев, анализировались по той же схеме, что и произведения большего объема. Сплошная выборка не ограничивала количества вариантов каждого типа. В то же время количество эссе, принадлежащих одному автору, ограничено пятью вариантами эссе одного типа. Это связано с тем, что каждый автор имеет свою специфическую манеру оформления и структурирования рефлексии, поэтому неравное число анализируемых эссе могло бы исказить объективность полученных результатов. Выявляемая структура эссе сверялась с компонентами ассоциативных полей концептов.

Анализ иноязычных произведений предполагал исследование исходных текстов (на языке оригинала), однако для анализа вариантов реализации модели жанра нет жесткой необходимости обращаться только к оригиналам, поскольку общая канва рефлексии, структура и форма эссе при переводе остаются аналогичными, что подтверждается фронтальной сверкой текста с оригиналом (сличением разбивки и оформления текста).

Из списка анализируемых произведений исключены те, которые самим автором отнесены к иным жанрам (эссе-романы, эссе-повести, тексты И. А. Бунина, К. Г. Паустовского, В. Розанова и пр.), поскольку в этих случаях наблюдается интерференция иных жанров, и сходство с эссе мнимое. Например, произведения К. Г. Паустовского представляют собой, согласно исследователям его творчества, не эссе, а смесь

очерка и рассказа. Также были исключены произведения, чья стратегическая направленность не соответствовала канону жанра. Автор эссе, в какой бы форме оно ни было выполнено, всегда нацелен на оказание определенного воздействия на читателя (слушателя), в том же случае, когда эгоцентричность автора сдвигает ценностные ориентиры произведения, оно не может быть признано принадлежащим к этому жанру. Так, например, в сборнике заметок В. В. Розанова «Опавшие листья» отсутствие «векторности» передачи информации (несмотря на предваряющее записи замечание о читателе) не позволяет отнести их к эссеистике: автор не ждет ответных действий от читателя (желания изменить способ мышления, жизни, поведения и т. п.), не взаимодействует с ним, записи авторефлексивны.

Вследствие долгой истории становления и развития канона иноязычного эссе можно утверждать, что номенклатура его форм отличается от номенклатуры реализаций русскоязычного эссе. Так, например, *поучение, выступление на похоронах и запись в альбом* характерны лишь для франко- и испаноязычных эссе конца 1800-х — начала 1900-х. Единственная «историческая» форма, которая используется иноязычными эссеистами в XX в. (но не встречается в русскоязычном эссе) — это *предисловие к книге*. По стратегической установке и ориентации на фрейм-структуру научно-публицистическое предисловие близко к рецензии, однако размещение этого эссе не в периодическом журнале и не в сборнике, а непосредственно перед книгой приводит к тому, что модальный субъект становится не просто ориентированным на группу читателей, но на читателей, которые профессионально заинтересованы в анализе произведения.

Эссе, реализованное как открытое письмо, существует в русскоязычном каноне в художественном и публицистическом вариантах, в иноязычном же оно принадлежит лишь к художественному варианту.

Интересной представляется также частотность реализации в иноязычной эссеистике эссе в форме статьи и доклада в научно-публицистическом варианте, в то время как в русскоязычной эссеистике форма научно-публицистического доклада не частотна, что также свидетельствует в пользу проявления специфичности поля вариативности русскоязычного эссе.

В иноязычном каноне нет такой формы, как эпистолярные путевые заметки, но есть достаточно большое количество эссе в форме дневниковых записей, что в принципе характерно для эссеистики конца XIX в. — времени, когда русскоязычный канон еще не сформировался.

В целом интерес иноязычных публицистов к проблемам личности в целом намного выше, чем к социальным проблемам, что маркирует способ подачи информации: в иноязычных эссе преобладает тенденция к рефлексии от личного к социально-значимому; в русскоязычной, напротив, личное показано через социально-значимое.

Анализ процентного соотношения вариантов реализации русского эссе и западного в зависимости от типа структуры (см. табл. 1, 2) свидетельствует о том, что:

- а) общей тенденцией является преобладание гештальт- (26,6% и 30,6%) и фрейм-структур (68,2% и 54,1%) в отличие от сценарной организации эссе (5,2% и 15,3%), однако в русской традиции реализации канона сценарная организация на 10% более вероятна, чем в западной, что свидетельствует о более частом использовании стратегий, направленных на соразмышление с читателем (дать стандартную трактовку проблемы или факта, чтобы затем, постепенно меняя значение ее составляющих, подвести адресата к иному видению);
- б) соотношение вариантов эссе, отобранных сплошной выборкой с ориентацией на наиболее известные имена, свидетельствует о том, что в западной традиции авторы чаще выбирают публицистический вариант (62,7% против 45,2%), чем научно-публицистический (22,5% против 33,5%) или художественный (14,8% против 21,3%); это распределение является следствием ориентации канона на тематическую доминанту, речь о которой шла выше;
- в) распределение процентного соотношения использования структур внутри художественного варианта реализации эссе свидетельствует об опоре западных авторов на фреймовую организацию, тогда как русские эссеисты чаще используют гештальт;
- г) распределение процентного соотношения использования структур в публицистическом и научно-публицистическом вариантах выявляет резкий дисбаланс частотности в западной реализации и большую гармоничность в русской традиции (гештальт- и фрейм-структуры представлены близким количеством эссе) при общем сохранении тенденции редкого использования сценарной организации авторской рефлексии.

Таблица 1

Общие результаты анализа вариантов реализации европейского эссе

Вариант эссе	Тип структуры			Итого, %
	Фрейм	Гештальт	Сценарий	
Художественное	29 эссе (7%)	31 эссе (7,6%)	1 эссе (0,2%)	14,8
Публицистическое	64 эссе (15,6%)	172 эссе (42,1%)	20 эссе (5%)	62,7
Научно-публицист.	17 эссе (4%)	76 эссе (18,5%)	–	22,5
Всего (410 эссе)	110 эссе (26,6%)	279 эссе (68,2%)	21 эссе (5,2%)	

Таблица 2

Общие результаты анализа вариантов реализации русского эссе

Вариант эссе	Тип структуры			Итого, %
	Фрейм	Гештальт	Сценарий	
Художественное	2 эссе (1,2%)	29 эссе (17,1%)	5 эссе (3%)	21,3
Публицистическое	33 эссе (19,4%)	30 эссе (17,6%)	14 эссе (8,2%)	45,2
Научно-публицист.	17 эссе (10%)	33 эссе (19,4%)	7 эссе (4,1%)	33,5
Всего (170 эссе)	52 эссе (30,6%)	92 эссе (54,1%)	26 эссе (15,3%)	

Исходя из полученных статистических результатов можно предположить, что учет когнитивных структур, положенных в основание процесса рефлексии, доказывает факт связи национальной специфики эссе с а) проблематикой времени становления канона, определяющей тематический разброс; б) спецификой менталитета народа, отражающейся в выборе ментальных структур, предопределяющих частотность типов формальной организации жанра.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненский И. Избранное / сост., вступ. ст. и коммент. И. Подольской. М.: Правда, 1987. 592 с.
- Ахмадулина Б. А. Миг Бытия. М.: АГРАФ, 1997. 300 с.
- Баранов В. И., Бочаров А. Г., Суворцев Ю. И. Литературно-художественная критика: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». М.: Высшая школа, 1982. 207 с.
- Березкина В. И. Проблема типологии стиливого развития эссе как речевого жанра // Прагматика и типология коммуникативных единиц языка: сб. науч. тр. Днепропетровск: ДГУ, 1989. С. 6–11.
- Вознесенский А. А. Стихи. Поэмы. Переводы. Эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 1999. 520 с.
- Воронова Л. Я. Литературный портрет как жанр литературной критики // Жанры русской литературной критики 70–80 годов XIX века / В. Н. Коновалов, Л. Я. Воронова, Г. М. Магдеева и др.; науч. ред. В. Н. Коновалов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. 163 с.
- Егоров О. Г. Литературный дневник XIX века. История и теория жанра: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. М., 2003. 361 с.
- Ильин В. В. О «психологической» школе в русской реальной критике // Русская критика XIX века. Проблемы ее теории и истории: межвуз. сб. научных трудов. Самара, 1993. С. 90–97.
- Мандельштам О. Э. Эссе. М.: Книга по требованию, 2011. 94 с.
- Маськова Е. В. Эссе как жанр и метод: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Минск, 1994. 20 с.
- Пелевин В. Фокус-группа. М.: Эксмо, 2012. 320 с.

- Руженцева Н. Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2001. 312 с.
- Толстая Т. Н. Не Кысь. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
- Ходасевич В. Ф. Книги и люди. Этюды о русской литературе / сост. и вступ. ст. М. Д. Филина. М.: Жизнь и мысль, 2002. 480 с.
- Шкловский В. Литературный опыт (essai) в его формальном окружении // Новый ЛЕФ. 1927. № 6. С. 39–47.

REFERENCES

- Annenskii I. *Izbrannoe* [Selected works], compilation, foreward, comments by I. Podol'skaya. Moscow, Pravda Publ., 1987, 592 p.
- Akhmadulina B.A. *Mig Bytiia* [Moment of the Being]. Moscow, AGRAF Publ., 1997, 300 p.
- Baranov V.I., Bocharov A.G., Surovtsev Iu.I. *Literaturno-khudozhestvennaia kritika* [Literal critics], Textbook for Journalists. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1982, 207 p.
- Berezkina V.I. Problema tipologii stilevogo razvitiia esse kak rechevogo zhanra [Typology of stylistic development of essay as a speech genre]. *Pragmatika i tipologiiia kommunikativnykh edinits iazyka* [Pragmatics and typology of communicative units in language], scientific works. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovsk State University, 1989, pp. 6–11.
- Voznesenskii A.A. *Stikhi. Poemy. Perevody. Esse* [Poems. Translations. Essays]. Ekaterinburg, U-Faktoriia Publ., 1999, 520 p.
- Voronova L.Ia. Literaturnyi portret kak zhanr literaturnoi kritiki [Literature portraits as a genre of literal critics]. *Zhanry russkoi literaturnoi kritiki 70–80 godov XIX veka* [Genres of the Russian literal critics in 70–80s in 19th century], by V.N. Konovalov, L.Ia. Voronova, G.M. Magdeeva et al.; ed. V.N. Konovalov. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta [Kazan State University's Publishing house], 1991, 163 p.
- Egorov O.G. *Literaturnyi dnevnik XIX veka. Istoriia i teoriia zhanra* [Literal diary in 19 century. History and theory of the genre], PhD Thesis, 10.01.01. Moscow, 2003, 361 p.
- Il'in V.V. О «psikhologicheskoi» shkole v russkoi real'noi kritike [On “psychological” school in the Russian real critics]. *Russkaia kritika XIX veka. Problemy ee teorii i istorii* [Russian critics in 19th century. Problems of theory and history], collective scientific works. Samara, 1993, pp. 90–97.
- Mandel'shtam O.E. *Esse* [Essay]. Moscow, Kniga po trebovaniu [Book on demand] Publ., 2011, 94 p.
- Mas'kova E.V. *Esse kak zhanr i metod* [Essay as a genre and method], *Extended abstract of PhD Thesis*. 10.01.10. Minsk, 1994, 20 p.
- Pelevin V. *Fokus-gruppa* [Focus-group]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 320 p.
- Ruzhentseva N.B. *Pragmaticheskaja i rechevaia organizatsiia russkogo literaturno-kriticheskogo esse XX veka* [Pragmatic and speech structure of the Russian literal essay in 20th century], *PhD Thesis*, 10.02.01, Ekaterinburg, 2001, 312 p.
- Tolstaia T.N. *Ne Kys'* [Not Kys]. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 608 p.
- Khodasevich V.F. *Knigi i liudi. Etiudy o russkoi literature* [Books and men. Sketches on the Russian literature], by M.D. Filin. Moscow, Zhizn' i mysl' Publ., 2002, 480 p.
- Shklovskii V. Literaturnyi opyt (essai) v ego formal'nom okruzenii [Literal essay in its formal surrounding]. *Novyi LEF*, 1927, no. 6, pp. 39–47.

Елена Валериановна Бузальская

Кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Valerianovna Buzalskaia

Candidate of Pedagogy, Associate Professor

St. Petersburg State University, Russia

helve@yandex.ru

И. И. Бурова

Санкт-Петербургский государственный университет

Ю. Н. Никитенко

Санкт-Петербургский государственный университет

СЛОВЕСНЫЕ ПОРТРЕТЫ ЕЛИЗАВЕТЫ I В ТВОРЧЕСТВЕ Э. СПЕНСЕРА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ИСКУССТВА ПАРАДНОГО ПОРТРЕТА

Ключевые слова: Эдмунд Спенсер, словесный портрет, словесная живопись, тюдоровская эпоха, Елизавета I.

Елизаветинская эпоха – время стремительного развития национальной литературы, в русле которого происходит становление искусства словесного портрета. В статье анализируются портреты королевы Елизаветы I в поэмах Эдмунда Спенсера «Пастушеский календарь» (эклога «Апрель»), «Возвращение Колина Клаута» и «Королева фей». Изменение характера этих портретных зарисовок связывается не только с эволюцией мастерства Спенсера, но и с тенденциями в портретной живописи эпохи. Показано, что существует корреляция между этими словесными портретами и тремя группами изображений королевы, выделяемыми историками искусства по хронологическому принципу. На портретах, написанных ранее 1572 г., акцентируется физическая красота Елизаветы и ее личные качества (в первую очередь постоянство, которое было отражено и в ее личном девизе), на портретах 1572–1584 гг. королева изображается с атрибутами, указывающими на божественную природу власти, которой она наделена, тогда как на более поздних портретах на первый план окончательно выходит демонстрация «божественного» тела правительницы. Аналогичная тенденция выявлена и при сравнении словесных портретов Елизаветы-Элизы, Елизаветы-Цинтии и Елизаветы-Уны в поэмах Спенсера. Одновременно показано, что Спенсер не только следовал примеру живописцев, но и, возможно, сам оказывал влияние на характер поздних парадных портретов королевы, в частности, установлены переключки между словесным портретом Цинтии в «Возвращении Колина Клаута» и более поздним «Портретом с радугой», приписываемым М. Герартсу Старшему или И. Оливеру.

Irina Burova

St. Petersburg State University, Russia

Iulia Nikitenko

St. Petersburg State University, Russia

EDMUND SPENSER'S VERBAL PORTRAITS OF ELIZABETH I AND EVOLUTION OF FULL-DRESS PORTRAIT PAINTING

Keywords: Edmund Spenser, word portrait, literary pictorialism, the Tudor period, Elizabeth I.

Elizabethan age was a period of a rampant development of the national literature, the art of word portrait evolving within its framework. Portraits of Queen Elizabeth in Spenser's poems "The Shep-

heardes Calender" (the April eclogue), "Colin Clouts Come Home Againe," and "The Faerie Queene" are analyzed. Evolution of the portraits is explained both by Spenser's growing skills and general trends in his contemporary portrait-painting. Correlation between these word portraits and three groups of portraits distinguished by art historians is established. The portraits painted before 1572 accentuate Elizabeth's physical beauty and her personal identity, especially her constancy that was mirrored in her motto, the portraits created in 1572–1584 show her with attributes alluding to the divine origin of her power, while the divine body of the queen dominates in the latest group of portraits. The same drift is revealed in the comparison of the word portraits of Elizabeth as Elisa, Cynthia and Una in Spenser's poems. At the same time the authors attempt to show Spenser as not only following the painters' steps but as a poet who might have influenced the character of portraits from the third group; in particular, a correlation between Cynthia's word portrait in "Colin Clouts Come Home Againe" and a more recent the Rainbow Portrait attributed to M. Gheeraerts the Elder or I. Oliver is established.

Елизаветинская эпоха — время активного развития английского литературного языка, время сознательных экспериментов с целью доказательства его выразительных возможностей. Одним из достижений этого периода стало появление словесных портретов в произведениях английских авторов. Мы обратимся к анализу трех портретов королевы Елизаветы I в творчестве Эдмунда Спенсера (1552–1599), чтобы выявить их эволюцию и сопоставить ее фазы с основными этапами развития портретной живописи в тюдоровской Англии.

Характерное для Ренессанса метафорическое уподобление поэзии живописи, опиравшееся в первую очередь на авторитет Горация, стимулировало эксперименты Эдмунда Спенсера, направленные на адаптацию приемов живописи к искусству слова для усиления его эстетического воздействия. О «живописности» как определяющей черте стиля «Королевы фей» заговорили во второй половине XVIII в., когда английская эстетическая мысль осваивала принцип оценки явления по правилам живописной красоты. Наиболее приложимыми к стилю поэзии Спенсера оказались такие атрибуты живописной красоты, как необычность, разнообразие и контрастность, а также чудесность, с которой понятие живописности сблизились в романтической эстетике [Ершова, 2003. С. 334–335].

Понимание живописности как «картинности», «достойности быть запечатленным средствами живописи» хорошо описывает употребление этого термина в трудах о Спенсере, созданных в XIX–XXI вв. Многие читатели и критики (Дж. Уортон, Л. Хант, И. Тэн, Э. Дауден) воспринимали «Королеву фей» как галерею ярких живописных полотен, а Спенсера уподобляли Тициану и Рубенсу в умении «освобождать фантазию от каких бы то ни было законов, за исключением тех, которые обеспечивают гармонию форм и цветов», его поэзия воспринималась как «законченные картины..., написанные с чувством художника» [Taine, 1879. P. 195; 199].

Вместе с тем и стиль «малых поэм» Спенсера во многом определяется живописностью образов, инкорпорированными в текст элементами языка живописи [Бурова, 2010. С. 19–24]. Это позволяет нам отойти от традиции отдельного рассмотрения этих произведений и «Коро-

левы фей», а также отказаться от оценки «малых поэм» как этюдов, предвещающих появление главного сочинения поэта. Мы обратимся к анализу тех произведений, в которых Спенсер создал портреты Елизаветы I, рассмотрим эти словесные портреты и постараемся установить, насколько они соответствуют той эволюции, которую искусство-веды усматривают в живописных изображениях королевы.

В британской истории едва ли найдется более притягательная для исследователей эпоха, чем елизаветинская (1558–1603), время беспрецедентного военно-политического, экономического и культурного триумфа государства, которое олицетворяла его абсолютная правительница. Личность Елизаветы I интригует и завораживает, ибо единичны примеры того, как женщина-монарх столь эффективно управляла страной, обеспечивая ей процветание. Прижизненный культ королевы можно было бы объяснить все еще памятными традициями рыцарского служения Прекрасной Даме, однако одним из главных отличий поклонения Елизавете было то, что славу ей пели не только придворные вельможи-поэты, духовные наследники трубадуров, но и стихотворцы из числа профессиональных авторов, не столько стремившиеся привлечь к себе благосклонность правительницы, сколько жаждавшие восславить ее из чувства патриотизма, превратив свои сочинения в словесные памятники великой королеве. В этой системе представлений эпидейктическая поэзия елизаветинской эпохи выступает как искусство, равное архитектуре, но в то же время обладающее родством с живописью и охотно использующее цветопись словом, придавая цветовым эпитетам символическую функцию, позволяющую создать более емкий и осязаемый литературный образ.

Эдмунд Спенсер, следуя «вергилиеву канону» творческой эволюции поэта, видел себя певцом славы Елизаветы (см. Сонет XXXIII из цикла «Amoretti», ст. 1–4 [Spenser, 1989. P. 620]) и создал ряд замечательных аллегорических портретов правительницы. Первый спенсеровский портрет Елизаветы появляется в «Пастушеском календаре» (1579), затем выходят в свет шесть книг «Королевы фей» (1589, 1596), которая задумывалась как английская «Энеида», призванная вывести родословную Тюдоров, по аналогии с Юлиями, от троянских героев и стать памятником елизаветинской эпохе, а в промежутке поэт создает «Возвращение Колина Клатуа» (опубл. 1595), его центральная часть представляет собой панегирик Елизавете как правительнице сказочной страны — Англии. Таким образом, портреты Елизаветы появляются во всех трех произведениях Спенсера, в которых он надевает на себя маску поэта-пастушка Колина Клаута. Однако если маска, избранная поэтом, носит постоянный характер, то об образах Елизаветы этого сказать нельзя.

Следуя примеру первых Тюдоров [Дмитриева и др., 2012. С. 22], королева всегда стремилась к тому, чтобы подданные знали ее в лицо [Наке, 1943. P. 8, 19], чем объясняется многочисленность ее портретных изображений и их тиражирование на протяжении ее царствования. По времени создания и стилю портреты Елизаветы делятся на три груп-

пы: выполненные до 1572 г., выполненные в 1572–1584 гг. и, наконец, выполненные после 1584 г. [Auerbach, 1953. Р. 197]. На ранних портретах королева предстает обаятельной потенциальной невестой, при этом детализируются привлекательные черты ее физического облика, что естественно для жанра парадного портрета. Изображения средней группы несут в себе признаки формализации образа, подчеркивающие богоизбранность монарха: они появились после того, как Н. Хиллиард и Дж. Гауэр получили монополию на создание портретов королевы. Дух изображений этой группы олицетворяет вторая Большая государственная печать Елизаветы I, созданная Хиллиардом к 1586 г.: на ней королева представлена и на троне, и на коне, причем в первом случае некие таинственные, явно неземные руки поддерживают ее мантию, а голову всадницы осеняют облака [Hazard, 2000. Р. 126]. Таким образом, опираясь на популярную в эпоху Ренессанса концепцию двух тел монарха [Kantorowicz, 1957], можно утверждать, что в портретах средней группы присутствует символика, указывающая на божественную природу власти Елизаветы [Vignaux, 2001. Р. 153]. Наконец, в поздних портретах «божественное» тело королевы окончательно выдвигается на первый план.

Тенденция вытеснения физического тела «божественным» проявляется и в словесных портретах Елизаветы, созданных Спенсером. Однако уже при обращении к апрельской эклоге «Пастушеского календаря», содержащей энкомий прекрасной Элизе, становится очевидным, что создаваемый поэтом образ сочетает в себе черты «земного» и «небесного», соответствуя стилистике средней группы живописных портретов королевы.

В «Апреле» Спенсер подчеркивает внешние признаки возвышенного и добродетельного нрава Елизаветы «небесными» эпитетами. У «королевы всех пастухов» «лик ангела» (ПК, ст. 64) [Spenser, 1989. Р. 73]² и божественная статья (ПК, ст. 63). Ее словесный портрет насыщен цветовыми эпитетами и ассоциациями, демонстрирующими мастерство Спенсера как поэта-колориста. В 14 строках описания Элизы (ПК, ст. 55–69) использованы восемь цветовых эпитетов: *redde* (красный), *scarlot* (алый, багряный), *cremosin* (багрец, темно-красный), *damaske* (красноватый цвет дамасской розы), *greene* (зеленый) и *Primroses greene* (бледно-желтый), *white* (белый) и *ermine white* (снежно-белый). Цветовая палитра образа Элизы заметно отличается от той, которая использовалась поэтами-петраркистами для портретного описания дамы, и включала в себя белый, красный и желтый (золотой) цвета, а также синий и черный, употреблявшиеся для описания глаз, тогда как зеленый применялся исключительно в описаниях природы.

Кроме того, в спенсеровском портрете Элизы присутствуют упоминания листьев лавра, фиалок и желтых нарциссов, из которых только

² Далее в статье тексты «Пастушеского календаря» (ПК) и «Возвращения Колина Клаута» (ВКК) цитируются по этому изданию с указанием номеров стихов в круглых скобках.

последние имеют геральдический символизм, являясь цветком Святого Давида, небесного заступника Уэльса, откуда вели свой род Тюдоры. Фиалка является распространенным символом христианского смирения, происхождение которого восходит к Святому Бернару Клервоскому, назвавшему Богородицу «фиалкой смирения», тогда как темно-зеленый лавр вызывает множественные ассоциации, среди которых, впрочем, доминирует символика бессмертия, вечной жизни [Трессидер, 1999. С. 185]. Таким образом, лишь два цвета, алый и белый, описывающие «ангельский лик» королевы, имеют непосредственное отношение к передаче зрительного образа, но два уровня цветописи, собственно цветковые эпитеты и символические предметы, порождающие цветковые ассоциации, указывают на то, что Спенсер находился под влиянием традиций блазонирования, предполагающего изначальное указание цветов герба, а затем — описание имеющихся на нем фигур (лавра, фиалки и желтого нарцисса).

В традициях античной пиндарической оды воздавая похвалу роду Элизы и превознося ее выше античных божеств — Каллиопы, Цинтии и даже самого Феба, — Спенсер остроумно использует геральдический символизм для указания на августейший прототип пастушеской королевы: все относящиеся к ней восемь цветковых эпитетов совпадают с восемью цветами геральдической розы Тудоров, выполненной в виде пентакля, ассоциирующегося с пятью неотъемлемыми качествами истинного рыцаря: ее листья зелены, лепестки внешнего венчика содержат четыре оттенка красного, а внутреннего — два оттенка белого, тогда как сердцевина выделена бледно-желтым.

Второй спенсеровский портрет Елизаветы — прекрасная Цинтия в «Возвращении Колина Клаута» — более скуп на цветковые эпитеты, его колорит определяется преимущественно цветковыми ассоциациями: «I would her lyken to a crowne of lillies, / Upon a virgin brydes adorned head, / With Roses dight and Goolds and Daffadillies; / Or like the circlet of a Turtle true, / In which all colours of the rainbow bee...» («...Сравнил бы я ее с венцом из лилий / В уборе девственной невесты, / Украшенном розами, бархатцами и желтыми нарциссами, / Или с ожерельем верного Голубка, / В котором заключены все цвета радуги...» (ВКК, ст. 337—341)). Примечательно, что здесь в один ряд с радужностью шейного оперения голубя поставлены цветы довольно скромной цветовой гаммы. Белая лилия — символический цветок королевы-девственницы, однако упоминание других цветов, красных и желтых, также несет в себе идею особенности зрительного образа, поскольку теплые тона имеют тенденцию выступать на фоне других, подчеркивая значимость объекта [Балека, 2008. С. 180]. На том основании, что в поэме цитируется личный девиз Елизаветы «Semper idem» («всегда тот же», «всегда равный себе»), вынесенный на герб Англии, можно было бы вновь попытаться интерпретировать упоминаемые в данном фрагменте растения и связанные с ними цветковые ассоциации с помощью геральдики, поскольку в двух четвертях елизаветинского герба изображались английские золотые леопарды («львы, идущие

настороже») на красном поле, а в других четвертях — французские золотые лилии на синем поле, отражавшие сохранявшееся номинальное титулование Елизаветы как королевы Франции. Однако, на наш взгляд, в данном случае Спенсер стремился не столько использовать цветовые аллюзии, сколько акцентировать исключительность Цинтии-Елизаветы посредством образов многоцветия (радуги) и круга, наиболее совершенной из геометрических фигур, представленной в этом отрывке образами венка и шейного ожерелья голубя. Подобный союз цвета и формы подчеркивает великолепие образа королевы, ее недостижимые для прочих смертных качества, что полностью соответствует духу живописных парадных портретов государыни, изображающих ее с традиционными атрибутами власти: на «Портрете с Армадой» (1588) Дж. Гауэра правая рука королевы покоится на глобусе, символизирующем ее власть над миром, а подле нее изображена тюдоровская корона; на портрете кисти У. Сегара («Портрет с горностаем», 1575) левая рука королевы затянута в стилизованную рыцарскую перчатку, символизирующую намерение королевы защищать свой народ, на левом рукаве сидит горноста́й, воплощающий идею чистоты и целомудрия, а на безымянном пальце правой руки видно выставленное напоказ коронационное кольцо, которым королева была символически обручена с Англией.

На этом фоне несколько выделяется приписываемый М. Герартсу-Старшему или И. Оливеру [Strong, 1963. Р. 86] «Портрет с радугой». Автор посвященного ему подробного исследования Р. Грациани пришел к заключению, что данная картина представляет собой религиозно-аллегорическое изображение Елизаветы I как Христовой невесты [Graziani, 1972]. Между тем радуга, которую королева держит в правой руке, представляет собой многослойный символ. Одно из его основных значений — знак примирения Бога с жизнью на земле после Потопа: «Я посылаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением вечного завета между Мною и между землею» (Быт., 9:13). В западном искусстве встречаются изображения Христа-Судьи, восседающего на радуге, радуга также выступает как атрибут Девы Марии и Троицы. В античной же Греции богиня радуги Ирис считалась посланницей Зевса и Геры к обитателям земли. [Трессидер, 1999. С. 301–02]. Все эти значения выполняют функцию возвышения образа королевы, тем более, что она, словно небожительница, держит радугу в руке, обращая ее концы к земному миру.

Аллегорические прочтения портрета (Р. Грациани, Ф. А. Йейтс [Yates, 1975. Рр. 215–219; 220–221], Д. Фишлин [Fischlin, 1997]) строятся на восприятии его как эмблемы (на полотне начертан латинский девиз: «Non sine sole Iris» — «Без солнца нет Радуги»), но никак не объясняют фактическую бесцветность радуги на полотне. Вместе с тем очевидно, что спокойный, теплый колорит картины (она написана в золотисто-охристой гамме) определяется цветами волос королевы и ее одежд, а желтовато-коричневая прозрачность радуги лишь отражает лучи золотистого сияния, испускаемые царственной особой.

Примечательно, что в цветовой гамме «Портрета с радугой» преобладают оттенки красно-желтой части спектра, доминирующие в процитированном выше отрывке из «Возвращения Колина Клаута». При этом соположение образов королевы, золотисто-червонных тонов и радуги в «Возвращении Колина Клаута» предшествует появлению знаменитого позднего «радужного» портрета Елизаветы I (ок. 1600).

Характерной особенностью «Портрета с радугой», отмечаемой всеми исследователями картины, является «маска юности» на лице пожилой королевы, служащая знаком того, что Елизавета, в отличие от прочих смертных, не подвластна диктату времени. Примечательно, что и в этом позиция художника совпадает с тем, как Спенсер описывает Елизавету-Цинтию в «Возвращении Колина Клаута», где Цинтия превозносится не потому, что она юная и прекрасная, но потому, что она обладает теми достоинствами, которые со временем становятся лишь более драгоценными: «But vaine it is to thinke by paragone / Of earthly things, to judge of things divine: / Her power, her mercy, and her wisdom, none / Can deeme...» («Но тщетны старания подобрать сравнения / С земными вещами, судя о вещах божественных: / Ее могущество, ее милосердие и ее мудрость никто / Не может себе представить...», ВКК, ст. 344–347).

Мифологизация образа королевы позволяет Спенсеру перейти в плоскость аллегорического прославления Англии как чудесной страны, славу которой составляют служащие Елизавете идеальные придворные, двенадцать пэров-поэтов и столько же замечательных дам, которые, однако, при всех своих совершенствах уступают королеве во всех отношениях. Та же тенденция характерна и для «Королевы фей», где черты Елизаветы получили воплощение сразу в нескольких персонажах. Божественная Глориана стала воплощением Елизаветы-правительницы, Бельфеба — ее телесной красоты. Современники поэта безошибочно угадывали черты Елизаветы и в образе Уны [O'Connell, 1977. Pp. 46–47], имя которой ассоциируется с личным девизом королевы «Semper idem». В «Возвращении Колина Клаута» Спенсер обыграл этот девиз в хиазме «And I hers euer onely, euer one: / One euer I all vowed hers to bee, / One euer I, and others neuer none» (ВКК, ст. 477–479), занимающем «сильное» центральное место в геометрии текста, что придает ему дополнительную смысловую нагрузку.

Тожественность самой себе как своего рода победа над временем проявилась и в портретных изображениях Елизаветы. По мере того как королева старела, ее изображения становились все более эмблематичными, черты изображались как бы раз и навсегда определенными и неизменными [King, 1990. P. 43]. Это постоянство воплощается в цикличности: к концу царствования появляются портреты, изображающие Елизавету юной девушкой в коронационном одеянии. Вместе с тем сама королева любила подчеркивать свои постоянство и верность слову как в публичных речах (обращение к парламенту по поводу своего замужества (1563)), так и в переписке [Frye, 1996. Pp. 4–6]. Верность и постоянство являются одним из важнейших качеств Уны

в «Королеве фей». Покинутая рыцарем Красного Креста, она не меняет свое отношение к нему и, встретив его вновь, так же верна ему, как и до разлуки.

Постоянство Уны подчеркивается и минимализмом цветовой гаммы, соответствующей этому образу. «That virgin true» (КФ, I.i.48.9) [Spenser, 1859. P. 11], «royall virgin» (КФ, I.ii.7.5; I.iii.5.4; I.viii.26.1), «virgin borne of heauenly brood» (КФ, I.iii.8.7), «heauenly virgin» (КФ, I.vi.5.7) «Most vertuous virgin borne of heauenly berth» (КФ, I.x.9.3) — истинная, царственная, небесная Уна ассоциируется прежде всего с белым сиянием: ее лицо сияет, полное небесной благодати и славы (КФ, I.iii.4.6-8; I.xii.23.1); ее красота светла, словно ясное небо, (КФ, I.vi.4.8); она «полна небесного света» (КФ, I.ix.17.3).

В ренессансной эстетике белое рассматривалось не столько как цвет, сколько как свет. Так, Л.-Б. Альберти считал белый цвет единственно возможным способом передачи света [Балека, 208. С. 27]. Соответственно, образ сияющей Уны объясняет доминирование белого в ее атрибутах. Осел, на котором она едет, «белее снега» (КФ, I.i.4.2), она ведет за собой «молочно-белого ягненка» (КФ, I.i.4.9), и все же сама она «много белее» (КФ, I.I.4.3). Оба раза, когда Спенсер упоминает цвет ее одежд, — при первом появлении героини и в сцене ее свадьбы, — подчеркивается их лилейная белизна. Однако вплоть до свадьбы с Рыцарем Красного Креста, в аллегорическом плане соответствующей венчанию Елизаветы на царство, Уна носила поверх белых одежд черную накидку, затмевавшую ее сияние, религиозную истину, которую она олицетворяла как протестантская королева и защитница веры. Черный элемент одеяния не является атрибутом Уны, поскольку в символическом ключе воспринимается как период правления Марии I, когда Англия оказалась возвращенной в лоно католической церкви, а протестанты подверглись суровым гонениям.

Итак, в поэмах Спенсера мы наблюдаем три варианта мифологизированных портретов Елизаветы: прелестная пасторальная королева, светозарная правительница и последовательная поборница истины, а также повелительница волшебной страны, славной и своими богатствами, и удивительными людьми, которые, при всех их выдающихся качествах, не способны затмить ее совершенство. При этом портрет, изображенный в апрельской эклоге «Пастушеского календаря», отличается обилием деталей тюдоровского геральдического колорита, оказывающегося несущественным в более поздних вариантах. Вероятно, объяснить его отсутствие в портретах Елизаветы, данных в «Королеве фей» и «Возвращении Колина Клаута», может коренной перелом в политической обстановке, произошедший в Англии в 1587–1588 гг. и связанный с ликвидацией угрозы реставрации католицизма.

Пока была жива Мария Стюарт, в глазах католического мира она оставалась истинной королевой Англии, а Елизавета — узурпатором престола; более того, ей отказывали не только в законности рождения, но даже в принадлежности к роду Тюдоров. Таким образом, в созданном в первую половину царствования «Пастушеском календаре» ре-

шалась актуальная для протестантского большинства англичан задача подчеркнуть легитимность Елизаветы-королевы, чем можно объяснить геральдические мотивы в «апрельском» портрете. Казнь шотландской королевы и последующий разгром «Непобедимой армады» упразднили необходимость доказывать право Елизаветы на английский престол. Она окончательно утвердилась на нем, что и определило изменение характера ее изображения в «Королеве фей» и «Возвращении Колина Клаута».

ЛИТЕРАТУРА

- Балека Я. Синий — цвет жизни и смерти. Метафизика цвета. М.: Искусство-XXI век, 2008. 408 с.
- Бурова И. И. О живописности стиля поэзии Эдмунда Спенсера // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 19–24.
- Виппер Б. Р. Введение в историческое изучение искусства. М.: Изобразительное искусство, 1986. 286 с.
- Дмитриева О. В., Кудрявцев О. Ф., Руденко О. А. и др. Тюдоры. Сила и власть. М.: АСТ-Пресс, 2012. 128 с.
- Ершова Л. С. Понятие «живописное» и «животворное» в эстетике Вл. Соловьёва и А. Белого // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьёва: Материалы международной конференции. 14–15 февраля 2003 г. Сер. «Symposium». Вып. 32. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 334–339.
- Трессидер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Auerbach E. Portraits of Elizabeth I // The Burlington Magazine. Vol. 95. №. 603. 1953. Pp. 196–205.
- Fischlin D. Political Allegory, Absolutist Ideology, and the 'Rainbow Portrait' of Queen Elizabeth I // Renaissance Quarterly. 1997. № 50. Iss. 1. Pp. 175–206.
- Frye S. Elizabeth I: The Competition for Representation. Cary: Oxford University Press, 1996. 244 p.
- Graziani R. The 'Rainbow Portrait' of Queen Elizabeth I and its Religious Symbolism // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1972. Vol. 35. Pp. 247–259.
- Hake H. M. The English Historic Portrait, Document and Myth. London: Humphrey Milford, 1943. 20 p.
- Hazard M. E. Elisabethan Silent Language. Lincoln: University of Nebraska Press, 2000. 345 p.
- Kantorowicz E. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton: Princeton University Press, 1957. 568 p.
- King J. N. Queen Elizabeth I: Representations of the Virgin Queen // Renaissance Quarterly. Vol. 43. № 1 (Spring, 1990). Pp. 30–74.
- O'Connell M. Mirror and Veil: The Historical Dimension of Spenser's Faerie Queene. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1977. 220 p.
- Spenser E. The Faerie Queene. New York: Appleton and Company, 1859. 820 p.
- Spenser E. The Yale Edition of the Shorter Poems of Edmund Spenser / Ed. W. A. Oram, E. Bjorvand, R. Bond et al. New Haven; London: Yale University Press, 1989. 830 p.
- Strong R. Portraits of Queen Elizabeth I. New York: Oxford University Press, 1963. 180 p.
- Taine H. A. History of English Literature / transl. H. Van Laun. New York: Holt, 1879. 654 p.

Vignaux M. Gloriana: Élizabéth Ire d'Angleterre ou la Gloire Incarné // Histoire, Économie et Société. № 2. 2001. Pp. 151–161.

Yates F. A. *Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century*. London: Routledge & Kegan Paul, 1975. 233 p.

REFERENCES

- Baleka Ya. *Sinii — tsvet zhizni i smeri. Metafizika tsveta* [Blue is the colour of life and death. Metaphysics of colour]. Moscow, Iskusstvo-XXI vek Publ., 2008, 408 p.
- Burova I.I. O zhivopisnosti stilya poezii Edmunda Spensera [On the picturesque style of Edmund Spenser's poetry]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of St. Petersburg university], Series 9, 2010, no. 3, pp. 19–24.
- Vipper B.R. *Vvedeniye v istoricheskoye izucheniye iskusstva* [Introduction to the historical study of arts]. Moscow, Izobrazitelnoye iskusstvo Publ., 1986, 286 p.
- Dmitrieva O.V., Kudriavtsev O.F., Rudenko O.A. et al. *Tudory. Sila i vlast* [The Tudors. Might and power]. Moscow, AST-Press Publ., 2012, 128 p.
- Yershova L.S. Poniatie 'zhivopisnoye' i 'zhivotvornoye' v estetike VI. Solovieva i A. Belogo [The concept of 'picturesque' and 'life-giving' in the aesthetics of VI. Soloviev and A. Bely]. *Minuvsheye i neprikhodyascheye v zhizni i tvorchestve V. S. Solovieva: Materiali mezhdunarodnoi konferentsii. 14–15 fevralya 2003 g. Ser. "Symposium"*. Vip. 32 [The past and imperishable in V. S. Soloviev's life and works: Proceedings of the international conference. February 14–15, 2003. "Symposium" series, vol. 32]. Saint Petersburg, Saint Petersburg philosophical society, 2003, pp. 334–339.
- Tressider J. *Slovar simvolov* [The dictionary of symbols]. Moscow, FAIR-Press, 1999, 448 p.
- Auerbach E. Portraits of Elizabeth I. *The Burlington Magazine*, vol. 95, no. 603, 1953, p. 196–205.
- Fischlin D. Political Allegory, Absolutist Ideology, and the 'Rainbow Portrait' of Queen Elizabeth I. *Renaissance Quarterly*, 1997, no. 50, iss. 1, pp. 175–206.
- Frye S. Elizabeth I: *The Competition for Representation*. Cary, Oxford University Press, 1996, 244 p.
- Graziani R. The 'Rainbow Portrait' of Queen Elizabeth I and its Religious Symbolism. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 1972, vol. 35, pp. 247–259.
- Hake H.M. *The English Historic Portrait, Document and Myth*. London, Humphrey Milford, 1943, 20 p.
- Hazard M.E. *Elizabethan Silent Language*. Lincoln, University of Nebraska Press, 2000, 345 p.
- Kantorowicz E. *The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology*. Princeton, Princeton University Press, 1957, 568 p.
- King J.N. Queen Elizabeth I: Representations of the Virgin Queen. *Renaissance Quarterly*, vol. 43, no. 1 (Spring, 1990), pp. 30–74.
- O'Connell M. *Mirror and Veil: The Historical Dimension of Spenser's Faerie Queene*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 1977, 220 p.
- Spenser E. *The Faerie Queene*. New York, Appleton and Company, 1859. 820 p.
- Spenser E. *The Yale Edition of the Shorter Poems of Edmund Spenser*, ed. W.A. Oram, E. Bjorvand, R. Bond et al. New Haven; London, Yale University Press, 1989, 830 p.
- Strong R. *Portraits of Queen Elizabeth I*. New York, Oxford University Press, 1963, 180 p.
- Taine H.A. *History of English Literature*. Transl. H. Van Laun. New York, Holt, 1879. 654 p.

Vignaux M. *Gloriana: Élizabeth Ire d'Angleterre ou la Gloire Incarné*. Histoire, Économie et Société, no. 2, 2001, pp. 151–161.

Yates F.A. *Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century*. London, Routledge & Kegan Paul, 1975, 233 p.

Ирина Игоревна Бурова

Доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Irina Burova

Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, Russia
i.burova@spbu.ru

Юлия Николаевна Никитенко

Аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Iulia Nikitenko

Post-graduate student
St. Petersburg State University, Russia
yulianikitenko86@gmail.com

И. М. Вознесенская

Санкт-Петербургский государственный университет

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ (В АСПЕКТЕ ТИПОЛОГИИ ОБЪЯСНЕНИЯ)

Ключевые слова: типы текста, функционально-смысловые типы речи, объяснение, интерпретация, семантическая композиция, русский язык как иностранный, обучение связной речи.

В статье рассматривается текст-объяснение в одной из своих разновидностей, представляющей в качестве объекта произведение живописи. Вербальная интерпретация картин анализируется в аспекте типологии текста с целью выявления устойчивых компонентов его смысловой структуры и опорных средств языковой реализации. Рассматриваются языковые средства, мотивированные, с одной стороны, спецификой объясняемого объекта (принадлежащего сфере художественного познания), с другой стороны, параметрами коммуникативной ситуации, в которой адресант-специалист представляет знания о картине адресату-неспециалисту.

Irina Voznesenskaia

St. Petersburg State University, Russia

LINGUISTIC MEANS OF VERBAL INTERPRETATION OF PAINTING AND EXPLANATION TYPOLOGY

Keywords: text types, functional and semantic types of speech, explanation, interpretation, semantic composition, Russian language as a foreign language, teaching coherent speech.

The article focuses on the text-explanation in one of its variants with a painting as its object. Verbal interpretation of the paintings is approached from the text typology perspective in order to constant components of its semantic structure and key components of linguistic realisation. It discusses linguistic means, which are, on the one hand, motivated by the specificity of the art object and, on the other hand, parameters of the communication situation where addresser-specialist presents what he/she knows about the painting to the addressee-non-specialist.

Задачи обучения связной речи (ее восприятию и порождению) требуют лингвистической разработки типологии текста, уточнения способов изложения соотносительно с характером текстовой информации, коммуникативными обстоятельствами и установками говорящего. Поиски специалистов ведутся в направлении речевых жанров [Бахтин, 1986], выявления и применения к анализу текстовых категорий, позволяющих найти непротиворечивые основания для типологии текста

[Текст: теоретические основания и принципы анализа, 2011]. Особую актуальность в лингводидактическом аспекте при обучении русскому языку как иностранному имеет проблема связи того или иного типа текста, его композиционно-содержательных фрагментов со средствами языкового выражения, что необходимо для обучения речевому оформлению типологизированного содержания.

В лингвистической традиции исследование типологии текстов соотносится с изучением функционально-смысловых типов речи, где наряду с общепризнанными описанием, повествованием и рассуждением некоторые специалисты выделяют и объяснение как подтип рассуждения [Одинцов, 1980; Вейзе, 1985; Трошева, 2003]. А. А. Кибрик со ссылкой на зарубежных исследователей говорит о «типах изложения» — описательном, повествовательном, объяснительном, убеждающем, инструктивном [Кибрик]. В этом аспекте интерпретация реализуется как объяснительный тип изложения, «поскольку ее назначение состоит в разъяснении неочевидного» [Карасик, 2010. С. 232]. Интерпретативная деятельность предполагает не только операции сознания и мышления воспринимающего лица с целью понимания того или иного художественного феномена, но и речевую реализацию этого понимания, направленную адресату. «Необходимым завершением понимания является экстерииоризация знаний, их фиксация и передача другим людям» [Там же]. Таким образом, текст — интерпретация произведения живописи как вербальное отражение его понимания, рефлексии на содержание картины — оформляется в объяснительном типе изложения, включающем установку на передачу знания другому, актуализирующем адресата как важнейшего участника коммуникативной ситуации.

Объяснение представляет собой функционально-смысловой тип речи, способ изложения, создаваемый в условиях информационного неравенства адресанта и адресата и реализующий интенцию объяснения, направленную на достижение понимания адресатом некоторого предмета или явления. Как указывают Н. А. Купина и Т. В. Матвеева, «объяснение, в отличие от доказательства, используется в ситуации интеллектуального неравенства адресанта и адресата речи <...> Адресанту уже известна та или иная мысль по данному поводу, и он подбирает аргументы, чтобы убедительно представить эту мысль неосведомленному или менее осведомленному адресату» [Купина, Матвеева, 2013. С. 113–114]. Объяснение строится посредством информирования о существенных (или актуальных в определенной ситуации) характеристиках объекта с целью расширить представления о нем мотивированного к этому адресата [Вознесенская, Шкурина, 2013]. Лингвистические исследования текста-объяснения преимущественно связаны с научной и учебно-научной сферами, что вполне естественно, т. к. именно область научного знания представляет познаваемую объективную сущность предметов и явлений мира [Куриленко, 2004]. Однако возникает вопрос о лингвистических чертах текста-объяснения, принадлежащего художественному познанию, специфичному

по отношению к научному. Культурные артефакты — кино, музыка, живопись и архитектура, фотография — также могут быть объектом объяснения, что ставит задачу выявления типовых языковых характеристик такого типа текста. Вербальные интерпретации произведений живописи, направленные широкой аудитории читателей или слушателей, обладают своими особенностями, обусловленными как сферой действительности, к которой принадлежит объясняемый объект (искусство, культура), так и стратегиями адресанта, оказывающего воздействие на адресата. Данные факторы определяют специфику речевой организации текстов-объяснений, представленных интерпретациями произведений живописи специалистами, обращающимися к непрофессионалам. Композиция и семантика текста-интерпретации требует опоры на устойчивые смысловые универсалии — компоненты художественной информации, с определенной степенью регулярности воплощенные в толкованиях произведений искусства. Эти компоненты соотносятся с характерными языковыми средствами, используемыми а) для представления (номинации) элементов визуального ряда, композиции, сюжета картины; б) для отражения идей (суждений, наделяющих визуальный ряд содержанием, смыслами) и в) для реализации впечатлений, вызванных произведением живописи (оценочные, эмоционально-экспрессивные средства, передающие восприятие художественного объекта).

Тексты-объяснения произведений изобразительного искусства не только функционируют в специализированных лекциях и книгах по искусствоведению, но встречаются достаточно широко и в других жанрах и сферах речи: на экскурсиях, в рецензиях и анонсах художественных экспозиций в газетах и журналах, в научно-популярных книгах и лекциях, в дружеском общении при обсуждении картин и выставок, обмене впечатлениями, в учебной практике (школьное сочинение по картине). Такого рода тексты удовлетворяют познавательные потребности человека в сфере художественной культуры. Сложность объекта определяет потребность научиться его понимать. Отсюда вытекает потребность в объяснении, отражающем понимание специалиста, знания которого помогают увидеть смысл, открыть, разгадать тайну, скрытую в художественном произведении. Неслучайно многие из книг и познавательных сайтов в названия и аннотации выносят вопросы: *Как понимать произведения живописи? Как отличать, смотреть и понимать шедевры живописи? Пойми, почему это шедевр. Как говорить об искусстве с детьми? Как рассматривать картину?*, см., например: [Барб-Галль, 2014]. Чем дальше произведение живописи от реальной действительности, тем больше оно требует объяснения. К. А. Рогова, характеризуя ситуацию в русском искусстве на рубеже XIX–XX веков, отмечает: «Конец XIX — начало XX века: всё набирает смысл, всё становится гораздо более насыщенным, и требуется уже дать какие-то объяснения, научить воспринимать эту живопись. И Бенуа открывает журнал „Мир искусства“» [Рогова, 2011. С. 16].

Вопрос о специфике текста-объяснения произведений живописи обусловлен прежде всего разницей художественного и научного познания.

Согласно словарным определениям, научное познание, в отличие от других многообразных форм познания, — это процесс получения объективного, истинного знания, направленного на отражение закономерностей действительности, его цель — объективная истина, получение достоверных знаний о мире. Научное познание опирается на рациональные, логико-понятийные методы мышления. Познание художественное — образное постижение действительности, представляющее ее во всей полноте и многообразии ее характеристик и являющееся альтернативой понятийно-логическому постижению действительности. Формой мышления в искусстве является художественный образ, достигающий органического слияния интеллектуального и чувственного начал и являющийся зримым воплощением идеи [Энциклопедия эпистемологии и философии науки]. Таким образом, в содержании научного (учебного, научно-популярного) текста-объяснения представляются объективные свойства предмета действительности, отражающие его суть. В таком случае, что лежит в предметно-содержательной основе объяснения произведения живописи? Очевидно, это живописный образ в единстве его идейного и эмоционального планов, сложившийся в сознании воспринимающего человека, который реализует его в словесной форме в тексте-объяснении, с установкой на понимание и эмоциональный отклик адресата. Таким образом, референт такого речевого построения находится в сфере сознания воспринимающего лица, трактовку получает образ как воплощение идеи. Говорящий пытается дать объяснение художественному объекту, ищет отраженный в произведении смысл, воплощенный художником в образной форме.

По отношению к текстам-объяснениям картин применим термин «интерпретация», представляющий собой один из жанров объяснения, предполагающий индивидуальные творческие усилия говорящего, поисковый характер его деятельности, преследующий цель постижения и передачи адресату понятия смысла произведения искусства.

В. 3. Демьянков пишет: «Интерпретация <...> представляет собой получение на основе одного, „исходного“ объекта (называемого интерпретируемым) другого, отличного от него объекта, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций и знаний» [Демьянков].

В филологической сфере, как известно, термин **интерпретация** используется применительно к художественному тексту: «Интерпретация — это толкование, трактовка, раскрытие смысла текста. Процесс интерпретации сопряжен с пониманием и обеспечивает общение. Его сложность в отношении художественного текста определяется прежде всего сложностью смысловой структуры такого текста, требующей для понимания интеллектуальных усилий» [Рогова]. П. Рикёр связывает интерпретацию с особой работой мышления, «которая

состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [Рикёр, 1995. С. 18].

К произведениям живописи также приложимы категории содержания и смысла, поверхностной и глубинной структуры, при этом вершиной интерпретации будет именно смысловое содержание картины.

Выбор подходов к проблеме выявления семантической композиции интерпретации может быть подсказан психолингвистическими работами, связанными с анализом процессов восприятия.

Л. Г. Васильев различает в процессах понимания узнавание (или опознание), постижение (в рассуждении), декодирование (при столкновении с чем-то новым и неизвестным), осмысление, интерпретацию (передача опыта другим) [Васильев, 1991]. Интерпретация произведений искусства связывается специалистами с выявлением этапов, уровней восприятия, получающих отражение в текстах вербальных интерпретаций произведений искусства. Е. А. Елина выделяет в структуре восприятия произведений изобразительного искусства четыре акта: первый соотносится с восприятием поверхностной фактуры изображения, визуальным рядом; второй состоит в предметном соотношении изображения с денотатом, узнаванием на основе сличения с хранящимися в памяти понятиями и представлениями; третий предполагает наделение визуального ряда определенным содержанием, смыслом, образностью; в процессе четвертого акта восприятия реализуется индивидуальное понимание визуального ряда в виде развернутой рефлексивной интерпретации изображения [Елина, 2003. С. 10–11]. Предложенный этим исследователем подход представляется весьма продуктивным, поэтому воспользуемся его основными положениями для выявления семантической композиции интерпретации и сделаем несколько уточнений. Текст-интерпретация картины обычно ориентирован на адресата, поэтому акты восприятия касаются обоих участников коммуникации — и говорящего, и адресата. Строя интерпретацию-объяснение, говорящий ориентируется на восприятие адресата, выбирает путь с установкой донести свое понимание до адресата, вовлекая его в ход наблюдений и рассуждений, таким образом интерпретатор как бы повторно проходит путь постижения смысла картины, теперь уже с позиции адресата, вместе с ним, управляя пониманием, направляя интерпретацию к конечной цели — выражению смысла картины.

В качестве примера для демонстрации смысловой структуры текста-интерпретации используем фрагмент из книги Паолы Волковой «Мост через бездну» [Волкова, 2014. С. 106–109]. В лекциях и книгах этого автора предложены интересные подходы и трактовки, при этом книга адресована широкой аудитории любителей живописи, реализуя просветительскую задачу объяснения уникальности шедевров искусства и мастерства их авторов, т. е. коммуникативная направленность, отражающая действие категории объяснительности, находит в этой работе яркое воплощение.

Рис. 1. Леонардо да Винчи.
«Святая Анна с Мадонной
и Младенцем Христом»

Итак, рассмотрим фрагмент из главы 6, посвященной картине «Святая Анна с Мадонной и Младенцем Христом» Леонардо да Винчи. Это произведение содержит много загадок и поэтому дает возможность для интерпретаций.

Семантическая структура текста-интерпретации отражает названные выше акты восприятия, указанные в работе Е. А. Елиной.

Первый компонент интерпретации — словесное представление видимого (*Что изображено?*). Речь обращена вовне — в мир действительности (реальной или воображаемой художником). Участок мира получает речевое воплощение, говорящий фиксирует, констатирует с помощью языка ситуацию изображенной действительности:

(1) На картине изображены св. Анна, дева Мария и младенец Иисус, который держит за ухо ягненка.

За спинами фигур виден какой-то каменистый пейзаж, на его фоне отчетливо выделяется дерево с густой кроной. Сумерки покрывают землю, это закат или рассвет. Тела составляют в пространстве подобие пирамиды. Мягкий свет озаряет лица матери и ребенка...

Этот компонент опирается на описание как ведущий функционально-смысловой тип речи, соответственно используются характерные для него языковые средства, в частности, характеризующие положение предметов, фигур в пространстве, употребляются глаголы с семантикой действия и состояния. Значимыми в построении речи являются точность номинаций предметов, фигур, фона, актуальны также некоторые термины искусствоведения — *композиция, план, рисунок, фон, тон, цвет, свет, колорит, мазок*. Данный компонент может опираться и на повествование, например, в случае картин на исторический, мифологический, библейский сюжет, лежащий в их основе (например, «Покорение Сибири Ермаком», «Даная», «Возвращение блудного сына» и т. п. произведения).

Второй компонент интерпретации отражает в речи представление говорящего о том, как видится изображаемое (*Что значит тот или иной предмет на картине? Каков он? Какие впечатления и эмоции он вызывает?*). В этом компоненте происходит надделение изображения

(его деталей) идентифицирующими или оценочными компонентами, проявляется субъективация изображенного. Содержательное наполнение обусловлено соотносением изображения с хранящимися в памяти понятиями и представлениями, актуализацией знаний и опыта интерпретатора.

...Эта картина написана *совершенно*. Эта картина написана так, как современники не писали, она *полна воздуха, она наполнена воздухом земли*, тем, что Леонардо называл *сфумато*. Это *светло-воздушная среда, в которой мы живем*.

На этом этапе говорящий уже интерпретирует изображение, приписывая ему определенную структуру, вычлняя и квалифицируя его отдельные элементы, происходит отбор компонентов, значимых для последующего толкования и движения к цели, — представлению смысла.

(2) Главная фигура — это фигура Анны. Верхняя часть ее фигуры на фоне {безводного, кремнистого} ландшафта — *она причастна этому ландшафту*. А вот ноги Анны — в воде, мы видим, что она ноги держит в проточной воде. Вода написана *бесподобно*, вода *прозрачна, легка, холодна*, мы видим каждый камешек на дне.

И вот Анна сидит, и одна часть ее на фоне этого безводного кремнистого ландшафта, а вся вторая, нижняя часть туловища — она держит ноги в воде. *Анна как бы принадлежит этим двум совершенно разным стихиям: водности и безводности*.

Анна смотрит на Марию, потому что Мария сидит у неё на коленях. Обратите внимание, пожалуйста, и ответьте на вопрос: «А Мария знает, на чьих коленях она сидит?» Вот Анна Марию видит, а видит ли Мария Анну? Нет, она не то, что её не видит, она даже не подозревает о её существовании. Она не знает, что сидит на коленях у Анны. Мы это видим, а она этого не знает. Мария Анну не видит. И *вся фигура Марии, она связана с темой земли*. Потому что, сидя на коленях у Анны, как бы выходя из её чрева, как бы выходя из её лона, она ноги держит на земле. ... А кого же Мария видит? Кто есть часть её? Это вот эта *цепь*: когда рукой она тянет к себе младенца, и младенец смотрит на неё, то есть между Марией и Младенцем *безусловный контакт, они эту цепь создают...* И в свою очередь Младенец притягивает к себе за уши агнца. И всё, что связано с этим вот триумвиратом: Мария, Младенец, агнец — *это всё связано с ландшафтом земным. Эти трое принадлежат земле*.

(Какую мысль вкладывал Леонардо? — И. В.) Почему голова Анны на фоне лунного пейзажа, а ноги — в воде? почему Мария сидит на коленях у Анны, но она ее не видит? почему Мария видит только Младенца, а Младенец как-то слепо тянет за уши агнца? Мы можем сделать только какое-то предположение по этому поводу.

В этом, втором, компоненте происходит привлечение внимания к деталям, автор заостряет загадку, ставит проблемный вопрос, задает направление работе мысли, поиску, таким образом интерпретация реализует стратегию вовлечения адресата в совместный поиск.

Актуальные языковые средства связаны с вербализацией наблюдений, выделенных интерпретатором и отражающих его видение отдельных составляющих картины. Активны языковые средства квалификации и характеристики объектов: *Анна причастна этому ландшафту, Анна как бы принадлежит этим двум совершенно разным стихиям: водности и безводности. Мария связана с темой земли, между Марией и Младенцем безусловный контакт, они эту цепь создают... Мария, Младенец, агнец — это всё связано с ландшафтом земным. Эти трое принадлежат земле. Вода написана бесподобно, вода прозрачна, легка, холодна и т. п.*

На основе знаний интерпретатора отдельные компоненты картины осложняются конструкциями квалификации (объяснение символов и аллегорий, стоящих за отдельными предметами изображения: *Что это? Что это означает?*).

В данном компоненте текстов-интерпретаций в целом актуальны лексические единицы с семантикой чувственного восприятия, передающие зрительные, слуховые ощущения, цвет и свет, а также оценочные средства аксиологического или эмоционального характера, среди которых активно используются группы слов с семантикой общей оценки (*бесподобно, замечательный, необыкновенный, удивительный*), а также называющие чувства и эмоциональные состояния (*светлые, радостные тона; теплота и радость, обреченность и грусть, жалость и сострадание, усталость и опустошенность* и т. п.). Эмоционально-оценочные средства составляют значимый компонент текста, воздействуют на адресата, вызывают в нем отклик. При этом описание приобретает детализированный, конкретизированный характер, интерпретатор акцентирует отдельные фрагменты содержания изображения или его формы (например: *жесткий мазок, равновесие форм, беспокойный рисунок, агрессивный колорит* и т. п.). Приведенные примеры лексических единиц выходят за рамки рассмотренного отрывка, демонстрируя в целом актуальность и типологичность такого рода языковых средств в речевом оформлении второго содержательного компонента интерпретации.

Третий компонент интерпретации — вербализация смыслов, связанных с отдельными элементами картины (*Какая мысль (чувство) выражены в том или ином элементе картины?*). Этот компонент интерпретации содержит умозаключения, вытекающие из предшествующих наблюдений как посылок, отдельные элементы визуального ряда наделяются определенным содержанием, смыслом, образностью, получают осмысление и трактовку в тексте-интерпретации.

Если первые два компонента соотносятся с видимым миром и подготавливают переход от внешнего плана (поверхностной структуры) — к внутреннему, то в третьем компоненте речь связана с мен-

тальным планом, выходит на уровень обобщений, в нем реализуются умозаключения интерпретатора, имеющие выводной характер. Таким образом, изменяется референтная отнесенность — речь переключается в сферу мыслей, идей интерпретатора.

Четвертый компонент интерпретации — вербализация целого смысла картины, выраженная в обобщающем суждении, основанном на умозаключении. Этот компонент имеет максимально интегративный характер, объединяя предшествующие наблюдения в общее заключение, раскрывающее смысловое и связанное с ним эмоциональное содержание произведения (*Какой смысл (мысль, чувство) выражен в картине?*). В анализируемом тексте П. Волковой четвертый компонент интерпретации предшествует третьему, в этом случае логика автора идет от общего заключения к частным, детализирующим доводам.

(4) Конечно, эпоха Леонардо да Винчи была эпохой великих открытий. Эта эпоха очень интересовалась небом, она очень интересовалась космосом, она очень интересовалась Вселенной, не просто Вселенной как творением божественного разума, она интересовалась Вселенной как некоей великой загадкой. И мы не исключаем такую возможность, что *«Святая Анна с Мадонной и младенцем Христом» представляет собой какой-то вариант гипотезы о том, что существует Всемирный разум, Всемирный дух, не Вселенский, а именно Всемирный разум, Всемирный дух.*

(3) Женское начало было главным, и не исключено, что этот всемирный дух был представлен праматерью, прародительницей Анной... Возможно, Леонардо ту гипотезу нам преподносит, что *Земля началась, когда началась на ней вода, что вот этой праточкой, соединившей Землю с нежизненным космосом, является вода.* Поэтому — вдовство Анны, поэтому её образ — *на фоне этого ландшафта, а ноги ее в воде.* Вот это видение из воды.

А уже Мария представляет собой мифологический образ Геи: Мать-Земля, она же и Мария, она же и мать человеческая. Младенец представляет собой это человечество, которое по отношению к праматери, к праземле, является ещё в младенческом состоянии. То, что мы обозначили, может быть оспорено вами, может быть оспорено кем угодно, потому что это не более, чем «Мы так разрешаем эту загадку».

И вы стоите перед картиной и любуетесь, любуетесь как произведением искусства. А дальше в тайну содержания картины вам проникнуть трудно [Волкова, 2014. С. 106–109].

Интерпретация-объяснение приводит к открытию, обнаруживая что-то новое, что было раньше от скрыто от адресата. В данном случае П. Волкова дает в интерпретации живописного образа свое понимание тайного смысла этого шедевра, который, по мнению специалиста, отражает картину мироздания, метафору мироздания как послание Леонардо, постигшего суть мироустройства, обладавшего, как пишет Волкова, «знанием чего-то, чего мы не коснемся даже». Выведенная

интерпретатором догадка, ускользающая, спрятанная от нас мысль получает воплощение в завершающем компоненте текста.

В третьем и четвертом компонентах интерпретации значимость приобретают абстрактные пласты лексики, конструкции идентификации и квалификации, а также оценочная лексика, характеризующая уникальное мастерство художника.

Таким образом, интерпретация-объяснение строится как индуктивное рассуждение, что составляет отличительную особенность данного типа текста-объяснения. Как известно, индукция — это способ мышления от отдельного к общему, от деталей к целому. Первые два компонента — посылки, дающие основания для умозаключений и обобщений, опираются преимущественно на описание как функционально-смысловой тип речи и отражают в речи предметно-денотативный план картины. Третий и четвертый, представляющие суждения о смысле картины, переводят интерпретацию на ментальный уровень, переключая речь в форму рассуждения. Такая логика построения объяснения в тексте-интерпретации соответствует общей стратегии интерпретатора, вовлекающего адресата в совместный поиск скрытого в произведении смысла.

Выделенные компоненты текста-интерпретации в разной степени развернутости и редукции как структурная универсалия свойственны объяснениям картин как профессионалами-искусствоведами, так и неспециалистами (экспериментальные исследования такого рода приводятся в указанной выше работе Е. А. Елиной [Елина, 2003]). Языковая специфика текстов-интерпретаций определяется не только их тематической принадлежностью сфере искусства и потому актуальными в этом плане классами специальной лексики и терминологии искусствоведения, но прежде всего их семантико-композиционной структурой. Обучение восприятию и порождению данного типа текста как целостного образования требует опоры на регулярные компоненты интерпретации и обеспечивающие их вербальное оформление типовые языковые средства. Речевое развертывание интерпретации картин предполагает: вербализацию изображения с опорой на конструкции описания, их последующее осложнение субъективно-модальными средствами, переход к синтаксическим моделям и лексике, оформляющим умозаключения об отдельных компонентах изображения и, наконец, к выводному суждению о смысле картины, обобщающему предшествующие посылки на основе причинно-следственных связей. Предложенный в статье подход отвечает лингводидактическому аспекту речеведения, в русле которого остается актуальным уточнение и поиск стабильных оснований для текстовой типологии и систематизации языковых средств с целью обучения связной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Барб-Галль Ф. Шедевры мировой живописи: как отличать, смотреть и понимать. М.: Эксмо, 2014. 312 с.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 250–296.

- Васильев Л. Г. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. 67 с.
- Вейзе А. А. Чтение, аннотирование и реферирование иностранного текста: учеб. пос. М.: Высшая школа, 1985. 127 с.
- Волкова П. Д. Мост через бездну. М.: Зебра Е, 2014. 224 с.
- Вознесенская И. М., Шкурина Н. В. Проблемные аспекты объяснения как типа текста // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей / ред. кол.: Л. П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 9. С.13–28.
- Демянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (Интерпретирующий подход к аргументации) // Когнитивные аспекты лексикографии [Электронный ресурс]. URL: www.infolex.ru/IZV4_82.html (дата обращения: 05.09.2015).
- Елина Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2003. 52 с.
- Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 421 с.
- Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Сайт Фил. фак-та Моск. гос. ун-та [Электронный ресурс]. URL: www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrikaa/files/Discourse_classification@VJa_2009.pdf (дата обращения: 10.09.2013).
- Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 415 с.
- Куриленко В. Б. Учебно-научные тексты-объяснения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык нефилологам, теория и практика. 2004. № 5. С. 128–140.
- Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 261 с.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступ. ст. И. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. 624 с.
- Рогова К. А. Интерпретация современного художественного текста (лингвистический аспект) // The Slavic and East European Language Resource Center [Электронный ресурс]. URL: slaviccenters.duke.edu/uploads/media_items/2rogova.original.pdf (дата обращения: 05.09.2015).
- Рогова К. А. Прогулки по Русскому музею // Мысль. Текст. Стиль: сб. ст., посвященный доктору филологических наук, проф. К. А. Роговой / под ред. Л. Р. Дускаевой и В. И. Конькова. СПб.: 2011. С. 6–18.
- Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пос. / под ред. проф. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.
- Трошева Т. Б. Объяснение // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 260–263.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация» И. Т. Касавин, 2009. Сайт «Энциклопедии и словари» [Электронный ресурс]. URL: enc-dic.com/enc_epist/Poznanie-hudozhestvennoe-525.

REFERENCES

- Barb-Gall' F. *Shedevry mirovoi zhivopisi: kak otlichat', smotret' i ponimat'* [Masterpieces of world's painting : How to differentiate, assess and understand]. Moscow, Eksmo Publ., 2014, 312 p.
- Bakhtin M.M. *Problema rechevykh zhanrov* [Speech genres]. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow, 1986, pp. 250–296.
- Vasil'ev L.G. *Tekst i ego ponimanie* [Text and its understanding]. Tver, Tver. gos. un-t, 1991, 67 p.

- Veize A.A. *Chtenie, annotirovanie i referirovanie inostrannogo teksta* [Reading, annotation and abstracting of foreign text], Textbook. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1985, 127 p.
- Volkova P.D. *Most cherez bezdnu* [A bridge across an abyss]. Moscow, Zebra E Publ., 2014, 224 p.
- Voznesenskaia I.M., Shkurina N. V. Problemnye aspekty ob"iasneniia kak tipa teksta [Problematic aspects of explanation as a text type]. *Iazyk, literatura, kul'tura: Aktual'nye problemy izucheniia i prepodavaniia* [Language, literature, culture: Current problems of learning and teaching], collective works, eds. L.P. Klobukova and etc. Moscow, MAKSS Press, 2013, no. 9, pp. 13–28.
- Dem'iankov V.Z. Konventsii, pravila i strategii obshcheniia (Interpretirovushchii podkhod k argumentatsii) [Conventions, rules and strategies of communication: Interpretation approach to argumentation]. *Kognitivnye aspekty leksikografii* [Cognitive aspects of lexicography]. Available at: www.infolex.ru/IZV4_82.html (accessed 05.09.2015).
- Elina E.A. *Verbal'nye interpretatsii proizvedenii izobrazitel'nogo iskusstva* [Verbal interpretation of art works], *Extended abstract of PhD Thesis*. Volgograd, 2003, 52 p.
- Karasik V.I. *Iazykovaia kristallizatsiia smysla* [Linguistic crystallisation of meaning]. Volgograd, Paradigma, 2010, 421 p.
- Kibrik A.A. *Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov* [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. Available at: www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrikaa/files/Discourse_classification@VJa_2009.pdf (accessed 10.09.2013).
- Kupina N.A., Matveeva T.V. *Stilistika sovremennogo russkogo iazyka* [Stylistics of modern Russian language], textbook. Moscow, Iurait Publ., 2013, 415 p.
- Kurilenko V.B. Uchebno-nauchnye teksty-ob"iasneniia [Teaching-scientific text-explanations]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov* [Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia], Seriya: Russkii iazyk nefilologam, teoriia i praktika [Series: Russian language for non-philologists, theory and practice], 2004, no. 5, pp. 128–140.
- Odintsov V.V. *Stilistika teksta* [Stylistics of text]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 261 p.
- Riker P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenевtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics], transl. and Introduction by I. Vdovina. Moscow, KANON-press-Ts; Kuchkovo pole, 2002, 624 p.
- Rogova K.A. Interpretatsiia sovremennogo khudozhestvennogo teksta (lingvisticheskii aspekt) [Interpretation of modern literary text : Linguistic aspect]. *The Slavic and East European Language Resource Center* [The Slavic and East European Language Resource Center]. Available at: slaviccenters.duke.edu/uploads/media_items/2rogova.original.pdf (accessed 05.09.2015).
- Rogova K. A. Progulki po Russkomu muzeiu [Walks in the Russian museum]. *Mysl'. Tekst. Stil'*: sb. st., posviashchennyi doktoru filologicheskikh nauk, prof. K.A. Rogovoi [Thought. Text. Style: Collection of papers dedicated to Doctor of Philology, Prof K.A. Rogova], eds. L.R. Duskaeva, V.I. Kon'kov. Saint Petersburg, 2011, pp. 6–18.
- Tekst: teoreticheskie osnovaniia i printsipy analiza* [Text: Theoretical basis and principles of analysis], Textbook, ed. prof. K.A. Rogova. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2011. 464 p.
- Trosheva T.B. Ob"iasnenie [Explanation]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Stylistic encyclopedic dictionary], ed. M.N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2003, pp. 260–263.

Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiia» I.T. Kasavin, 2009. Available at: enc-dic.com/enc_epist/Poznanie-hudozhestvennoe-525.

Ирина Михайловна Вознесенская

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Irina Voznesenskaia

Candidate of Philology, Associate Professor

St. Petersburg State University, Russia

i.voznesenskaya@spbu.ru

A. Гац

Силезский университет (Польша)

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ МЕТАФОРЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ АКТом ПРИЕМА ПИЩИ

Ключевые слова: метафора, глаголы питания, био-физико-химические процессы, явления природы, русский язык, польский язык.

В настоящей статье рассматриваются русские и польские глагольные метафоры, мотивированные актом приема пищи в отношении некоторых био-физико-химических явлений. Составительное исследование проводится на материале, почерпнутом из толковых словарей современного русского и польского языков, а также из интернет-ресурсов и национальных корпусов. В ходе лингвистического анализа описываются важнейшие метафорические значения русских и польских глаголов питания с учетом наиболее существенных межязыковых различий.

Agnieszka Gasz

University of Silesia, Poland

EATING METAPHORS IN RUSSIAN AND POLISH

Keywords: metaphor, eating verbs, biological, physical and chemical processes, natural events, Russian language, Polish language.

The article focuses on the Russian and Polish eating verbal metaphors discussed in relation to some of the biological, physical and chemical processes. Comparative analysis is based on the modern Russian and Polish dictionaries, Internet resources and national corpora. It describes major metaphorical meanings of the Russian and Polish eating verbs revealing key inter-linguistic differences between them.

Глаголы физиологического действия, относящиеся к сфере питания человека и животных, представляют собой обширный и разнообразный класс, до сих пор слабо разработанный лингвистами. Базовые глаголы питания: *есть/jeść*, *пить/pić* и их гипонимы: *отведывать/próbować*, *лизать/lizać*, *сосать/ssać*, *грызть/gryźć*, *жевать/żuć*, *проглатывать/przełykać*, *переваривать/trawić*, а также многие другие в своем первичном значении выявляют отношение между живым существом и принимаемой им пищей, ср.: *X ест/пьет Y/X je/pije Y*, реализуя семантическую модель: субъект — предикат физиологического действия — объект, ср.: [Бабенко, 2002. С. 240]. Субъект, используя зубы, губы и язык, совершает определенные манипуляции с едой, ср.: [Абрамова, 2011. С. 51]. Субъект действия «питания» выражается оду-

шевленными именами существительными со значением 'лицо', 'живое существо' в форме именительного падежа единственного или множественного числа. Объектную позицию при глаголах питания заполняют имена существительные, в значении которых выступает семантический компонент 'еда', 'то, что можно употребить в качестве пищи', ср.: [Сивкова, 1997. С. 399].

Настоящая статья представляет собой попытку анализа русских и польских глагольных метафор, мотивированных актом приема пищи в отношении некоторых био-физико-химических явлений. Сопоставительное исследование проводится на материале, почерпнутом из толковых словарей современного русского и польского языков, а также из Интернет-ресурсов и национальных корпусов. В ходе лингвистического описания рассматриваются важнейшие метафорические значения отобранных русских и польских глаголов питания с учетом наиболее существенных межъязыковых различий.

Витальные концепты являются важным источником развития лексики разных подсистем языка. Многие понятия из области науки, философии, экономики, политики или культуры мотивированы обиходными представлениями человека о мире, ср.: [Leszczak, 2009. S. 173]. В частности, это касается области физиологических процессов, к примеру:

- *духовная пища*
pokarm duchowy
- *питать надежду*
żywić nadzieję
- *угостить бранью*
poczęstować kogoś jakimś epitetem
- *прокормить семью*
wykarcić rodzinę
- *проест все деньги*
przejeść wszystkie oszczędności
- *Машина просто «жрет» бензин!*
To auto po prostu żre dużo benzyny!

Исследование метафоры как феномена языка имеет давнюю традицию, восходящую к эпохе античности и до сих пор сохраняющую свою актуальность. Однако насыщенность языка метафорами первоначально не вызвала научного интереса. Метафоричность рассматривалась в качестве естественного свойства речи. Создание теорий метафорических переносов поспособствовало изучению семантической и когнитивной природы метафоры, см.: [Lakoff, Johnson, 1988]. В кратком обзоре научной литературы ограничимся обсуждением важнейших лингвистических работ, посвященных метафорам, мотивированным актом приема пищи.

Итак, актам еды и питья как источникам метафор в английском языке была посвящена статья Д. Ньюмана, ср.: [Newman, 1997].

Гастрономические метафоры в русском и французском языках изучала О. А. Дормидонтова. Результаты данного исследования показывают, что гастрономическая метафора принимает активное участие в концептуализации мира и формировании его языковой картины, образуя обширное поле в структуре концептуальной области «Гастрономия». По мнению Дормидонтовой, «контейнерное» значение гастрономической глагольной метафоры может быть обусловлено метафорической концептуализацией «гастрономических» действий — глаголов принятия пищи (*есть, пить*) и их семантических вариантов (*глотать, поглощать, пожирать, вкушать*), поскольку семантика этих глаголов прямо указывает на помещение предметов внутри тела человека [Дормидонтова, 2011].

Переносные значения лексем, а также метафорических конструкций, мотивированных актом приема пищи, в польском и французском языках рассматривались А. Кшижановской. Проанализированный материал позволяет автору заключить, что метафорические значения глаголов питания при одушевленном субъекте чаще всего относятся к интеллектуальной активности человека и к сфере его эмоций. Человеческий ум «питается» подобно тому, как это делает тело. То, что является «пищей» для ума, подвергается такой же механической «обработке», как и питательные вещества, принимаемые организмом. Различные формы переживания эмоций также концептуализируются в терминах поглощения и усваивания пищи, ср.: [Krzyżanowska, 2003. S. 17]. М. Борек, анализируя русские и польские метафоры, которые выражают страх, доказывает, что среди доменов-источников соответствующих метафор общим является представление о страхе как о пище или напитках (чаще всего неприятных на вкус), например: *выпить чашу страха до дна, przelknąć strach*, ср.: [Borek, 2012. S. 66–67].

На основе предварительного обзора русского и польского языкового материала можно выделить пять показательных групп глагольных «гастрономических» метафор, относящихся не только к интеллектуальной деятельности человека и к сфере его эмоций, но и к межличностным отношениям, а также к области разнообразных природных явлений и некоторых общественно-экономических феноменов. Вследствие большого изобилия лексического материала каждая из выделенных выше тематических групп заслуживает отдельного обсуждения. В связи с этим в дальнейшем рассмотрим специфику лишь одной из них. Поскольку в лингвистической литературе меньше всего внимания уделялось метафорическим выражениям с глаголами питания, относящимся к области естественных природных процессов био-физико-химического характера, наблюдаемых в окружающей человека среде, по нашему мнению, более детальное изучение этого вопроса вполне оправдано и целесообразно.

При переносном употреблении глаголов питания субъект выражается именами существительными, обозначающими живых существ, а также неодушевленными существительными, как, например, названия предметов и явлений неживой природы или абстрактные понятия.

Позицию объекта заполняют не названия блюд и продуктов питания, а неодушевленные имена существительные, обозначающие предметы, непригодные для еды в биологическом смысле.

Итак, одни вещества и/или предметы могут оказывать уничтожающее воздействие на другие предметы, а также на тело человека, к примеру:

- Ржавчина **поедает** железо.
*Rdza **żre** karoserię.*
- Хлорка **ест** руки.
*ciecz, kwas, płyn, środek **żre***
- Дым **ест** глаза.
*dym gryzie; smród **gryzie** w oczy; spaliny **gryzą** w oczy;
Dym **żarł** go w oczy i nos.*
- свитер **кусаётся**
*wełna, sweter **gryzie**; wełniane skarpety **gryzą***

Как видно из примеров, в русском языке в подобных контекстах выступает базовый глагол питания *есть*, ср.: *ржавчина поедает, хлорка/дым ест*. В польском языке слова *rdza, kwas* и т. п. сочетаются с глаголом *żreć*, который в разговорном стиле является экспрессивным синонимом нейтрального *jeść*. Однако в рамках выражений узкоспециального характера типа: *kwas żre* данный глагол не имеет экспрессивной окраски, ср.: *substancje żrące* (едкие вещества). В свою очередь, существительное *dym* может сочетаться как с глаголом *żreć*, так и *gryźć* (гипонимом *jeść*). Для польского языка характерна также гастрономическая метафора *sweter gryzie*. В русском языке в данном случае употребляется безобъектно-возвратный глагол *кусаться*, обозначающий действие как свойство субъекта. При этом важно отметить, что в русском и польском языках встречаются также метафоры с глаголом *колоть/klić*, например: *Шерстяной свитер **колет** шею. Radzi, aby bielizna była z **wełny owiec merynosów, która nie klije, jak wełna naszych pospolitych owiec z Zakopanego...*** Однако они имеют другой домен-источник, вызывая ассоциации с ситуацией вонзания в чье-либо тело острия оружия (ситуация повреждения объекта).

Кроме внешнего воздействия некоторых вредных веществ, губительное влияние на тело человека оказывают также болезни, что иллюстрируют следующие примеры:

- Болезни **едят** ваши тела.
- Choroba kogoś **zjada**.
*AIDS, choroba, gorączka, infekcja, rak **trawi**;
Gruźlica **trawiła** płuca.*

Из примеров видно, что субъектную позицию при анализируемых глаголах заполняют названия разных болезней. В позиции объекта могут выступать личные имена и местоимения, а также названия

определенных частей тела. В польском языке в этом случае употребляются глаголы *zjadać* и *trawić*. Следует обратить внимание, что польское *trawić* в прямом (физиологическом) смысле толкуется следующим образом: 'kiedy trawimy jakiś pokarm lub kiedy nasz organizm go trawi, to go rozkłada i wchłania' [Bańko, 2000. S. 846]. Русским эквивалентом этого глагола в рассматриваемом значении является лексема *переваривать* 'переработать, усвоить в процессе пищеварения' [Кузнецов, 2008. С. 795]. Таким образом, глаголы *trawić* и *травить* являются межъязыковыми омонимами, поскольку русское *травить* передает значение 'причинять вред каким-либо ядовитым веществом', например **Травить** организм наркотиками. **Травить себя** табаком, алкоголем [Кузнецов, 2008. С. 1337]. В польском языке данной лексеме соответствует глагол *truć* 'szkodzić zdrowiu człowieka jakąś substancją', например *truć tabletkami*, ср.: [Wielki słownik języka polskiego]. Следовательно, обсуждаемые глаголы, с одной стороны, описывают ситуацию, при которой организм подвергается губительному действию веществ, чаще всего принимаемых человеком с целью получить удовольствие (алкоголь, наркотики, некоторые лекарства). Злоупотребление ими, как известно, вызывает зависимость, причиняя вред организму. Последствия злоупотребления алкогольными напитками или разного рода медикаментами сравниваются в подобных случаях с ситуацией, когда человек сознательно принимает яд или отраву с целью самоубийства или же дает кому-либо ядовитые вещества с целью убить его, на что в своем прямом значении указывают глаголы *травить*₁//*truć*₁//*truć się*₁. С другой же стороны, можно заболеть в результате попадания в организм несвежей, а также нездоровой пищи или воздействия на него ядовитых веществ. На факт несознательного употребления в пищу подобных продуктов указывают соответствующие возвратные глаголы: *отравиться*, например: **Отравиться** несвежими продуктами; *truć się*, 'nieświadomie szkodzić własnemu zdrowiu, powodować u siebie chorobę przewodu pokarmowego, jedząc niezdrowe potrawy', например: **Truć się** wędzonkami, ostrymi przyprawami. Nie może spać i **truje się** bez przerwy środkami nasennymi [Dubisz, 2006].

Физиологический акт приема пищи является также источником доменом в осмыслении таких природных явлений, как стихийные бедствия. В собранном материале отмечаются русские и польские метафоры с глаголом *лизать/lizać*, содержащим сему соприкосновения с кем-либо/чем-либо. Метафорическое значение возникает на основе сходства с соприкосновением языка с поглощаемой пищей, о чем свидетельствуют примеры:

- *Пламя лижет* стены сарая.
Волны лизжут прибрежные камни.
- *mróz, ogień, pożar lizał; słońce lizało;*
fale, płomienie lizały kogoś/coś

Субъектную позицию при анализируемом глаголе заполняют такие неодушевленные существительные, как: *огонь, пламя, волна* (польск.

ogień, płomień, fale, słońce). В свою очередь, стадию «обработки и усваивания» отражают гастрономические метафоры с глаголом *pożerać* и его гипонимами *pochłaniać, trawić*:

- Пожар **pożera**ет деревни и леса.
- *Ogień pochłoniął ich domy i cały dobytek.*
ogień, pożar, żywioł trawi;
płomień pożera, płomienie trawia
Ogień pożerał zabudowania.

Из примеров видно, что в подобных сочетаниях для русского языка характерно употребление глагола *поглощать/поглотить* '*pochłaniać*'. Интересно отметить, что как в русском, так и в польском языке данные лексемы в своем первичном значении связаны с областью физических или химических процессов: 'вобрать, принять, заключить в себя' [Кузнецов, 2008. С. 856]; 'wciągnąć (wciągać) w siebie, wessać (wsysać) do wnętrza; wchłonąć (wchłaniać)', *chem. fiz.* 'wchłonąć (wchłaniać), zaabsorbować (absorbować) coś' [Dubisz, 2006], например:

- Обивка **pożera**ет звуки.
Вода **pożera**ет тепло.
Почва **pożerła** влагу.
- **pochłaniać** dym, gazy, opary, pył, wilgoć, promieniowanie, zanieczyszczenia, zapachy,
pochłaniać dźwięki

Обсуждаемые глаголы в приведенных примерах проявляют черты узкоспециальной лексики. Процессы впитывания, всасывания разного рода веществ неживой природой зачастую вызывают также «гастрономические» ассоциации с усваиванием пищи человеком. В обоих сопоставляемых нами языках отмечаются случаи переносного употребления рассматриваемого выше глагола при одушевленном субъекте, ср.: *поглощать/поглотить* 'съесть или выпить много или быстро, с жадностью', напр. **Поглощать** огромное количество пирожков [Кузнецов, 2008. С. 856]; *pochłaniać* 'zjeść (jeść), wypić (pić) coś łączywie, w dużych ilościach', например **Pochłoniął** mnóstwo kanapek i kilka butelek wody mineralnej [Dubisz, 2006].

В отношении процессов био-физико-химического взаимодействия последнюю группу образных выражений с глаголами питания составляют также метафоры, связанные с функционированием предметов домашнего обихода, например:

- Узнай, наконец, сколько электричества **je**ст твой компьютер.
Включенный на ночь электрообогреватель также **сje**дает много энергии.
Сколько электричества **«кушает»** ноутбук?
Почему машина чрезмерно **жрет** бензин?
Сервер **жрет** электричество.

- *Ten grzejnik **pożera** bardzo dużo prądu.
żreć benzynę, prąd*

Ситуацию потребления энергии электроприборами в русском языке выражает базовый (нейтральный) предикат *есть* и производный от него многократный глагол *съедать*. В анализируемом материале отмечаются также примеры употребления их стилистически окрашенных синонимов: *кушать* и *жрать* — лексем ограниченной сферы употребления. Для польского языка при существительных, обозначающих источники энергии, типа: *benzyna, prąd*, в контексте разговорного стиля речи характерно метафорическое употребление глаголов *żreć, pożerać*. Следует обратить внимание на факт, что реализующиеся в контексте официального стиля речи глаголы *potrzebiać/zużywać*, не вызывают «гастрономических» ассоциаций, ср.:

- *Сколько электроэнергии **потребляют** бытовые приборы?*
- *Samochód **zużywał** dużo paliwa.*

На основе рассмотренного выше языкового материала можно заключить, что понимание сущности некоторых био-физико-химических процессов и природных явлений осмысливается человеком в терминах сущности другого вида. Итак, акт принятия пищи является доменом-источником в концептуализации разнообразных физических феноменов. В данном случае прямым источником опыта является тело человека и протекающие в нем физиологические процессы: механической обработки пищи в полости рта, а затем ее биохимического усвоения в желудочно-кишечном тракте. Понятийная схема тела как вместилища для пищи (источника энергии) становится основой в образовании новых значений. Вследствие преобразования данной понятийной схемы в случае глагольных метафор, мотивированных актом приема пищи, наблюдается прием персонификации. Разные неодушевленные объекты получают человеческие черты, т. е. они питаются, как люди, оказывая влияние на другие неодушевленные объекты или на тело человека, которые в свою очередь трактуются как подвергающаяся обработке и усвоению «пища».

Проведенный анализ выявляет очевидное сходство в концептуализации рассматриваемых явлений в обоих языках при некоторых системных различиях, касающихся закреплённой сочетаемости глаголов питания в метафорических контекстах, на что мы старались обратить внимание в ходе обсуждения материала. Сделанные выше наблюдения над природой метафор с глаголами питания имеют скорее практический характер и могут использоваться в глоттодидактическом процессе. Данный фрагмент анализа дает основания для дальнейших, более детальных исследований гастрономических метафор. Проведение подробного сопоставительного русско-польского лингвистического исследования может принести довольно интересные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова Е. Н. Глаголы активного действия в русском и английском языках. Челябинск: Изд-во РБИУ, 2011. 131 с.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: НО-РИНТ, 2008. 1535 с.

Дормидонтова О. А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2011 [Электронный ресурс]. URL: www.dissercat.com/content/gastronomicheskaya-metaphora-kak-sredstvo-kontseptualizatsii-mira (дата обращения: 01.07.2015).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.07.2015).

Сивкова Т. Н. Лексико-семантическая группа глаголов питания в заданиях и упражнениях // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 397–404.

Экспериментальный синтаксический словарь. Русские глагольные предложения / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта; Наука, 2002. 462 с.

Borek M. Uczucia i emocje w rosyjskich i polskich metaforach. Aspekt lingwistyczny. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. 271 s.

Inny słownik języka polskiego T. 1–2 / под ред. М. Bańko. Warszawa: Wydawnictwo PWN, 2000. S. 1218 + 1428.

Krzyżanowska A. Czynność spożywania pokarmów jako źródło metafor językowych. // Język trzeciego tysiąclecia II / под ред. W. Chłopickiego. Kraków: Wydawnictwo Tertium, 2002. S. 331–339.

Krzyżanowska A. Wyrażenia metaforyczne motywowane czynnością spożywania pokarmów (w języku polskim i francuskim) // Poradnik Językowy. 2003. № 4. S. 16–26.

Lakoff G., Johnson M. Metafory w naszym życiu / презл. Т. Р. Krzeszowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1988. 270 s.

Leszczak O. Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia. Doświadczenie potoczne a językowy obraz świata T. 2. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2009. 236 s.

Narodowy Korpus Języka Polskiego [Электронный ресурс]. URL: nkjp.pl (дата обращения: 01.07.2015).

Newman J. Eating and Drinking as Sources of Metaphor in English // Cuadernos de Filología Inglesa (Special issue on Cognitive Linguistics). 1997. № 6(2). S. 213–231. Uniwersalny słownik języka polskiego (CD-ROM) / red. S. Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo PWN, 2006.

Wielki Słownik Języka Polskiego PAN [Электронный ресурс]. URL: wsjp.pl (дата обращения: 1.07.2015).

REFERENCES

Abramova E.N. *Glagoly aktivnogo deistviia v russkom i angliiskom iazykakh* [The Verbs of Active Action in Russian and English Languages]. Cheliabinsk, Izd-vo RBIU [Russian-British Institute of Management's Publishing house], 2011, 131 p.

Babenko L.G. (Ed.). *Eksperimental'nyi sintaksicheskii slovar'. Russkie glagol'nye predlozheniia* [The Experimental Dictionary of Syntax. Russian Verbal Clauses]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2002.

Dormidontova O.A. *Gastronomicheskaiia metafora kak sredstvo kontseptualizatsii mira* [Gastronomic Metaphor as a Way of Conceptualization of the World], *Extended*

- abstract of PhD Thesis. Tambov, Tambov State University, 2011. Available at: www.dissercat.com/content/gastronomicheskaya-metafora-kak-sredstvo-kontseptualizatsii-mira (accessed 01.07.2015).
- Kuznetsov S.A. (Ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Great Explanatory Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg, NORINT Publ., 2008, 1535 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 01.07.2015).
- Sivkova T.N. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov pitaniia v zadaniakh i uprazhneniiakh [Lexical-Semantic Group of the Verbs of the Food Consumption in Practical Aspect], ed. L.G. Babenko. *Russkaya glagol'naya leksika: peresekaemost' paradigm. Pamiati Ery Vasil'evny Kuznetsovoi* [Russian Verbs: Intersection of the Paradigms. In Memory of Era Vasil'evna Kuznetsova], Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta [Ural State University's Publishing house], 1997, pp. 397–404.
- Bańko M. (Ed.). *Inny słownik języka polskiego* [An Alternative Polish Dictionary]. Warszawa, Wydawnictwo PWN, 2000.
- Borek M. *Uczucia i emocje w rosyjskich i polskich metaforach. Aspekt lingwistyczny* [Feelings and Emotions in Russian and Polish Metaphors. Linguistic Aspect]. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012, 271 p.
- Dubisz S. (Ed.). *Uniwersalny słownik języka polskiego* (CD-ROM) [The Universal Dictionary of the Polish Language (CD-ROM)]. Warszawa, Wydawnictwo PWN, 2006.
- Krzyżanowska A. Czynność spożywania pokarmów jako źródło metafor językowych [Eating as Source of Linguistic Metaphors], ed. W. Chłopicki. *Język trzeciego tysiąclecia II*. [Language of the Third Millennium II]. Kraków, Wydawnictwo Ter-tium, 2002, pp. 331–339.
- Krzyżanowska A. Wyrażenia metaforyczne motywowane czynnością spożywania pokarmów (w języku polskim i francuskim) [Metaphorical Phrases Motivated by the Activity of Food Consumption (In Polish and French)]. *Poradnik Językowy — The Linguistic Guide*, 2003, no. 4, pp. 16–26.
- Lakoff G., Johnson M. *Metafory w naszym życiu* [Metaphors We Live By], transl. T.P. Krzeszowski. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1988, 270 p.
- Leszczak O. *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia. Doświadczenie potoczne a językowy obraz świata T. 2* [Linguo-Semiotic Theory of Experience. Ordinary Experience vs. Linguistic Picture of the World, vol. 2]. Kielce, Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2009, 236 p.
- Narodowy Korpus Języka Polskiego* [National Corpus of Polish]. Available at: nkjp.pl (accessed 01.07.2015).
- Newman J. Eating and Drinking as Sources of Metaphor in English. *Cuadernos de Filología Inglesa (Special issue on Cognitive Linguistics)*, 1997, vol. 6, no. 2, pp. 213–231.
- Wielki Słownik Języka Polskiego PAN* [Polish Academy of Sciences Great Dictionary of Polish]. Available at: wsjp.pl (accessed 1.07.2015).

Агнешка Гаш

Кандидат филологических наук, ассистент
Силезский университет

Agnieszka Gasz

Candidate of Philology, senior lecturer
University of Silesia, Poland
agnieszka.gasz@us.edu.pl

Е. В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет

АРХИМОСКОВСКИЙ И САМЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ: О ДИНАМИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНОСТЕРЕОТИПОВ

Ключевые слова: оттопонимические прилагательные, лингвистическое выражение этностереотипов, семантика, словообразовательные модели.

В статье на материале функционирования в современном русском языке прилагательных «московский» и «петербургский» доказываем, что определенные конструкции с оттопонимическими прилагательными являются одним из способов выражения в языке стереотипа, а также изучается динамика этого лингвистического процесса. Возникнув в русском языке в конце XVIII в., тенденция к выражению стереотипа оттопонимическими прилагательными и производными от них наречиями остается устойчивой вплоть до настоящего момента, однако конкретное наполнение типизированных образов и формы их лингвистической презентации не остаются неизменными. Только в языке второй половины XIX – начала XX в. известны приставочные образования с элементом *архи-*; отмечается постепенное увеличение контекстов, в которых оттопонимические прилагательные используются чаще в превосходной, реже – в сравнительной степени, а также в сочетании с кванторными словами; в языке XX в. от прилагательных образуются обозначения соответствующего качества; производные от оттопонимических прилагательных наречия все чаще используются как характеристики образа действия и в сочетании с кванторными словами; растёт количество синонимических контекстов с соответствующими прилагательными и наречиями.

Elena Generalova

St. Petersburg State University, Russia

ARCHI-MOSCOW AND THE VERY PETERSBURG: ON THE DYNAMICS OF ETHNIC STEREOTYPES EXPRESSING

Keywords: adjectives derived from toponyms, linguistic expression of ethnic stereotypes, semantics, word-formation models.

Based on how the adjectives “moskovskiy” and “peterburgskiy” function in the modern Russian, the article proves that the constructions with adjectives derived from toponyms express stereotypes. Also, the article discusses the dynamics of this process. Originated in Russian in late 18th century, the tendency to express stereotypes by the adjectives derived from the toponyms and adverbs derived from them endures through time up to today, although the content of the stereotyped images and their linguistic representations have undergone some changes. Only in

late 19th-early 20th centuries toponymic adjectives with prefix *archi-* were registered; in 20th century the words denoting a particular quality are derived from the corresponding adjectives; adverbs derived from such adjectives are more often used to express the manner of the action and with quantifiers; a gradual increase in contexts where adjectives derived from toponyms are primarily used in superlative degree (less in comparative degree), with quantifiers and in synonymic contexts can be seen.

Определенные явления в области сочетаемости, семантики и словообразовательных возможностей оттопонимических имен прилагательных позволяют говорить о функционировании этих прилагательных в языке как об одном из способов выражения этностереотипов. Языковое выражение этностереотипов — «представлений о национальном характере того или иного народа, входящих в языковую картину мира» [Кобозева, 1995. С. 102] — изучено лингвистикой стереотипов достаточно подробно. Наиболее полное описание способов выражения этностереотипов в русском языке предпринято Л. П. Крысиным [Крысин, 2003. С. 452–454].

В настоящей статье на материале функционирования в русском языке прилагательных *московский* и *петербургский* (а также прилагательных *питерский*, *петроградский*, *ленинградский*¹) доказывается, что определенные конструкции с оттопонимическими прилагательными являются одним из способов выражения в языке стереотипа как обобщенного устойчивого представления. В работе также изучается динамика этого лингвистического процесса и исследуется диахроническая последовательность преобладания в языке тех или иных способов выражения стереотипа города и горожанина (как частный случай этностереотипа) с помощью оттопонимических прилагательных.

Лексемы *московский* и *петербургский* выделяются в отдельную пару в связи с особой ролью и особыми историческими и культурными взаимоотношениями городов, от названий которых образованы эти прилагательные. В русской языковой картине мира, безусловно, существуют концепты «Москва», «Петербург», «московское», «петербургское», «москвич», «петербуржец» («ленинградец»): «В самом деле, Москва и Петербург — это две собирательные личности, до того характеристические и до того различные между собою, что этого до сих пор никто не подвергал ни малейшему сомнению. Все петербургское имеет свой характер очень резкий и ясный, равно как и на всем московском „от головы до пяток лежит особый отпечаток“» (М. А. Антонович, 1864 г.) [НКРЯ]. В языковом отношении эти концепты могут изучаться в связи с их лексическим представлением, в плане исследования речевого портрета и языковой личности москвича и петербуржца, как образы в художественной литературе разных эпох и в творчестве конкретных авторов (см. ключевое понятие «Петербургского текста», выдвинутое В. Н. Топоровым [Топоров, 2003], трактовка Петербурга как мифа и текста русской культуры), а также в плане стереотипизации, показа-

¹ Описание семантической дифференциации прилагательных *петербургский*, *питерский*, *петроградский*, *ленинградский* не входит в задачи данной статьи.

телями которой являются «повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, а также закрепление этой характеристики в языке» [Бартминьский, 2005. С. 170].

Прилагательные *московский* и *петербургский* возникают в языке в совершенно разные эпохи. Лексема *московский* известна уже в древнерусском языке², встречаясь, в частности, в летописях (наряду с топонимом *Москва*), а прилагательное *петербургский* является новацией языка начала XVIII в., появляясь с момента основания Петербурга. С одной стороны, можно говорить о схожести семантической эволюции этих прилагательных: они оба развивают типовые значения, характерные для группы оттопонимических прилагательных ('относящийся к соответствующему городу', 'происходящий родом из ...', 'живущий и работающий в ...', 'расположенный в ...', 'произведенный в ...', 'имеющий место, совершающийся в ...'). С другой стороны, эта схожесть семантики не может быть сведена к идентичности: в семантической эволюции прилагательного *московский* в старорусском языке обнаруживается особый семантический блок — 'относящийся к Московскому государству — России XV–XVII вв.' (*московское государство*, *московская земля*, *московское княжество*, *московская страна*, *московская коруна* 'о Русском государстве XV–XVII вв.', *московские люди* 'жители России') и метонимически производное значение 'относящийся к царю Московского государства' (*московское намерение*): см. *Московская страна прильжно вспоможения ищет* (1668) [Вести-Куранты, 2009. С. 266]. Появление такой семантики было обусловлено формированием вокруг Москвы с XV в. централизованного государства и наличием в истории русского языка модели обозначения значительных территорий по главному городу; см. названия в прошлом независимых областей-частей Московского государства: *Псковское государство*, *Казанское царство* (*государство*), *Астраханское царство*. В языке XVIII в. по экстралингвистическим причинам (утрата реалии — утрата значения) эта семантика прилагательного *московский* устаревает, и в «Словаре русского языка XVIII в.» это значение справедливо характеризуется как сохраняющееся, но выходящее из употребления [Словарь XVIII века. Т. 13. С. 41].

Развитие семантики, на основе которой становится возможной стереотипизация, связано с появлением значения 'свойственный местности/людям, проживающим в этой местности; представляющий типичным, характерным для них'. Уже в памятниках русского языка XVII в. встречаются единичные случаи использования прилагательного *московский* с такой семантикой: *И вы сами бегаєте, а держася своего звычаю московского: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу, не верите; и тот звычай такъ великую теперешнюю погибель на царство Московское*

² Такая древность вообще характерна для оттопонимических прилагательных как лексической группы: «прилагательные, образованные от географических имен, сопутствуют всей истории нашего языка, прослеживаясь в его древнейших памятниках» [Левашов, 1986. С. 4].

навель [Региональный словарь, 2000. С. 98], *Ты пишеш что и в Кузнецком улану сол не дешева и будет с провозом не дешевле станет московского и ты соли мнѣ не купи* [Грамотки, 1969. С. 21], *московская волокита* 'ведение дел в Приказах на Москве, сопровождающееся потерей времени и убытками для тех, кто по делам обратился в Приказы'. В языке XIX в. это значение прилагательного *московский* активно развивается, как и семантика 'относящийся к москвичам' (наряду со значением 'относящийся к городу Москва'): *Видел между прочими там Тизенгаузена, который мне противен за свою московскую невежливость* (А. В. Дружинин, 1845), *Пороки московские происходят от отсутствия деятельности, от недостатка живой цели в жизни, от скуки и тяжелой барской лени* (В. А. Соллогуб, 1845), *Теснота, чад, московская неопрятность <...> все это производило безотрадное впечатление и вызывало брезгливость* (А. В. Никитенко, 1860–1877) [НКРЯ]. У прилагательного *петербургский* значение 'свойственный петербуржцам', 'относящийся к петербуржцам' также развивается в языке XIX в.: *Ну, чего скрывать петербургскую грубость?* (Г. Ф. Квитка-Основьяненко, 1839), *Но не тут-то было: Муравьев-Апостол заразился петербургскою медленностью* (И. И. Горбачевский, 1861) [НКРЯ].

Динамика лингвистического выражения стереотипа города и жителя города должна быть рассмотрена как на широком фоне общеязыковых процессов, так и в рамках конкретной лексической группы. В языке XIX–XX вв. можно выделить следующие являющиеся языковым воплощением стереотипа лексемы, возникающие на базе оттопонимических прилагательных, и модели с использованием оттопонимических прилагательных и производных от них:

1. образование от оттопонимических прилагательных наречий с префиксом *по-* и суффиксом *-ски* со значением 'так, как принято в соответствующей местности / так, как свойственно жителям соответствующей местности' (*по-петербургски, по-московски, по-английски*);
2. образование от оттопонимических прилагательных дериватов с префиксом *архи-* (*архимосковский, архинемецкий*) со значением ступенчатого проявления признака;
3. образование от оттопонимических прилагательных абстрактных существительных на *-ость* со значением 'качества, являющиеся типичными для определенной местности / жителей этой местности' (*московскость, русскость*);
4. использование оттопонимических прилагательных в сочетаниях с абстрактными существительными — обозначениями качеств (*московская хватка, петербургский снобизм, французская легкость*);
5. использование оттопонимических прилагательных и производных от них наречий с кванторными словами (*совершенно московский, очень по-петербургски, вполне европейский*);
6. использование оттопонимических прилагательных с показателями превосходной и сравнительной степени (*самый московский, самый английский, более петербургский, менее русский*);

7. использование наречий, производных от оттопонимических прилагательных, как характеристик образа действия (*по-петербургски сыро, по-московски смачно, по-скандинавски неторопливо, по-арабски ловко*);
8. использование оттопонимических прилагательных и производных от них наречий в синонимичных и антонимичных контекстах.

Рассмотрим, как протекает этот процесс во времени и имеет ли место изменение степени активности в языке разных лингвистических способов реализации стереотипа с помощью оттопонимических прилагательных. Как было сказано выше, в основе развития семантики стереотипизации — развиваемое относительными по происхождению оттопонимическими прилагательными значение ‘свойственный, присущий определенной местности / людям, проживающим в этой местности, характерный для них’. Фактически это семантика, стремящаяся к качественной. Образование переносных значений было отмечено еще Е. Бартминьским как один из способов лингвистического воплощения стереотипов [Бартминьский, 2005. С. 170], и Е. Л. Вилинбахова подчеркивает, что со временем конкретные вербальные способы выражения стереотипа «могут получать формальное закрепление в языковой системе: метафорическое употребление слова ведет к появлению переносного значения; сравнительные обороты, генетивные и атрибутивные сочетания становятся фразеологизмами и т. д.» [Вилинбахова, 2012. С. 26]. Полный переход оттопонимических прилагательных в качественные происходит в редчайших случаях (например, *африканские (чувства, страсти) ‘бурные необузданные’*), но можно говорить о тенденции к формированию у оттопонимических прилагательных качественной семантики

В этой связи уже в языке XVIII в. (см. *гишпанская твердость*) и активно в языке XIX в. оттопонимические прилагательные используются как определения к существительным абстрактного значения³. Анализируя лексическое наполнение контекстов с прилагательными *петербургский* и *московский*, можно выяснить конкретное содержание стереотипов «московского» и «петербургского». Контексты с использованием этих прилагательных описывают, во-первых, стереотип города: *московское великолепие, московское благополучие, московская новизна, московская трактирность, московская теснота, московская духота, московское безобразие и петербургская сырость, петербургское зловоние, петербургская прозрачность, петербургская размеренность и расчисленность, петербургская красота, петербургская дороговизна*. В отношении стереотипа «петербургского» лидирующим и неизменно присутствующим в текстах разных лет является сочетание *петербургская сырость* (встречается у М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Крестов-

³ Этот способ выражения стереотипа в языке (*английская чопорность, немецкая пунктуальность*) был указан Л. П. Крысиным в его списке вербальных воплощений этно-стереотипов [Крысин, 2003. С. 452–454].

ского, Д. С. Мережковского, А. Белого, Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, современных авторов) — «семантика воды, водной стихии, сырости, тумана становится определяющей в петербургском тексте» [Черняк, 2008. С. 23]. Фиксируется несколько контекстов с лексемами *красота* (*петербургская красота, ленинградская красота*) и *античность* (*петербургская античность, питерская античность*). Во-вторых, такие сочетания с прилагательными описывают стереотип жителя Москвы или Петербурга: *московское радушие, московская домотканость, московский оптимизм, московская нетерпеливость, московская злость, московский патриотизм, московский космополитизм, московская находчивость и петербургская внушительность и пронциательность, петербургское мелкодушье* (в противоположность *великодушной* Москве у Н. С. Лескова), *петербургская прямолинейность* и др. Периодически фиксируются контексты, указывающие на своего рода заносчивость москвичей и петербуржцев: *московский снобизм, петербургское высокомерие, петербургский снобизм* (также *питерский снобизм*). Стереотип «петербургского» и особенно «питерского» (что в данном случае принципиально) может связываться с небольшим недостатком: *Приезжему москвичу питерская бедность неизбежно бросается в глаза* (А. Кремнев, 2003), *прозябали в приличной петербургской полубедности* (В. Аксенов, 1969) [НКРЯ]. Прилагательное *ленинградский* в сочетаниях с абстрактными существительными, как правило, описывает психологические свойства жителя города: *ленинградская благовоспитанность, ленинградская нервность, ленинградское хладнокровие*. Можно проследить и определенное изменение представлений: так, в XIX в. фиксируются такие черты стереотипа, как *петербургская деловитость* (Д. Н. Мамин-Сибиряк), *петербургская практичность* (И. А. Гончаров), а в языке XXI в. возникают сочетания *петербургская образованность, петербургская сдержанность, петербургская утонченность, петербургская интеллигентность* (также и с другими производными от названий города прилагательными: *питерская (ленинградская, петербургская) интеллигентность*).

Максимальное обобщение достигается при согласовании оттопочимических прилагательных с неопределенными и определенными местоимениями (*что-то петербургское, все московское*), но такие сочетания, как правило, используются с окказиональными синонимами или как-либо еще поясняются в контекстах именно в связи с незавершенным формированием стереотипа: *Но в затхлое помещицье гнездо ворвалось и что-то свежее петербургское* (П. Н. Краснов, 1922), *В одежде ее, в спутанных волосах, в манере говорить было что-то неуловимое, московское, от чего Азеев уже отвык на Севере* (Ю. Казаков, 1962), *Все неоспоримо московское, обжитое, настоящее* (М. Туровская, 1991), *Гвоздицкого в городе на Неве больше всего привлекало, интересовало и волновало все петербургское — культура, традиция, театральная школа, манера* (Парадокс Гвоздицкого // Театральная жизнь. 28.04.2003) [НКРЯ].

Тенденция к стереотипизации проявляется и в словообразовании. В языке XIX в. уже хорошо известны производные от прилагательных наречия *по-московски* и *по-петербургски*. Сама словообразова-

тельная семантика таких наречий предполагает некий обобщенный образ, и для понимания их значения необходимо наличие представлений о свойственном, типичном (представляющимся типичным) для Москвы и Петербурга / жителей Москвы и Петербурга: *Выглядела она не по-ленинградски, не по-московски, не по-русски, а ведь, однако, и не по-иностранному* (А. Найман, 1994) [НКРЯ]. Используясь в качестве характеристик образа действия в сочетании с соответствующими прилагательными или наречиями (реже — глаголами), производные от оттопонимических прилагательных наречия тоже выступают в качестве способа описания стереотипа. Сочетания наречий *по-московски* и *по-петербургски* с глаголами описывают особенности речевого поведения (*Сочетание Уинкота не ленинградское, как и не по-ленинградски сказать «Невский проспект» вместо «Невский»* (Л. Я. Гинзбург, 1920–1943), *Еще с первого раза, как назвали себя Татой, я удивилась потому, что это очень по-ленинградски, так же как и Туся* (И. А. Ефремов, 1959–1963) [НКРЯ]), внешние проявления стереотипа (*Но одет он был скорее по-московски, шорты и футболка, темные очки, на поясе — кожаная сумочка и сотовый телефон* (С. Лукьяненко, 1998 г.) [НКРЯ]) и специфику поведения (*оканчивали свой урок по-московски распиванием чая* (Ф. И. Буслаев, 1897), *Понимаете, это очень не по-московски — являться куда-либо загодя* (О. Зайончковский, 2008) [НКРЯ]). Сочетаемость наречий *по-петербургски* и *по-московски* с качественными прилагательными и наречиями в целом соответствует сочетаемости прилагательных *петербургский* и *московский* с соответствующими абстрактными существительными, и на основе анализа этих контекстов выделяются схожие черты стереотипов: *по-московски много, по-московски немаленький, по-московски просто, по-московски непринужденно, по-московски гостеприимный, по-московски самоуверенный* и *по-петербургски сыро, по-петербургски сдержан, накрахмален, по-питерски вежливый, по-питерски деликатный, по-ленинградски немного холоден и литературен*. Интересны привязки стереотипа к культурным феноменам: *по-петербургски влажное мурлыканье Вертинского, по-петербургски декантский и немного извращенный*.

Только в языке второй половины XIX — начале XX в. в русском языке известны приставочные образования с префиксом *архи-* и семантикой обозначения сгущенного признака: в сочинениях П. Д. Боборыкина зафиксированы прилагательные *архимосковский*, *архипетербургский* (*Сегодня, по случаю парадных похорон, этот ресторан имел «архипетербургскую» физиономию* (1895), *Мы жили в тех архимосковских номерах чельшевского дома* (1906–1913) [НКРЯ]). В языке этого же периода зафиксированы лексемы *архинемецкий* (1835), *архималороссийский* (1841), *архианглийский* (1864), *архинемецкий* (1895), т. е. это была действующая словообразовательная модель. Образования по этой модели в языке более поздних эпох окказиональны: *архиврейский* (Ю. Даниэль, 1970), *архисоветский* (В. Соловьев, 1988; А. Д. Сахаров, 1989).

Другая модель, напротив, развивающееся в современном языке явление. Это образование от оттопонимических прилагательных аб-

страктных существительных с суффиксом *-ость* (собственно, это один из формальных показателей развития у прилагательных качественной семантики). Описывая активные процессы в языке 1990-х гг., Е. А. Земская отмечает единичные индивидуальные образования на *-ость* — *чувашишность, удмуртстность*, «типа русскость — слово, хотя и встречающееся в употреблении, но вызывающее сомнение в том, соответствует ли оно нормам русского литературного языка» [Русский язык, 1996. С. 130]. В современном русском языке это достаточно активная тенденция: зафиксированы лексемы *американскость, английскость, арабскость, арийскость, белорусскость, британскость, европейскость, индийскость, ирландскость, испанскость, парижскость, польскость, русскость, татарскость, украинскость, чеченскость* (см. также *советскость*) с семантикой 'качества, представляющиеся типичными для какого-либо народа, жителей какой-либо местности'. От рассматриваемых прилагательных зафиксировано только одно такое образование — *московскость*. Впервые слово появляется еще в 1936 г. у М. Цветаевой, но со значением 'особенности выговора, произношения', а с семантикой 'типичные качества' используется только в тексте 2007 г., и характерно, что употребляется в кавычках: *Однако в этом бурном строительстве исчезает дух города, атмосфера привлекательной домашней теплоты, та самая «московскость», которая составляла прелесть древней российской столицы* (Т. Земцова, 2007) [НКРЯ].

Начиная с XIX в. оттопонимические прилагательные и производные от них наречия используются с кванторными словами, указывающими на степень проявления признака, т. е. свидетельствующими о формировании у этих прилагательных качественной семантики: *смелость приложения этой идеи бессилия воли доходила до совершенно московской хватки, до сопоставления Гамлета с Подколесным* (А. А. Григорьев, 1859), *колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода* (Ф. М. Достоевский, 1875) [НКРЯ]. Рост числа таких сочетаний указывает на превращение этой сочетаемости в типовую, причем с течением времени наблюдается отчетливая тенденция в использовании кванторных слов: сочетания с лексемами *совершенно, чисто, сугубо* и др. — традиционны (*запросил как можно больше, — чисто по-московски, — «чтоб было из чего уступить»* (Н. С. Лесков, 1883) [НКРЯ]), а сочетания с наречием *очень* — примета современного языка (*Он грамотно и очень «по-петербургски» строит свой пиар: не ругает напрямую нынешнего губернатора, но внедряет в сознание горожан мысль, что Питеру нужен современный менеджер, а не советский хозяйственник* (Е. Роткевич, 2002), *На что я с фальшивым энтузиазмом отозвался, что это будет очень по-московски, у нас в малогабаритных квартирках гостей любят принимать на кухне, особенно по вечерам, когда дети спят, — это очень уютно и удобно (тут же заодно и закусишь)* (Б. Носик, 2001), *Кстати, какое хорошее и очень московское название для улицы — Южинский переулок* (С. Юрский, 2001) [НКРЯ].

Один из важных формальных показателей развития качественной семантики — использование оттопонимических прилагательных

в форме превосходной и сравнительной степени. Контексты с превосходной степенью известны уже в произведениях авторов XIX в., в современном языке возрастает количество таких употреблений: *С этой поэтической оценкой Арбата — самой московской из московских улиц — согласны тысячи москвичей и жителей глубинки* (В. Быков, О. Деркач, 2000), *Самая московская из гостиниц Новая «Москва» останется на старом месте* (Ю. Белавин, 2002), *Любопытно, что самый московский из всех писателей — В. Гиляровский вообще не использовал это слово в своем творчестве* (С. Логинов, 2007) [НКРЯ], *Чай. Самое московское питье* (Московская азбука, 2004). Анализ существительных, с которыми согласуются отэтнонимические и оттопонимические прилагательные в превосходной степени, позволяет увидеть ступени формирования стереотипа: наименьший семантический сдвиг при согласовании с существительными, обозначающими различные локативные объекты (*самый европейский город, самый турецкий курорт, самый парижский музей, самая московская гостиница*), абстракция большей степени при обозначении характерных, типичных продуктов, изделий (*самый русский овощ, самая русская игрушка, самый китайский чай*), в частности, информационно-развлекательных (*самый американский боевик, самая русская программа*) и создателей текстов (*самый петербургский писатель*), наконец, формирование семантики обозначения этностереотипа при определении существительных общего значения (*самая русская черта, чисто американское состояние*). Можно видеть, что прилагательные *петербургский* и *московский* находятся в процессе своей эволюции в этом отношении. Использование оттопонимических прилагательных в сравнительной степени значительно более редко, зафиксировано только в современном языке: *Она и определяет лицо экспозиции — в первых семи залах более «петербургское», а затем скорее «московское» (что, впрочем, уже само по себе исторично)* («Российская музыкальная газета», 2003.01.15) [НКРЯ].

Как показатель развития семантики, стремящейся к качественной, важно появление оттопонимических прилагательных и наречий в контекстах, где к ним подбираются окказиональные синонимы и антонимы. Такие слова, вступающие в парадигматические отношения с анализируемым материалом, помогают понять содержание стереотипа и актуализируют именно те семы оттопонимических образований, которые и становятся основой формирования у них качественного значения: *Куда попер-то, голопузый шут? На даровщину, видно, по-питерски захотел...* (А. И. Левитов, 1869), *такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное* (Ф. М. Достоевский, 1875), *Все совершалось по-московски, по старине* (И. Е. Репин, 1912–1917), *Что-то есть в нем подлинно интеллигентское, петербургское, ленинградское* (Л. Мозговой, 2002), *По-ленинградски, по-блокадному, непосредственно* (А. Болдырев, 1941–1948) [НКРЯ].

Интересной современной тенденцией является объединение исследуемых основ в одном сложном прилагательном: *московско-невский, московско-ленинградский, московско-питерский, питерско-московский и*

постепенном создании объединенного столичного стереотипа: *Отчасти по московско-ленинградской нечувствительности к страданиям деревни и провинции (эти два города полвека были усыплены и подкуплены за счёт ограбления остальной страны), наша образованщина слепа и глуха к национальному бытию, не научилась видеть и не тянется видеть процессы истинные, грандиозные* (А. И. Солженицын, 1982), *Последнее отличие московско-питерских стюардов от всех остальных — гордость и предубеждение* (Д. Смирнова, 1997), *Стоит ли вмешивать Создателя в мелкие питерско-московские дразги?* (Б. Евсеев, 2010) [НКРЯ]. Окказиональное такое образование *московско-невский* (дуализм петровского времени) (1880), зафиксировано в статьях К. Леонтьева (ср. у этого же автора *турско-болгарский дуализм*).

При всей своей устойчивости стереотипы, безусловно, меняются. Общекультурный интерес представляет изучение изменения содержания конкретных стереотипов в зависимости от времени (ср. *оде-та она была совершенно по-петербургски — шляпка, дипломат, зонтик* (Г. И. Успенский, 1889) и *одетая по-питерски, то есть нищенски бедно* (А. Вяльцев, 2001) [НКРЯ]), хотя иногда достаточно сложно провести грань между индивидуальным восприятием и изменением стереотипа (*Достоевский, «самый петербургский» из всех наших поэтов* (К. И. Чуковский, 1905) и *Пушкин, не только самый великий, но и самый петербургский из всех русских поэтов* (Г. В. Иванов, 1928) [НКРЯ]).

Анализ языкового материала показывает, что динамику обнаруживает не только содержание стереотипов, но и форма их выражения в языке. Изучение функционирования в языке прилагательных *московский* и *петербургский* демонстрирует активизацию и утрату разных способов вербального выражения стереотипа города и горожанина и доказывает, что в качестве одного из способов лингвистического выражения стереотипов жителей определенной местности выступают оттопонимические прилагательные, которые, «являясь частью апеллятивной лексики... входят в особый лексико-семантический разряд и имеют ряд очень важных особенностей» [Озтюрк, 2008. С. 230].

ЛИТЕРАТУРА

- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
- Вести-Куранты 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг. Ч. 1. Русские тексты / изд. подг. В. Г. Демьянов при уч. И. А. Корниловой; под ред. А. М. Молдована и И. Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2009. 856 с.
- Вилинбахова Е. С. Стереотип в лингвистике: объект или инструмент исследования? // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН. 2012. С. 19–28.
- Грамотки XVII — начала XVIII в. / изд. подг. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1969. 416 с.
- Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117.

- Крысин Л. П. Этностереотипы в современном культурном сознании: к постановке проблемы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 450–455.
- Левашов Е. А. *Словарь прилагательных от географических названий*. М: Русский язык. 1986. 550 с.
- Московская азбука [Электронный ресурс]. URL: www.kp.ru/daily/22610.5/11534/ (дата обращения: 14.06.2015).
- Озтюрок Л. И. Региональный аспект в исследованиях адъектонимии современного русского языка // *Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки*. 2008. № 4. С. 229–236.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: search.ruscorpora.ru (дата обращения: 14.06.2016).
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Коллект. монография / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. 473 с.
- Региональный исторический словарь 2-й половины XVI — XVIII в.: по памятникам письменности Смоленского края / отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск: СГПУ, 2000. 368 с.
- Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–20. Л.; СПб: Наука, 1984–2011, изд. продолжается.
- Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы*. СПб: Искусство, 2003. 618 с.
- Черняк В. Д. Лексические доминанты Санкт-Петербурга: к истокам петербургского текста // *Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI в.: Материалы Всероссийской научной конф. (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2007)*. СПб.: САГА, 2008. С. 19–25.

REFERENCES

- Bartmin'skii E. *Iazykovoi obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Language image of the world: sketches on ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 528 p.
- Vesti-Kuranty 1656, 1660–1662, 1664–1670, part 1. *Russkie teksty* [Russian texts], by V.G. Dem'ianov, I.A. Kornilaeva, eds. A.M. Moldovan, I. Maier. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi [Handwritten monuments of Ancient Russia] Publ., 2009, 856 p.
- Vilinbakhova E.S. Stereotip v lingvistike: ob'ekt ili instrument issledovaniia? [A stereotype in linguistics: object or instrument of research?]. *Problemy iazyka: Sbornik nauchnykh statei po materialam Pervoi konferentsii-shkoly "Problemy iazyka: vzgliad molodykh uchenykh"* [Language problems: The collection of scientific articles on materials of the First conference school "Language problems: look of young scientists"]. Moscow, Institut iazykoznaniia RAN [Institut of linguistics of the Russian Academy of Sciences] Publ., pp. 19–28.
- Gramotki XVII — nachala XVIII v.* [Gramotki XVII — the beginnings of the 18th century], by N.I. Tarabasova, N.P. Pankratova; ed. S.I. Kotkov. Moscow, Nauka Publ., 1969, 416 p.
- Kobozeva I.M. Nemets, anglichanin, frantsuz i russkii: vyivlenie stereotipov natsional'nykh kharakterov cherez analiz konnotatsii etnonimov [German, Englishman, Frenchman and Russian: identification of stereotypes of national characters through the analysis of connotations of ethnonyms]. *Vestnik MGU, Seriya 9. Filologiya* [Vestnik of Moscow University. Series 9. Philology], 1995, no. 3, pp. 102–117.
- Krysin L.P. Etnostereotipy v sovremennom kul'turnom soznanii: k postanovke problemy [Ethnostereotypes in modern cultural consciousness: to statement of a prob-

- lem]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta [The Ural State University's Publishing house], 2003, pp. 450–455.
- Levashov E.A. *Slovar' prilagatel'nykh ot geograficheskikh nazvanii* [The dictionary of adjectives from place names]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1986, 550 p.
- Oztiurk L.I. Regional'nyi aspekt v issledovaniiaakh ad'ektonimii sovremennogo russkogo iazyka [Regional aspect in researches of an adjektonimiya of modern Russian]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of the Chuvash University of the Humanities], 2008, no. 4, pp. 229–236.
- NKRiA — *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: URL: ruscorpora.ru (accessed 06.14.2016).
- Russkii iazyk kontsa XX stoletii (1985–1995)* [Russian of the end of the XX century (1985–1995)], collective works, ed. E.A. Zemskaia. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 473 p.
- Regional'nyi istoricheskii slovar' 2-i poloviny XVI–XVIII v.: po pamiatnikam pis'mennosti Smolenskogo kraia* [Regional historical dictionary of the 2nd half of the 16th–18th century: on texts of Smolensk region], ed. E.N. Borisova. Smolensk, SGPU, 2000, 368 p.
- Moskovskaia azbuka* [Moscow alphabeth]. Available at: www.kp.ru/daily/22610.5/11534/ (accessed 06.14.2015).
- Slovar' russkogo iazyka XVIII veka* [Dictionary of Russian of the 18th century]. Vols. 1–20. Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1984–2011.
- Toporov V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [Peterburgsky text of the Russian literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo Publ., 2003, 618 p.
- Cherniak V.D. Leksicheskie dominanty Sankt-Peterburga: k istokam peterburgskogo teksta [Lexical dominants of St. Petersburg: to sources of the St. Petersburg text]. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Peterburgskii kontekst rusistiki nachala XXI v.: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferencii (Sankt-Peterburg, 14–16 noiabria 2007)* [Word. Dictionary. Literature: St. Petersburg context of Russian philology of the beginning of the 21st century: Materials All-Russian scientific conference (Saint Petersburg, November 14–16, 2007)]. Saint Petersburg, SAGA Publ., 2008, pp. 19–25.

Елена Владимировна Генералова

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Generalova

Candidate of Philology, Associate Professor

St. Petersburg State University, Russia

elena-generalova@yandex.ru

О. В. Емельянова

Санкт-Петербургский государственный университет

О ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: ценности, ценностная картина мира, иерархия ценностей, конвенциональный сигнал, речевые стереотипы.

Статья посвящена исследованию структуры типа *X is (not) about Y* — одной из словесных моделей ценностей, создаваемых носителями языка. Материалом исследования послужили тексты современных англоязычных художественных произведений, в которых частотность упомянутой модели достаточно велика. С помощью структуры типа *X is (not) about Y* раскрывается суть определенных ценностей, главным образом социальных и моральных. Она используется, как правило, в конфликтных, драматических ситуациях. Анализ показал, что структура типа *X is (not) about Y* служит для передачи причин происходящих событий, являясь действенным средством воздействия на адресата, направленным на изменение в системе его ценностей. Анализ примеров подтвердил, что ценности являются высшими ориентирами поведения; именно они становятся опорой действий людей в определенной ситуации. По результатам исследования представляется возможным отнести исследуемую модель к характерным для диалогической речи стандартным конструкциям, своего рода «конвенциональным сигналам», форма и функция которых являются устойчивыми и регулярными, т. е. предсказуемыми в рамках определенных конструкций.

Olga Emelianova

St. Petersburg State University, Russia

ON THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF VALUES IN ENGLISH TODAY

Keywords: values, value world view, hierarchy of values, conventional signal, speech stereotypes.

The article focuses on structures “*X is (not) about Y*”, that is a word model of values created by the language speakers. Based on the modern English fiction where the model is used quite often, it reveals the essence of values, mostly social and moral. Normally, the model is used in conflict, dramatic situations, reveals reasons and causes of the events, and aims to alter an addressee's value system. The analysis has proved that the values are the highest principles or standards of behavior and starting points when a person sets his/her heart on doing something. The model can be regarded as distinctive attribute of dialogues, so-called “conventional signals” with constant forms and functions, which are easy to predict in certain constructions.

Ценности — это важнейшие элементы духовной культуры и в то же время — особые культурологические категории, лежащие в основе ценностно-смыслового пространства языка [Алефиренко, 2010. С. 9]. Именно ценностям как наиболее фундаментальным характеристикам культуры и высшим ориентирам поведения В. И. Карасик отводит особое место в структуре языковой личности [Карасик, 2002. С. 167]. Ценностная картина мира актуализируется в каждом языке разными лингвистическими средствами. К числу последних, на наш взгляд, относится структура типа *Life is about people*, или *X is about Y* — одна из словесных моделей ценностей, создаваемых носителями языка.

Как показало исследование, ранее проведенное в основном на материале Британского национального корпуса, при помощи данной модели можно поставить вопрос о сущности некоего явления, некоторой ценности; разобраться, понять самому — или объяснить и обосновать свою точку зрения, обращаясь к другим и стараясь убедить их в правильности своих представлений. Иначе говоря, можно донести свою мысль, свои ценностные ориентиры и приоритеты до других людей, причем сделать это ярко и выразительно. Важно отметить безусловную узнаваемость этой простой формулы, своего рода сигнала аудитории: внимание! Сейчас речь пойдет о чем-то существенно важном, говорящий сообщит свое мнение, свое видение проблемы, а согласиться с ним или нет — решать его адресату (адресатам) [Емельянова, 2014. С. 58–82].

Собранный материал из современной англоязычной художественной литературы демонстрирует явное преобладание варианта модели, в котором *X* выражен личным местоимением *it* или указательными *this/that*, хотя примеры с абстрактными существительными также представлены достаточно широко. В позиции *Y* чаще всего встречается существительное (именная группа) или герундий (герундиальная группа). Таким образом раскрывается взгляд говорящего на суть определенных ценностей, например жизни: *In the end, life is all about seeking reassurance, she thought, we're all engaged in looking for some kind of sign to tell us we're not really alone* (George I, 466). В данном примере мысль героини о главном в жизни — *seeking reassurance* — развивается в рамках того же предложения; всё в жизни сводится в конце концов к стремлению избежать одиночества, найти близких по духу людей.

Упомянутые местоимения, как правило, отсылают ко всей описываемой ситуации в целом: *'Really, Isabelle, darling, you're upset about nothing. It's everything that I said it was. Hillier wants this unknown at the Met and I've kept it that way.'* ***It's about trust***, you know. And I'm not just talking about this situation. <...> *If you don't trust me, how can I trust you?*' (George II, 368). В таких случаях в позиции *Y* регулярно появляется какое-нибудь абстрактное существительное, номинирующее ценность, в данном примере это *доверие* (*trust*). Важность доверия в человеческих отношениях подчеркнута употреблением глагола *trust* в последующем контексте.

Многие высказывания с моделью *X is about Y* касаются так называемых «витальных» ценностей, к числу которых принадлежат представления о жизни, здоровье, личной безопасности, семье и пр. Содержащиеся в понятии *жизнь* наивные представления значимы как для конкретного человека, так и для всей нации в целом. Об этом свидетельствует довольно пристальное внимание к исследованию данного понятия как в современном сопоставительном языкознании [Кузнецова, 2010], так и в лингвокультурологии [Лоскутова, 2009]. У каждого свои взгляды на жизнь, которые могут меняться в зависимости от обстоятельств; на первый план выходит то, что человек считает важным в конкретной жизненной ситуации. Эмоционально насыщенное высказывание персонажа в следующем примере точно передает его мнение о том, что в жизни действительно важно — по крайней мере для него самого в данный момент, когда ему выпал редкий шанс насладиться прогулкой на лоне природы: *...he pronounced himself happy, 'What's life about if it isn't about this, Joe? We're all mad, you know, every single one of us — the life we lead! We have it all wrong!' ...Alan took long breaths of the damp air and declared, 'Wonderful! So fresh!'* (Francis, 248). Здесь представлен вариант модели *X is about Y*, несколько отличающийся от большинства примеров. Модель содержится не в повествовательном, а вопросительном предложении; говорящий задает вопрос своему собеседнику (да и себе самому), используя условное придаточное предложение таким образом, что в нем в какой-то степени уже заключен ответ на заданный вопрос. Указательное местоимение *this* в дейктическом употреблении не соотнесено с каким-то конкретным объектом окружающей действительности, говорящий имеет в виду всю ситуацию в целом, все то, что он видит и ощущает вокруг себя — природу сельской местности, непривычно свежий воздух. Сейчас ему кажется, что это и есть настоящая жизнь, так сильно отличающаяся от обычной для него городской суеты.

Целый ряд примеров содержит в позиции *X* существительное, которое нельзя отнести к номинациям ценностей в строгом смысле слова. Модель служит средством выражения сути какого-то явления, занятия и т. д. Это полностью соответствует дефиниции выражения *be about something* в словаре «Macmillan»: *be about something — used for saying what the most basic or important aspect of a particular job, activity or relationship is*. В следующем отрывке героиня сравнивает свое детство и своих родителей с детством и родителями своего жениха: *Fran's parents were liberal, generous, easy-going. There'd been times as a teenager when she'd wished there'd be more rules — boundaries to batter against when she wanted to rebel and to hold her up when she was floundering. She thought **Perez's childhood had been all about rules — James's rules** — and wondered what had happened now to shift the balance of power* (Cleeves, 250). Главное отличие она видит в наличии строгих правил, регулировавших не только поведение маленького Переса, но и всю жизнь в его семье. Таким образом, можно сказать, что и в данном случае речь идет о неких семейных ценностях, диктующих людям правила жизни

и влияющих на формирование их характеров. В следующих примерах модель *X is about Y* также позволяет выделить самые характерные черты и свойства определенной ситуации: *A grim little smile gathered at the corners of Marc's mouth. This was proving to be much more fun than he'd dared hope. The silence that followed was all about who was going to give in and speak first* (Francis, 185). Ср. также: *Anyway, he told himself, hadn't her singing always been about joy?* (Francis, 65); *'It's a known fact! You city people haven't a clue. What d'you think bloodstock's all about? It's about genes. Good genes, bad genes.'* He stabbed a forefinger into the air. *'And the bad will always out'* (Francis, 104). Как и в некоторых других примерах, говорящий оформляет как вопрос о сути разведения породистых лошадей, так и ответ на него при помощи модели *X is about Y*.

Интересно, что в некоторых примерах существительное, номинирующее определенное нравственное понятие и вербализующее представления персонажей о моральных ценностях и антиценностях [Вдовиченко, 2010. С. 58], или отрицательных ценностях [Рычков, Яшин, 2002. С. 441], перемещается во вторую часть структуры, занимая позицию *Y*: *So this was about cowardice too* (Cleeves, 210). Ср. также: *Looking back at it now, I can see it was all about power and control* (McDermid, 231). Позиция *X* в таких примерах актуализируется за счет личного местоимения *it* или указательных местоимений *this/that*. Эти местоимения не имеют antecedenta, скорее, они соотносены со всей ситуацией в целом.

Анализ достаточно обширного языкового материала показал, что данная модель дает возможность сформулировать, что движет людьми при принятии принципиально важных решений, чаще всего касающихся их отношений с другими людьми. Так признаваемые героями ценности становятся опорой их действий в определенной ситуации. Это полностью согласуется с определением ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни и конкретным деяниям и поступкам [Новейший социологический словарь, 2010].

Исследование художественного текста позволяет затронуть еще один аспект функционирования модели *X is (not) about Y*. Основная сфера использования данной модели — диалог, отражающий в прозаических произведениях то, что принято называть обыденной, или бытовой, деятельностью. Это область привычки, навыка, опытных стереотипов, позволяющих экономно и эффективно ориентироваться в привычных и новых ситуациях. Для разговорного диалога не характерна продуманная композиция и сознательный отбор речевых средств. Названные характеристики разговорного диалога приводят исследователей к выводу о большой вероятности использования в нем стандартных конструкций разных типов [Сибирякова, 1996. С. 5] своего рода «конвенциональных сигналов», форма и функция которых являются устойчивыми и регулярными, т. е. предсказуемыми в рамках определенных конструкций. К подобным стандартным конструкциям, как нам кажется, можно отнести и исследуемую модель. Насколько

правомерно было бы ее причисление к речевым стереотипам, пока неясно. Как отмечает Т. П. Третьякова в своей монографии «Английские речевые стереотипы», стереотипность речевого поведения соотносится с узнаванием сложившейся конфигурации речевой ситуации. Коммуникативный потенциал речевого стереотипа складывается из типичных последовательностей речевых действий, связанных с постоянно воспроизводимыми способами межличностного взаимодействия [Третьякова, 1995. С. 43]. Один из приводимых в Приложении к монографии речевых стереотипов *What's up?* интерпретируется как «вопрос о том, что случилось» [Там же. С. 125].

Определенным сходством с этим выражением обладает, на наш взгляд, вопросительная структура *What's it/this/that (all) about?*, регулярно используемая в ситуациях, когда говорящий, обращаясь к собеседнику, хочет узнать, в чем дело: *He took out his police identification and handed it to Manette. Her eyes narrowed. She pushed it to McGhie and while he was examining it, she asked the obvious question, 'What's this about? I can't think it likely Scotland Yard's on the trail of replacing their lavatories and they sent you up here to evaluate out line of loos'* (George II, 362). В данном примере вполне естественный и предсказуемый в данной ситуации вопрос (*she asked the obvious question*) облечен в стандартную форму. Из контекста данного высказывания следует, что говорящего интересует, почему вдруг в ее поместье появился инспектор Скотленд Ярда. Нельзя не заметить, что в большинстве случаев вопрос *'What's it/this/that about?'* связан с желанием выяснить причину случившегося. За таким вопросом, «связанным с постоянно воспроизводимыми способами межличностного взаимодействия» [Третьякова, 1995. С. 54], часто кроется стремление узнать причину, побудившую адресата поступить или вести себя определенным образом, обычно вызывающим неодобрение и отрицательные эмоции адресата: *What is this all about, Jimmy? I didn't have you down as the sort to go in for bully-boy tactics. You shouldn't have gone to school and harassed my wife in that way'* (Cleeves, 368).

В повествовательных предложениях, построенных по модели X is (not) about Y также часто идет речь о причинах и побудительных мотивах тех или иных поступков. Наиболее эксплицитно эта связь проявляется в тех случаях, когда данная модель лежит в основе ответов на вопросы, начинающиеся с *why*: *Why has my father changed his mind about selling Setter? <...> He said you'd tell me what this was all about'* (Cleeves, 339).

Говоря о побудительных мотивах, нельзя не заметить, как часто людьми движет страсть к деньгам, желание обогатиться, пусть даже для этого надо пойти на преступление: *Laura is the one who has been contacting me about Lily, she reasoned, and if there is anything I can stake my life on, it is that Laura would never harm her. This is all about her need of money* (Clark, 231).

Однако, ради справедливости, следует отметить, что деньги, сохраняя свой ценностный статус, далеко не всегда представляют собой единственный или главный мотив поведения: *'Before you go — what*

*do you think this kidnap's all about? Is it someone who wants Jimmy for himself, or is it going to come down to ransom?' The line went silent. He knew she was thinking and he endured what felt like a long pause. 'I don't think **this is about money**. Because there's no money. There's intelligence at work here, and if a big payday was what they were after, there are a lot more promising targets than Jimmy' (McDermid, 227).*

Своеобразная шкала ценностей представлена в следующем примере, причем среди факторов, влияющих на популярность в студенческой среде, деньги не являются определяющим: *All that might have gained him popularity in some colleges, but not here. Everyone is snobbish about something, don't let them tell you differently, but here **it isn't about money. It isn't really about family either**, although you'd do better as the son of a curate than you would as the son of a pop star. I suppose what they really care about is cleverness — cleverness and good looks and wit. They like people who can make them laugh' (James, 8–9).* В английской привилегированной школе для мальчиков симпатию и уважение окружающих вызывают не столько финансовое благосостояние и благородное происхождение, сколько личные качества — ум, привлекательная внешность, чувство юмора и сообразительность.

В последнем примере актуализируется вариант модели X is about Y с отрицанием, представляющий, на наш взгляд, особый интерес. Данная структура используется, как правило, в конфликтных, порой драматических ситуациях: *'We're friends. Mates. We get along. 'I squeezed his hand. 'You do things for your mates all the time. And that's a good thing.' 'Yeah, and they do me favors in return. It's not a one-way street like you and Scarlett.' 'That's not fair.' 'No? Well, what's she done for you lately?' 'Friendship is not a balance sheet, Pete. **It's not about keeping score**' (McDermid, 179).* В приведенном примере диалог между персонажами обнаруживает столкновение разных жизненных позиций, в частности, разных взглядов на такую ценность, как дружба. Персонаж, в реплике которого личное местоимение it носит анафорический характер, замещая существительное friendship, старается не просто донести до адресата свою точку зрения, но и убедить в своей правоте, приводя ряд убедительных аргументов.

Еще более показателен в этом отношении следующий отрывок: героиня после серьезной ссоры с мужем в ярости. Она возмущена его отношением к ней. Ей кажется, что его ценностные ориентиры, радикально отличающиеся от ее собственных, неверны. Свой основной тезис *Some things had nothing to do with science, some things had to do with her heart* она подкрепляет подробным перечислением того, что, на ее взгляд, должно стоять в иерархии ценностей гораздо ниже, чем ее чувства и переживания. При этом она прибегает к краткой, но емкой формуле X is (not) about Y: *That he would actually dismiss her like this... Deborah had never wanted to strike her husband, but she wanted it badly at that moment. <...> God, he was insufferable, she thought. He was pompous. He was so bloody self-righteous. He was always so sure, so certain, so one hundred per cent full of his sodding scientific knowledge but*

some things had nothing to do with science, some things had to do with her heart, some things weren't about forensics, microscopes, blood stains, computer analysis, charts, graphs, amazing machinery that would take a single thread and connect it to a manufacturer, a skein of wool, the sheep it had come from and the farm on the Hebrides where that sheep had been born... She wanted to scream. She wanted to scratch out his eyes (George II, 356–357).

Желая донести до собеседника свой взгляд на ситуацию и, исходя из ее понимания, сформировать программу действий, персонажи вновь и вновь облачают свои мысли в четкую и ясную форму при помощи разных вариантов структуры *X is about Y*; встречаются целые диалоги, построенные по этой модели с отрицанием: *'Well, I've got news for you,' he declared in a virtuous tone. 'Your friend can make all the threats he likes. It won't make the slightest difference. This isn't about the house, this isn't about the money, and he's making a big mistake if he thinks it is.' 'What is it about then?' 'It's all about my sister's welfare. And her right to self-determination!'* (Francis, 186). Ср. также: *'She can always come back from Spain if need be. She loves him, Scarlett.' 'It's not just about love,' she said, implacable as granite. 'It's about ambition. And aspiration. And desire'* (McDermid III, 314).

Реплика, содержащая вариант модели с отрицанием, в большинстве случаев выражает возражение, несогласие говорящего, опровержение высказанной его оппонентом точки зрения: *Michael rolled his eyes. 'Stop hiding behind the history'. 'It's not about hiding. History like ours? You need crampons and oxygen to get over it'* (Mcdermid III, 19).

В этой связи следует сказать, что «согласие — это полное или неполное совпадение, а несогласие — полное или неполное несовпадение точки зрения коммуниканта с высказыванием коммуникатора» [Любимова, 2004]. Возникновение реакций согласия и несогласия в диалогической речи предопределяется коммуникативным содержанием реплики-стимула: *But if we get a solicitor to witness Jenna's signature I'm off the hook?' 'It's not about getting you off the hook,' Joe laughed awkwardly. 'But if you like — yes'* (Francis, 168).

В приведенных примерах хорошо виден анафорический характер местоимений в позиции *X*: ответная реплика содержит практически буквальный повтор «чужого слова», использованного в инициальном высказывании выражения. Ср.: *Stop hiding behind the history — It's not about hiding; ...I'm off the hook? — It's not about getting you off the hook.*

В лингвистике существует понятие особой диалогической модальности несогласия, связанной с эксплицитным или имплицитным выражением негативной реакции на пропозициональный компонент смысла высказывания [Баскова, 1994. С. 6]. При этом из инициальной реплики выбирается тот компонент, который вызвал отрицательную реакцию. Категоричность несогласия может иметь разную степень; она определяется коммуникативной стратегией говорящего, установкой на соблюдение/несоблюдение Принципа кооперации, а также его

эмоциональным состоянием и уровнем важности обсуждаемого предмета. В приведенных примерах неприятие высказанной собеседником позиции имеет достаточно мягкую форму.

Интересный подход к несогласию — возражению представлен в работе О. А. Саенко. Так, возражение — это особый тип конфликтного общения; коммуникативный ход возражения является речевым приемом, с помощью которого говорящий выражает негативную оценку высказывания адресата с целью оказать на него эмоциональное воздействие, отвечающее интересам возражающего [Саенко, 2005].

Исследованный материал показал, что возражение, выраженное при помощи модели *X is not about Y*, вполне можно отнести к выделяемым О. А. Саенко речевым формулам. Это наиболее заметно в учтивой манере спора, когда говорящий не высказывает категоричное возражение своему собеседнику; он соблюдает Принцип вежливости, который создает среду положительного взаимодействия коммуникантов [Саенко, 2005].

Как правило, реплика говорящего не сводится к возражению, сообщив о несогласии с точкой зрения собеседника на обсуждаемую проблему, он приводит собственную трактовку, регулярно используя все ту же модель, но без отрицания: *It was one of your patients who put you here, after all. He burst out laughing. 'Good God, no. Not one of my patients. Lloyd Allen wasn't one of mine. This isn't about guilt; it's about giving my patients what they need* (McDermid I, 53).

В ряде случаев выражение собственной точки зрения следует за возражением в рамках одного предложения. Вынесение своего мнения в отдельное предложение, как нам кажется, делает все высказывание более выразительным, тем более что далее следует достаточно развернутое объяснение своей позиции: *Alatea went numb, someone straitened on all sides with those sides pressing in till she reached the point when she'd no longer be able even to breathe unconstricted. She said, 'I'm in your power, of course.' 'Alatea. My dear. This isn't about power. This is about safety. Yours and mine. This is about dancing round the law. I dare say this is also about a number of other things as well, but we've no need to touch on these'* (George III, 481). В приведенном примере, как нам кажется, преобладает желание убедить собеседника в его неправоте. Кроме того, учитывая отношения собеседников (любящих супругов), в словах мужа явно слышится стремление успокоить жену, защитить ее от возможных неприятностей. За предложением, опровергающим точку зрения женщины *This isn't about power*, следует трехкратное повторение модели *X is about Y* в рамках трех отдельных предложений, в которых муж пытается объяснить жене суть происходящего — как он сам ее понимает.

Как было сказано раньше, основная сфера функционирования разных вариантов модели *X is about Y* — диалог, т. е. внешняя речь, одна из составляющих «дискурса персонажа» [Караулов, 2007. С. 72], наряду с речью внутренней, в которой данная модель также встречается достаточно часто. Например, инспектор полиции с ее помощью пыта-

ется объяснить себе *причины* своего интереса к делам других людей (проще говоря, манеру совать свой нос в чужие дела): *He couldn't keep his nose out of other people's business. He told himself it was about being a good detective, but he'd have been curious even if work hadn't been involved* (Cleeves, 39).

Довольно большой отрывок текста, передающий размышления героини, которой предстоит принять важное решение, построен на многократном повторении модели *X is about Y*; она приводит все новые и новые детали, находит убедительные аргументы в пользу наиболее вероятного объяснения причин своего беспокойства (*It was all about the roots*): *Obviously, they'd have to sell the house and go their separate ways. She didn't want to do that because she loved this place. Not so much the house which, admittedly, was rather poky, but this particular little spot that had been her haven for years. It was, indeed, all about the place itself and having to leave it ...this disquiet she was feeling. It was about the silence of Great Urswick, about the canopy of stars that hung above the village at night. It was about the pond and the resident swans that floated placidly on it and only occasionally went after an overly enthusiastic dog who stupidly tried to chase them. And it was about the old paint-flecked rowing boat tied to the dock and the fact that she could take it out onto the water and watch the sunrise or the sunset or sit in the rain if she wanted to.*

She supposed it was really all about the roots, having them planted somewhere and not wanting them to be torn out because transplanting often killed the plant and she didn't know what it was going to feel when she herself had to move on (George II, 282–283). Данный пример выделяется из всего исследованного материала максимальным количеством употреблений модели *X is about Y*. Ее многократный настойчивый повтор — своеобразный стилистический прием, цель которого — упорядочить в сознании героини разрозненные, казалось бы, причины ее тревоги и нежелания расстаться с тем сложным комплексом, который она определяет как «корни».

Подводя итоги проведенного исследования, отметим следующее. Анализ использования модели *X is about Y* в художественной литературе показал, что она служит главным образом для передачи ценностных представлений персонажей, выражения сути описываемых явлений и причин происходящих событий. Это эффективное средство воздействия на адресата, направленное на изменение в системе его (и, возможно, читателя) ценностей, убеждений и моральных установок. Все вышесказанное полностью согласуется с определением ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни и конкретным деяниям и поступкам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Clark — *Clark M. H. Nighttime is my Time*. New York, 2004.
Francis — *Francis C. A Death Divided*. London, 1988.
Cleeves — *Cleeves A. Red Bones*. London, 2009.

George I — *George E. For the Sake of Elena*. London, 2008.

George II — *George E. Believing the Lie*. London, 2012.

James — *James P. D. Death in Holy Orders*. London, 2002.

McDermid — *McDermid V. The Vanishing Point*. London, 2012.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010. 288 с.

Баскова М. Е. Прагмасемантические и интеракционные характеристики высказываний несогласия (на материале современного английского диалога): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1994. 16 с.

Вдовиченко Л. В. «Порядок» и «беспорядок» как ценности и антиценности в политическом дискурсе России и США // Политическая лингвистика. Вып. 3 (33). Екатеринбург, 2010. С. 57–61.

Емельянова О. В. Модель *X is about Y* как средство актуализации ценностных представлений в английском языке // Язык как культурный код нации / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2014. С. 58–82.

Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: Лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. 23 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.

Кузнецова Н. В. Словообразовательные структуры ядерных лексем концепта *жизнь* (на материале английских и русских народных сказок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гум. пед. институт, 2010. 21 с.

Лоскутова Т. Н. Концепты «жизнь» — «смерть», вербализованные лексемами и фразеологическими единицами русского языка, в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. пед. института, 2009. 21 с.

Любимова М. К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русском и немецком дискурсах совещаний и переговоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. 17 с.

Новейший социологический словарь. М.: Книжный дом, 2010. 1312 с.

Рычков А. К., Яшин Б. Л. Философия. М.: Гум. издат. центр ВЛАДОС, 2002. 384 с.

Саенко О. А. Коммуникативный ход возражения в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. лингв. ун-та, 2005. 16 с.

Сибирякова И. Г. Тематическое структурирование разговорного диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. гос. ун-та, 1996. 17 с.

Третьякова Т. П. Английские речевые стереотипы: функционально-семантический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1995. 128 с.

REFERENCES

Alefirenko N.F. *Lingvokulturologiia. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka* [Linguistic cultural studies. Axiological and conceptual space of language]. Moscow, Flinta Publ., 2010, 288 p.

- Baskova M.E. *Pragmasemanticheskie i interaktsionnye kharakteristiki vyskazyvanii nesoglasiia (na materiale sovremennogo angliiskogo dialoga)* [Pragmasemantic and interaction specificity of disagreement utterances in modern English dialogue], *Extended abstract of PhD Thesis*. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU [Saint Peterburg State University's Publishing house], 1994, 16 p.
- Vdovichenko L.V. «Poriadok» i «besporiadok» kak tsennosti i antitsennosti v politicheskoy diskursse Rossii i SShA [“Order” and “disorder” as values and anti-values in political discourse in Russian and USA]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], no. 3 (33). Ekaterinburg, 2010, pp. 57–61.
- Emel'ianova O.V. Model' X is about Y kak sredstvo aktualizatsii tsennostnykh predstavlenii v angliiskom iazyke [Model X is about Y as a means of actualisation of axiological ideas in English]. *Iazyk kak kul'turnyi kod natsii* [Language as a cultural code of a nation], eds. A.V. Zelenshchikov, E.G. Khomiakova. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterb. gos. un-ta [Saint Petersburg State University's Publishing house], 2014, pp. 58–82.
- Ipanova O.A. *Kontsept «zhizn'» v russkoi iazykovoi kartine mira: Lingvokul'turologicheskii i leksikograficheskii aspekty* [Concept “life” in the Russian world view: Linguistic, cultural and lexicographical aspects], *Extended abstract of PhD Thesis*. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterb. gos. un-ta [Saint Petersburg State University's Publishing house], 2005, 23 s.
- Karaulov Iu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, LKI Publ., 2007, 264 s.
- Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v iazyke [Cultural dominants in language]. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: Identity, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, pp. 166–205.
- Kuznetsova N.V. *Slovoobrazovatel'nye struktury iadernykh leksem kontsepta zhizn' (na materiale angliiskikh i russkikh narodnykh skazok)* [Word-formation structures of core lexemes of the concept life in English and Russian folk tales], *Extended abstract of PhD Thesis*. Moscow, Mosk. gum. ped. institut [Moscow Humanitarian Pedagogical Institute's Publishing house], 2010, 21 p.
- Loskutova T.N. *Kontsepty «zhizn'» – «smert'», verbalizovannye leksemami i frazeologicheskimi edinitsami russkogo iazyka, v lingvokul'turologicheskom aspekte* [Concepts “life” – “death” verbalised by the lexemes and phraseological units in the Russian language], *Extended abstract of PhD Thesis*. Cheliabinsk, Izd-vo Cheliabinskogo gos. ped. instituta [Cheliabinsk State Pedagogical Institut's Publishing house], 2009, 21 p.
- Liubimova M.K. *Intentsional'nye smysly soglasiia i nesoglasiia v russkom i nemetskom diskursakh soveshchanii i peregovorov* [Intentional meanings of disagreement in the Russian and German discourse of negotiations and meetings], *Extended abstract of PhD Thesis*. Tambov, TGGU [Tambov State Technical University] Publishing house, 2004, 17 p.
- Noveishii sotsiologicheskii slovar' [New dictionary on sociology]. Moscow, Knizhnyi dom Publ., 2010, 1312 p.
- Rychkov A.K., Iashin B.L. *Filosofia* [Philosophy]. Moscow, VLADOS Publishing center, 2002, 384 p.
- Saenko O.A. *Kommunikativnyi khod vozrazheniia v sovremennom frantsuzskom iazyke* [Conversational turn of disagreement in modern French], *Extended abstract of PhD Thesis*. Irkutsk, Izd-vo Irkutsk. gos. lingv. un-ta [Irkutsk State Linguistic University's Publishing house], 2005, 16 p.
- Sibiriakova I.G. *Tematicheskoe strukturirovanie razgovornogo dialoga* [Thematic structuring of colloquial dialogue], *Extended abstract of PhD Thesis*. Ekaterinburg,

Izd-vo Ekaterinburgskogo gos. un-ta [Ekaterinburg State University's Publishing house], 1996, 17 s.

Tret'iakova T.P. *Angliiskie rechevye stereotipy: funktsional'no-semanticheskii aspekt* [English speech stereotypes: Functional and semantic aspects]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterb. gos. un-ta [Saint Petersburg State University's Publishing house], 1995, 128 s.

Ольга Витальевна Емельянова

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Olga Emelianova

Candidate of Philology, Associate Professor

St. Petersburg State University, Russia

kafangl@mail.ru, emelianovaolga@yandex.ru

Д. С. Ермолин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В УСЛОВИЯХ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА (НА ПРИМЕРЕ ПРИШТИНЫ)

Ключевые слова: языковая ситуация, стереотипы, вооруженный конфликт, многоязычие, албанцы, сербы, Косово, Сербия, Приштина, Ниш.

Статья посвящена анализу некоторых особенностей (в том числе языковых) взаимодействия албанского и сербского населения в столице Косово – Приштине – во второй половине XX в. до войны 1998–1999 гг. Источником послужили записи интервью с горожанами, бывшими и настоящими. Сбор полевого материала осуществлялся в несколько этапов: май–июнь и август–сентябрь 2014 г. (в 2015 г. работа была продолжена). Интервью с сербами, покинувшими Приштину в 1999 г., были записаны в г. Ниш (Сербия). В настоящей публикации проанализированы функции и дистрибуция бытовавших в тот период языков (прежде всего сербского, албанского и турецкого) как на официальном уровне, так и в повседневном употреблении между жителями одного квартала. Помимо описания ситуации в прошлом в статье анализируются некоторые стереотипы (в основном распространенные у сербов в отношении албанцев), бытующие в среде сербских переселенцев из Косово. Нарративы, фиксируемые в настоящее время среди албанского населения Косово (в частности, Приштины) и сербов-беженцев, демонстрируют возможность новых интерпретаций и поиска ранее в научной литературе не рассматривавшихся причин произошедшего конфликта, не ограничиваясь лишь рамками «векового» этнического противостояния сербов и албанцев¹ или экономической отсталостью края и неудовлетворенностью масс населения условиями жизни (прежде всего экономической и культурной политикой, проводимой югославскими властями в крае). Среди ранее не обсуждавшихся причин конфликта в статье указывается на радикальные настроения масс, подогреваемых политическими элитами.

Denis Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS

LANGUAGE SITUATION AND ETHNO-SOCIAL STEREOTYPES IN ETHNIC CONFLICTS IN PRISTINA

Keywords: language situation, stereotypes, armed conflict, multilingualism, the Albanians, the Serbians, Kosovo, Serbia, Pristina, Niš.

The article discusses interaction (including the linguistic one) between the Albanians and the Serbians in the capital of Kosovo – Pristina – at late XX century, before the war in 1998–1999.

¹ Критический анализ дискурса об «этническом конфликте» между сербами и албанцами см. в: [Иванова, 1999. С. 22–25].

The paper is based on the interviews taken from the former and current citizens during several periods: from May to June and from August to September in 2014 (later – in 2015). Interviews with the Serbians who had left Pristina in 1999 were taken in Niš, Serbia. The paper analyses how the-then languages (primarily, Serbian, Alban, and Turkish) functioned and were distributed both officially and non-officially within one district. Apart from the past situation, the article discusses some stereotypes, primarily spread among the Serbians towards the Albanians, that are shared by the Serbian migrants from Kosovo. The analysis of the narratives that are currently collected from the Albanians in Kosovo, in Pristina in particular, and the Serbian refugees makes it possible to give a new interpretation and reveals causes of the conflict that were not considered in academic community before, thus going beyond the “century-long” ethnic Serbia-Albania confrontation, economic backwardness of the region and social dissatisfaction among population, mostly by economic and cultural politics adopted by Yugoslavia. Among the causes that were not discussed before is radical attitude of the population heated by the political elite.

17 февраля 2008 г. Парламент Косово в одностороннем порядке провозгласил независимость Республики Косово² от Сербии. В тот же день состоялось голосование по поводу утверждения новых государственных символов — флага и герба. В качестве официальной символики был избран вариант, ставший результатом доработки одного из поданных на конкурс проектов (авторы Ментор Шаля, Бесник Нули): на синем фоне золотой силуэт Косово и шесть белых звезд сверху, которые символизируют проживающие в стране народы — албанцев, сербов, турок, цыган, бошняков и горанов³. Через три дня Закон о государственной символике РК вступил в силу; флаг и герб с указанной символикой были призваны отражать полиэтнический характер нового государства (ст. 6 Конституции РК⁴).

На протяжении всего XX в. абсолютное и относительное количество сербов в Косово неуклонно снижалось (прежде всего вследствие их оттока из края и высокого уровня рождаемости у албанцев), несмотря на попытки сначала королевского (особенно в межвоенный период), а позже социалистического правительства Югославии изменить пропорциональное соотношение численности албанского и сербского населения [Bataković, 1999. С. 4–8]. К настоящему моменту албанцы на территории Косово составляют абсолютное большинство (согласно переписи 2011 г.⁵ — порядка 93%); они исповедуют ислам (96%) и ка-

² Далее — РК, Косово. В сербской номенклатуре территориально-административных единиц — Автономный край Косово и Метохия в составе Республики Сербия.

³ Бошняки (также *босняки*, серб., хорв., босн. *Bošnjaci*) — этноним, употребляемый в настоящее время для обозначения славян-мусульман Западных Балкан (в Югославии с 1971 г. использовался термин *Muslimani*), в отличие от боснийцев (серб., хорв., босн. *Bosanci*), т. е. жителей Боснии и Герцеговины вне зависимости от вероисповедания. Гораны — этнолокальная группа славян-мусульман, проживающих в регионе Гора (Косово, Албания, Македония) и отличающихся особым самосознанием, говором и некоторыми аспектами материальной культуры.

⁴ Текст конституции на албанском, сербском и английском языках см.: [Kushtetuta, 2008].

⁵ Результаты переписи представлены на сайте Статистического агентства Косово. См.: [Regjistrimi popullsisë 2011].

толицизм (4%). Число сербов точно определить невозможно, поскольку в общинах Косовска Митровица, Лепосавич, Зубин Поток и Звечан они бойкотировали последнюю перепись, но по приблизительным оценкам сербы составляют от 1,5 до 5% от общего населения региона. Доля каждой из других этнических групп — бошняки, гораны, цыгане (египтяне, рома и ашкали), турки — колеблется от 0,5 до 2%.

Эти данные приведены с целью продемонстрировать, что Приштина с самых первых самостоятельных шагов (не без настоятельных рекомендаций со стороны ЕС и США) создавала образ независимого Косово как полиэтничного и светского (ст. 8 Конституции РК) государства, гарантирующего права граждан на сохранение и выражение своей национальной, этнической, культурной, языковой и религиозной идентичности (ст. 59 Конституции РК). Без этого компромиссного шага со стороны албанцев международные силы, участвовавшие в судьбе Косово, никогда не допустили бы провозглашения его независимости [Ingimundarson, 2007. С. 97–98]. Тем не менее, несмотря на декларируемые и культивируемые полиэтничность и мультикультурность (что, действительно, на протяжении веков характеризовало эту землю), Косово в XXI в. — это государство, в котором безусловно доминирующей культурой является албанская. Процессы этнокультурной и языковой гомогенизации⁶, наиболее активная фаза которых пришлась на 1990–2000-е гг., особенно очевидны в городах (прежде всего Приштина, Призрен, Джаяковица, Гнилане и пр.), традиционно являвших положительные примеры межэтнических, языковых, межкультурных, социальных и межконфессиональных контактов⁷.

Автор данной статьи поставил перед собой цели вскрыть роль языковой ситуации, в целом, и этноязыковых стереотипов, в частности, в «этническом конфликте» в Косово, предложить новые интерпретации и вскрыть ранее не обсуждавшиеся причины произошедшего этнического конфликта. Для достижения целей решаются следующие задачи:

- рассмотреть социальные, языковые и культурные идентичности населения Приштины в контексте городских преобразований и этнической напряженности во второй половине XX в.;
- проанализировать особенности взаимодействия албанского и сербского населения в столице Косово — Приштине — до войны 1998–1999 гг.;
- рассмотреть спектр этносоциальных стереотипов в сообществе косовских сербов, покинувших Косово после 1999 г.

Сбор полевого материала осуществлялся в несколько этапов. В мае 2014 и 2015 г. мне довелось поучаствовать в праздновании сербами из Ниша и Белграда, ранее проживавшими в Приштине, престольного

⁶ В последние несколько лет наблюдается пусть незначительный, но все же приток возвращающихся сербских беженцев, которые были вынуждены оставить свои дома в 1998–1999 гг. По приблизительным оценкам с 2000 г. в Косово вернулись от 3 до 7 тыс. сербов, см.: [Мартинова, 2013. С. 134–135].

⁷ О балканском городе см.: [Соболев, 2013. С. 110–130].

праздника церкви Св. Николы в Приштине (22 мая по н. ст.) с посещением православного кладбища, а в сентябре 2014 г. и августе 2015 г. состоялись экспедиционные выезды в г. Ниш, в результате которых был записан ряд интервью с косовскими сербами, более 15 лет проживающими за пределами Косово. В данном исследовании основное внимание будет уделено вопросам идентичности и границ данного сообщества, а также стереотипам, бытующим в среде сербских переселенцев из Косово. Поскольку в рамках данных полевых выездов мною также собирался материал для исследования, посвященного трансформации социокультурного ландшафта столицы Косово — Приштины — в период с 1945 по 1999 г., мои информанты в Нише были, в основном, выходцами из столицы Косово, а также близлежащих поселений — Чаглавицы, Косово-Поле, Лаплье-Село и др.

Процессы этнической поляризации и рурализации в Приштине (вторая половина XX в.)

Говоря об этнополитической ситуации в Приштине и в целом в Косово до войны 1998–1999 гг., необходимо иметь в виду следующее: до 1989 г. Приштина оставалась типичным югославским городом, несмотря на то, что уже в конце 1960-х гг. появились «первые ласточки» будущей этнической напряженности: 1968 и 1981 г. были отмечены выступлениями албанской части населения края за предоставление Косово более широкой автономии и, в конце концов, статуса республики в составе СФРЮ [Мартынова, 2013. С. 91–99]. Ситуация в корне изменилась после 1986 г., когда был опубликован Меморандум Сербской Академии наук и искусств⁸ с призывами выдвижения «сербской национальной программы» [Там же. С. 100]. Данный текст, помимо прочего, содержал обвинения косовских албанцев в геноциде сербского народа. Именно даты — 1968, 1974 (принятие новой конституции СФРЮ) и 1981 — отмечают сербы в качестве начальной точки, с которой началось изменение ситуации в отношениях между албанцами и сербами (в терминологии информантов: *Кад почело је... — Когда началось...*)⁹. В свою очередь, информанты-албанцы подчеркивают, что окончательно и бесповоротно ситуация изменилась в 1989 г., когда путем референдума политическая автономия Косово была существенно урезана — был распущен краевой парламент, СМИ на албанском языке перестали функционировать в полном объеме, многие албанцы были уволены с ключевых административных постов и из полиции.

Незначительная часть албанцев продолжала сотрудничать с сербскими властями: таких людей в албанском сообществе считали предателями и угрожали им физической расправой, вследствие чего многим из них пришлось уехать в Сербию, однако документальными фактами их физического устранения на данный момент мы не располагаем.

⁸ Перевод текста на английский язык см.: [Memorandum, 1986].

⁹ О темпоральных категориях в дискурсе беженцев из Косово подр. см. в [Ћирковић, 2012. С. 81–112].

Для многих албанцев символом коллаборационизма той эпохи является югославский политик албанского происхождения Рахман Морина (1943–1990), который был противником идеи независимого Косово, и, предположительно, именно это стало причиной его внезапной смерти. В тот период по отношению к своим соотечественникам, сотрудничавшим с сербами, в албанском сообществе использовался эвфемизм *shqiptarët e ndershëm* (досл. ‘честные/уважаемые албанцы’), что является калькой с сербского *поштовани Албанци*, поскольку именно так их называли в сербском дискурсе.

В 1990–1993 гг. этническая поляризация в Косово достигла своего апогея — параллельные структуры (прежде всего, в сфере политики, образования и здравоохранения), созданные албанцами, начали функционировать в полном объеме (подробнее см. в: [Kostovicova, 2005. С. 97–120; Мартынова, 2013. С. 99–105]). В этой ситуации поражает прежде всего то, что вопреки ужесточавшемуся контролю со стороны официальных властей албанцам удалось создать действенную схему, которая около десяти лет удовлетворяла базовые потребности (в трудоустройстве, образовании, здравоохранении) довольно большого сообщества. Северные районы города (Kodra e Trimave, Medresja, Gallapi, Vneshta, отчасти Velania) стали надежным оплотом для создаваемых параллельных структур: с 1991 г. за высокими стенами частных домов стали появляться первые детские сады, школы и медицинские кабинеты (их в народе стали называть *пунктами «Мать Тереза»*, алб. *pikat «Nënë Tereza»*); был создан университет — занятия проводились в чайных, за закрытыми дверями [Kostovicova, 2005. С. 108–112]. Поначалу вся система работала на безвозмездной основе, но уже с 1992 г. она начала предоставлять оплачиваемые рабочие места (деньги поступали в основном от трудовых мигрантов-албанцев, работавших в Европе, — с них собирались налоги в размере 3% на нужды параллельных структур), а уже в мае 1992 г. албанцы Косово провели независимые президентские и парламентские выборы.

Фиксируя рассказы, описывающие судьбы и переживания людей в условиях этнической напряженности, вылившейся в вооруженный конфликт, я, признаться, не ожидал услышать иной точки зрения, кроме привычной, когда сербы и албанцы обвиняют друг друга в произошедшей в Косово гуманитарной катастрофе. Однако от коренных жителей Приштины, как албанцев, так и сербов мною были записаны, как ни странно, взвешенные и, если можно так выразиться, «трезвые» рассуждения о «правых и виноватых».

Важной социальной характеристикой, на которую обращают внимание и сербы, и албанцы, является противопоставление коренных жителей Приштины (алб. *prishtinalli*, серб. *приштевац*) и переехавших в город сельских жителей вне зависимости от этнической принадлежности (уничижит. алб. *malok, katun(d)ar*; серб. *дивљак, селяк*)¹⁰, которые вносят в

¹⁰ Внутренние формы албанских и сербских лексем: «горец», «крестьянин, житель деревни»; «дикарь», «житель села», что наиболее точно соответствует русской лексеме «деревенщина».

социальный ландшафт полиэтнического города привычные им нормы поведения, манеры и суждения. По словам информантов, горожанин Приштины обладает особой идентичностью, причем одним из обязательных требований, предъявляемых сообществом горожан к члену данной социальной группы и даже «касты» вплоть до 1980-х гг., являлось умение изъясняться по-турецки. Одна из моих информантов (албанка, 1942 г. р., род. в Приштине) сообщила, что в их квартале (не говоря уже о ее семье) в центре города все говорили по-турецки, к тому же она с детства усвоила и сербский язык, поскольку в их квартале жило несколько сербских семей; албанский язык она начала учить только в школе, поскольку с родителями общалась исключительно по-турецки. Информант-серб подтвердил, что во времена молодости его отца (1930–1950-е гг.) в городе говорили только по-турецки и по-сербски.

В Приштине во второй половине XX в. в ходу были три языка:

- **турецкий** — язык старожильческого городского населения, обладавший наиболее высоким социальным престижем. Турецким до настоящего времени владеют люди 1930–1940-х гг. р. С 1953 г. было введено начальное образование на турецком языке (в гимназии «Мето Байрактари»);
- **сербский** — язык администрации и образования на всех уровнях. Все албанцы старались учить сербский, иначе их считали необразованными. С 1991 по 1999 г. официальное образование было только на сербском языке;
- **албанский** — школьное образование (с 1945 г.), высшее образование (с 1966 г., сначала были открыты отдельные факультеты Белградского университета), язык администрации (со второй половины 1970-х гг.). Язык параллельных структур с 1992 г. Среди горожан, говоривших по-турецки и по-сербски, албанский долгое время считался языком «деревенщины». Сербь учили албанский язык в средней школе (4 года).

В условиях столь этнически и лингвистически пестрой повседневности неудивительно, что горожане Приштины, веками привыкшие жить бок о бок друг с другом — турецкими, албанскими, сербскими и еврейскими торговцами и ремесленникам, — обладали намного большим порогом этнической, конфессиональной и культурной толерантности, чем более поздние переселенцы в города из руральных — по преимуществу гомогенных в этническом отношении — районов. Первая существенная волна миграции из окрестных сел в Приштину в 1960–70-е гг. была связана, во-первых, со значительными темпами индустриализации в послевоенном Косово и открытием университета в 1969 г. [Lleshi, 1977. С. 293–294], а во-вторых, с тем, что начиная с 1953 г. старое мусульманское туркоязычное население было вынуждено покинуть Приштину¹¹. По словам информантов, северные квар-

¹¹ Данный отток мусульманского населения из Приштины в частности и из Югославии в целом был связан с подписанием Балканского пакта между Турцией, Югославией и Грецией (1953 г.). Подробнее см. в [Hadalín, 2011. С. 362–364].

талы города (Kodra e Trimave, Vneshta, частично Medresja), состоящие из хаотично и полулегально построенных домов новых горожан, располагаются на месте бывших полей и виноградников «турок»¹².

Вот как об этом рассказывает информантка — сербка, родившаяся и прожившая всю жизнь в Приштине:

Менталитет жителей Приштины, Призрена и Гниляне похож. У них одни и те же обычаи, одинаковые обряды. В их основе — турецкая культура. Я люблю турецкие песни... Мы готовим ту же еду, что и в Турции. <...> На селе не так. Культура сербов, живущих в селах, отличается от культуры горожан. Все отличается, огромная разница — одежда, еда, обычаи. <...> После войны сербы, живущие в селах, стали учиться — многие приезжали в Приштину, заканчивали школу или гимназию, высшее образование получали в Белграде. Но разница между ними и нами — горожанами — сохранялась. Тяжело общались между собой, никто не хотел выходить замуж за «деревенщину», редко кто это делал. Общались с ними с каким-то пренебрежением... Я очень не любила людей из села. Они приезжали в город и приносили свои обычаи. Мой брат до сих пор их называет только «деревенщиной»... (Г. Р., жен., сербка, род. в 1945 г. в Приштине, зап. в г. Ниш, сентябрь 2014 г., пер. с сербского мой. — Д. Е.).

Действительно, с момента открытия университета в Приштине (1969 г.) в город стало приезжать большое количество молодежи со всего края. Мои информанты, которые учились в университете в 1980-е гг., вспоминают, что невидимая граница проходила между студентами, которые были родом из Приштины, и всеми остальными молодыми людьми, особенно выходцами из сельской местности. Основным маркером «своих» и «чужих» было владение молодежным приштинским арго (в случае албанцев — на албанской языковой основе). Этот тайный язык усваивался в гимназиях и школах, и молодые приштинцы продолжали общаться на нем в университете. Соответственно, владение этим коммуникативным кодом, обладавшим высокой степенью престижа, позволяло его носителям выбирать желаемый круг общения. В основе этого «тайного» языка лежит метатеза. Очевидно, что молодежное арго албанцев Приштины является калькой (на албанской языковой основе) так называемого жаргона *шатровачки*, распространенного в сербохорватском языковом ареале, в основном, в крупных городах — Белграде, Загребе, Сараево. Приведем примеры:

Riçe rome i taçi! (молодежное арго) — *Këçyr more atë!* (разговорный косовский албанский) — Посмотри на него! (перевод на русский язык)

Pej mi do ragica! — *Më jep disa cigare!* — Дай мне сигарет!

Som u leç! — *Mos u çel!* — Помалкивай!

¹² Под «турками» в городах бывшей Османской империи мы должны понимать коренных горожан мусульманского вероисповедания, для которых турецкий язык обладал высоким социальным статусом и престижем, а принадлежность к османской культуре была неотъемлемой частью идентичности независимо от этнического происхождения.

I taçi kish jomsh rapa — Ai kishte mshu [mëshuar] para — Он украл деньги

(примеры записаны от Б. Р., муж., албанец, род. в 1974 г. в Приштине, зап. там же, май 2014 г.).

Помимо наличия своего языка, идентичность молодых горожан Приштины характеризовалась большим влиянием югославской массовой культуры. В отличие от студентов, приезжавших в Приштину из других городов и сел и живших в общежитии, молодые горожане помимо кафе могли собираться друг у друга дома (если, конечно, позволяло жилое пространство). Именно тогда сформировалась так называемая «комнатная» культура (алб. *kultura e dhomave*): если у молодого человека в квартире была отдельная комната, он периодически устраивал там вечеринки, на которых происходили новые знакомства, звучал югославский рок, употреблялся алкоголь и легкие наркотики. Естественно, позволить такой образ жизни могли себе лишь выходцы из обеспеченных семей.

Вторая ошутимая волна миграции по оси село–город в Приштину непосредственно связана с войной в Косово (1998–1999 гг.), в результате которой практически все неалбанское население покинуло город, а на их место приехали албанцы из сельской местности. Необходимо отметить тот факт, что люди, живущие в городе с 1960-х гг., ныне позиционируют себя в качестве горожан («я не приштинец, но горожанин Приштины»), противопоставляя себя перебравшимся в город в 1990–2000-е гг. Вот как об этом говорит моя информантка:

Трудно представить, что это вообще Приштина. После войны «деревенщина»-албанцы заняли дома и квартиры сербов и албанцев, покинувших город во время войны. Население города увеличилось в три раза. После войны в Приштине поселились люди, которые не понимают и не ценят культуру и искусство (М. Я., жен., албанка, род. в Приштине в 1942 г., зап. там же, сентябрь 2014 г., пер. с албанского мой. — Д. Е.).

В начале 1999 г., когда сербы были вынуждены массово покидать Приштину, соседи-албанцы делали все возможное для того, чтобы сделать их переселение в Сербию менее драматичным, насколько это было возможно в тех условиях. Часты рассказы о том, как во время войны в Косово соседи албанцы и сербы укрывали друг друга в собственных домах от вооруженных отрядов, патрулировавших город. Зачастую албанцы старались выкупить дом своего соседа, переезжавшего в Сербию, предлагая довольно существенные деньги, дабы не допустить того, чтобы дом купил приезжий из сельской местности албанец. С началом бомбардировок НАТО в марте 1999 г. албанцы также стали покидать Приштину.

Многие информанты подчеркивают, что в течение 1990-х гг., когда центральную часть Приштины стала контролировать полиция, а рост этнической напряженности достиг своего апогея, отношения между соседями (особенно старожилами пожилого возраста) — албанцами и сербами — не изменились. О политике просто старались не говорить — насущные дела были важнее.

Подводя итоги данного раздела, обозначим основные волны рурализации города, процесса, который отчасти способствовал этнической поляризации городского сообщества в конце 1980-х — начале 1990-х гг.:

- 1940–1950-е гг. — массовый приток сельских жителей в послевоенный период (после выезда значительной части городского населения в Турцию (начиная с 1953 г.) и Сербию). Начинает формироваться культурная и языковая оппозиция «горожанин» — «выходец из села» внутри городского сообщества (рост численности населения Приштины с 24 до 50 тыс.);
- 1960-е гг. — появление «руральных» кварталов (Kodra e Trimave, Gallapi, Vneshta, отчасти Velania) на севере Приштины в период активной индустриализации региона;
- 1970-е гг. — приток студенческой молодежи из сельской местности после образования Университета Приштины (1969 г.);
- 1999 г. — н. в. — последняя волна переселения из сельской местности, связанная с оттоком сербского населения во время войны в Косово (до начала войны сербское население Косово составляло около 250 тыс. чел.).

Стереотипы косовских сербов в Нише

Определения этнических стереотипов и подходы к их изучению весьма разнятся в понимании исследователей, что связано со значительной емкостью данного понятия. Так, в работах А. К. Байбурина этнические стереотипы рассматриваются прежде всего в качестве социальных феноменов, регламентирующих и упорядочивающих нормы и сценарии поведения индивида или сообщества [Байбурин, 1985. С. 36–46]. В. П. Трусов и А. С. Филиппов определяют этнические стереотипы как обобщения о представителях различных этнических групп, характеризующиеся повышенной эмоциональной устойчивостью, но не всегда адекватно отражающие реальные черты стереотипизируемой группы [Трусов, Филиппов, 1984. С. 18]. Данное определение конкретизирует О. В. Белова, добавляя, что при создании образа «чужака» конкретное сообщество, как правило, использует устойчивый набор предрассудков, создающих стереотипный «портрет другого», в основе которого зачастую лежат представления о ненормальной внешности, гипертрофированных качествах и свойствах, связи «чужих» с потусторонним миром [Белова, 2005. С. 8].

В случае косовских сербов приходится иметь дело с несколькими категориями стереотипов, в зависимости от того, какое сообщество представляется в виде «чужого» или «своего». Так, до переселения сербов из Косово в Приштине невидимая граница пролегла не столько по этническому принципу (сербы — албанцы — турки), сколько по социокультурному — для горожан-старожилов «своими» были албанцы и турки, имевшие опыт проживания в городской среде и умевшие выстраивать добрососедские отношения в многоликой, мультиконфессиональной и полифоничной Приштине, в отличие от приезжавших из сел сербов и

албанцев (см. выше). После того как косовские сербы оказались в Нише, границы между «своими» и «чужими» были пересмотрены, что повлекло к образованию новых стереотипов, о которых речь пойдет ниже.

После передачи территории Косово под протекторат ООН и возвращения албанских жителей в 1999 г. (многие албанцы выехали из края на время войны 1998–1999 гг. и военной операции НАТО) сербское население массово покидало Косово в надежде обрести на своей «большой» родине мирное существование и сочувствие «братьев». Однако, по словам моих информантов-сербов, там, куда они переселялись (прежде всего, близлежащие города на юге Сербии — Ниш, Лесковац, а также Белград и др.), сербы из Косово не нашли ожидаемой поддержки местного населения. Повсеместно в Сербии косовские сербы именовались местными не иначе как *Шиптары*¹³ — об этом свидетельствуют как мои полевые материалы, так и многочисленные наблюдения коллег¹⁴.

По словам информантов, живущих в Нише, случаи буллинга по отношению к ним и к их детям в городских школах и училищах также вовсе не были редкостью. Информант С. А. (жен., род. в г. Косовска-Каменица, около 40 лет) не желала посещать занятия в медицинском училище, поскольку каждое утро находила у себя на парте записку со словами «*Возвращайся в Косово — откуда приехала!*».

Получив статус перемещенных лиц (серб. *расељена лица*), косовские сербы, однако, были ограничены в гражданских правах — им, например, не разрешается участвовать в выборах на муниципальном и областном уровне (поскольку официально они до сих пор прописаны по прежнему месту жительства: им крайне сложно получить постоянную регистрацию в Нише, где они живут уже более 15 лет). Видимая граница между «полноценными горожанами» и перемещенными лицами также маркируется в социальном ландшафте города государственными регистрационными автомобильными знаками: косовские сербы, не имеющие постоянной регистрации в городе, вынуждены пользоваться автомобильными номерами, на которых поставлены буквенные префиксы, соответствующие месту регистрации в Косово (насколько известно автору, данные номера продолжают выдаваться по настоящее время). Например, для Приштины это префикс PR. По словам моих информантов из числа автолюбителей, эта ситуация доставляет им определенный дискомфорт, поскольку они чувствуют нехватку прав даже на дорогах.

Неудивительно, что такие условия способствовали изоляции и выработке чувства сплоченности беженцами из Косово [Nedeljković, 2008. С. 50–53]. До сих пор в Нише есть кафе «Липа», в котором собираются преимущественно косовские сербы: еще 15 лет назад они облюбовали это место, и до сих пор приходят сюда до и после работы, чтобы за

¹³ Серб. *Шиптар* (от алб. эндонима *shqiptar* ‘албанец’) — пейоративный термин для обозначения албанцев в сербском языке.

¹⁴ Благодарю за ценные комментарии и консультации коллег из Белграда — Билянну Сикимич (Институт балканистики САНИ) и Саню Златанович (Институт этнографии САНИ).

чашкой кофе вспомнить прошлую жизнь в Косово, посетовать на экономические тяготы сегодняшнего дня и покритиковать правительство. Многим людям это кафе дало новые контакты «среди своих», благодаря чему удалось создать небольшие фирмы (как правило, в сфере автосервиса) или открыть магазины.

Об албанцах бывшие жители Приштины вспоминают зачастую с ностальгией, наделяя их такими качествами, как верность слову, честность, трудолюбие, порядочность в торговых делах. На фоне ловких и способных к торговле албанцев в Косово, местные сербы, работающие на рынке в Нише, изображаются в рассказах мелочными, готовыми на обман, никогда не дающими в долг, округляющими любую сумму в свою пользу (в отличие от албанцев).

* * *

Полевые материалы, фиксируемые в настоящее время среди албанского населения Косово (в частности, Приштины) и сербов-беженцев, демонстрируют возможность новых интерпретаций и поиска дополнительных причин произошедшего конфликта, не ограничиваясь лишь рамками «этнического противостояния» сербов и албанцев или экономической отсталостью края и неудовлетворенностью масс населения. По крайней мере ясно, что среди горожан, усвоивших правила и нормы добрососедских отношений с представителями различных этнических и конфессиональных групп еще со времен османского владычества и во времена социалистической Югославии, порог толерантности и неприятия любых проявлений этнического национализма во время событий в Косово оказался гораздо выше, чем у подогреваемых политическими элитами радикально настроенных масс.

После знакомства с сообществом косовских сербов в Нише приходится констатировать, что формальные условия их существования на территории Сербии и неформальное отношение к ним со стороны местного населения препятствуют полной интеграции беженцев: эти люди с особым статусом находятся на периферии социального ландшафта города. В сложившейся ситуации косовские сербы предпочитают оставаться в замкнутом сообществе: поддерживать трудовые и дружеские контакты внутри собственной группы, устраивать вечера памяти и поездки в родные города на храмовые праздники и поминальные дни. Коллективную идентичность косовских сербов в Нише, помимо темы войны и ее последствий, также поддерживают устойчивые стереотипы о порядочности, честности и трудолюбии албанцев Косово и, напротив, о нежелании выручить в трудную минуту и легкости, с которой идут на обман местные сербы.

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурун А. К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Советская этнография. 1985. № 2. С. 36–46.
- Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005. 288 с.

- Иванова Ю. В. Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 21. Балканские исследования. СПб., 1999. С. 22–25.
- Мартинова М. Ю. Этнический фактор в судьбе Косово // Косово: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев. СПб.: Алетейя, 2013. С. 134–135.
- Соболев А. Н. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Т. I. Homo balcanicus и его пространство. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2013. 264 с.
- Трусов В. П., Филиппов А. С. Этнические стереотипы // Этническая психология: Этнические процессы и образ жизни людей. М.: Университет дружбы народов, 1984. С. 3–21.
- Тирковић С. Стереотип времена у дискурсу расељених лица са Косова и Метохије. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. 223 с.
- Bataković D. Twentieth-Century Kosovo-Metohija: Migrations, Nationalism, and Communism // Journal of North American Society for Serbian Studies. 1999. Vol. 13. № 2. Pp. 1–23.
- Ingimundarson V. The Politics of Memory and the Reconstruction of Albanian National Identity in Postwar Kosovo // History and Memory. 2007. Vol. 19. № 1. Pp. 97–98.
- Hadalin J. Boj za Albanijo: propad jugoslovske širitve na Balkan. Ljubljana: Institute for Contemporary History, 2011. 444 p.
- Kostovicova D. Kosovo: The Politics of Identity and Space. London; New York: Routledge, 2005. 322 p.
- Kushtetuta e Republikës së Kosovës [Электронный ресурс]. URL: www.kryeministri-ks.net/repository/docs/Kushtetuta.e.Republikes.se.Kosoves.pdf (дата обращения: 04.09.2015).
- Lleshi Q. Qytetet e Kosovës. Studim urbanologjik. Pristina: University of Pristina, 1977. 397 p.
- Memorandum, 1986 (The Greater Serbian Ideology) by Serbian Academy of Sciences and Arts [Электронный ресурс]. URL: www.trepca.net/english/2006/serbian_memorandum_1986/serbia_memorandum_1986.html (дата обращения: 04.09.2015).
- Nedeljković S. Problemi primene antropologije: antropološko istraživanje savremene kulture na Kosovu i Metohiji [Problems of Anthropology in Usage: Anthropological Research of Contemporary Culture in Kosovo and Metohija], in: S. Nedeljković (Ed.) Savremena kultura Srba na Kosovu i Metohiji. Kruševac: Baštinik, 2008. Pp. 19–73.
- Regjistrimi popullsisë 2011 [Электронный ресурс]. URL: ask.rks-gov.net/popullsia/tabelat (accessed 04.09.2015).

REFERENCES

- Baiburin A.K. Etnicheskie aspekty izucheniia stereotipnykh form povedeniia i traditsionnaia kul'tura [Ethnic Aspects of Stereotypical Behaviour Forms and Traditional Culture]. *Sovetskaja etnografija — Soviet Ethnography*, 1985, no. 2, pp. 36–46.
- Belova O.V. *Etnokul'turnye stereotipy v slavianskoi narodnoi traditsii* [Ethnocultural Stereotypes in Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 288 p.
- Ivanova Iu.V. Albantsy i slaviane: zakonomerno li protivostoianie? [Albanians and Slavs: Is the Opposition Appropriate?], in *Materialy XXVIII mežvuzovskoj naučno-metodičeskoj konferencii prepodavatelej i aspirantov. Vypusk 21. Balkanskije issledovanija* [Proceedings of the 28th Interuniversity Research and Methodology Conference of Professors and Doctoral Students]. Saint Petersburg, 1999, pp. 22–25.

- Martynova M. Iu. Etnicheski faktor v sud'be Kosovo [Ethnic Factor in Kosovo's Fate], ed. S. Romanenko. *Kosovo: prošloe, nastojaščee, buduščee* [Kosovo: Past, Present, and Future], Saint-Petersburg, Aleteya Publ., 2013, pp. 82–135.
- Sobolev A.N. *Osnovy lingvokul'turnoi antropogeografii Balkanskogo poluostrva. Tom I: Homo balcanicus i ego prostranstvo* [The Fundamentals of Lingua-Cultural Anthropogeography of the Balkan Peninsula, vol. 1: Homo Balcanicus and His Space]. Saint-Petersburg, Nauka Publ.; München, Verlag Otto Sagner, 2013, 264 p.
- Trusov V.P., Filippov A.S. Etnicheskie stereotipy [Ethnic Stereotypes]. *Etnicheskaia psikhologija: Etnicheskie protsessy i obraz zhizni liudei* [Ethnic Psychology: Ethnical Processes and the Human Manner of Living], Moscow, Peoples' Friendship University, 1984, pp. 3–21.
- Ćirković S. *Stereotip vremena u diskursu raseljenih lica sa Kosova i Metohije* [The Stereotype of Time in the Discourse of Displaced Persons from Kosovo and Metohija]. Belgrade, Institute for Balkan Studies SASA, 2012, 223 p.
- Bataković D. Twentieth-Century Kosovo-Metohija: Migrations, Nationalism, and Communism. *Journal of North American Society for Serbian Studies*, 1999, vol. 13, no. 2, pp. 1–23.
- Ingimundarson V. The Politics of Memory and the Reconstruction of Albanian National Identity in Postwar Kosovo, *History and Memory*, 2007, vol. 19, no. 1, pp. 97–98.
- Hadalin J. *Boj za Albanijo: propad jugoslovanske širitve na Balkan* [Struggle for Albania: the Demise of the Yugoslav Expansionist Policy in the Balkans]. Ljubljana, Institute for Contemporary History, 2011, 444 p.
- Kostovicova D. *Kosovo: The Politics of Identity and Space*. London; New York, Routledge, 2005, 322 p.
- Kushtetuta e Republikës së Kosovës [The Constitution of the Republic of Kosovo]. Available at: www.kryeministri-ks.net/repository/docs/Kushtetuta.e.Republikes.se.Kosoves.pdf (accessed 04.09.2015).
- Lleshli Q. *Qytetet e Kosovës. Studim urbanologjik* [The Cities of Kosovo. A Study in Urbanology]. Prishtina, University of Pristina, 1977, 397 p.
- Memorandum 1986 (The Greater Serbian Ideology) by Serbian Academy of Sciences and Arts. Available at: www.trepca.net/english/2006/serbian_memorandum_1986/serbia_memorandum_1986.html (accessed 04.09.2015).
- Nedeljković S. Problemi primene antropologije: antropološko istraživanje savremene kulture na Kosovu i Metohiji [Problems of Applied Anthropology: Anthropological Research of Contemporary Culture in Kosovo and Metohija], ed. S. Nedeljković. *Savremena kultura Srba na Kosovu i Metohiji* [Contemporary Culture of Serbs in Kosovo and Metohija], Kruševac, Baštitnik, 2008, pp. 19–73.
- Registrim i popullsisë 2011* [The Registration of Population 2011]. Available at: ask.rks-gov.net/popullsia/tabelat (accessed 04.09.2015).

Денис Сергеевич Ермолин

Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Denis Ermolin

Candidate of History, junior research associate
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS
denis.ermolin@gmail.com

Е. Л. Жильцова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СЛЕНГОВАЯ ЛЕКСИКА В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ: ПУТИ ПОПОЛНЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Ключевые слова: современный шведский язык, сленг, лексика, заимствования, перенос названия, аффиксация, словосложение.

Шведская сленговая лексика пополняется как за счет заимствований, так и за счет внутренних ресурсов шведского языка.

В сленге много заимствований из европейских языков, главным образом, из английского. Большинство из них слабо фонетически ассимилировано, о чем свидетельствует употребление в них звуков, не характерных для фонетической системы шведского языка.

В сленге распространен метафорический перенос названия, при котором слова литературного языка приобретают новые, переносные значения.

Важнейший источник пополнения сленговой лексики — словообразование. Новые слова в сленге образуются посредством продуктивных в шведском литературном языке словообразовательных суффиксов существительных -age и -ing, суффикса прилагательных -ig и глагольного суффикса -a. Специфичен для сленга только суффикс -is, который часто выступает в комбинации с усечением. Большое количество слов в сленге образуется путем словосложения и сращения. Возникающие при этом композиты являются цельнозначными, т. к. их семантика очень образна и не сводится к сумме значений составляющих их компонентов.

Как показывает анализ, лексика шведского сленга пополняется практически теми же способами, что и лексика литературного языка. Это делает возможным переход достаточно большого количества сленговых слов в разговорный шведский литературный язык, что обогащает его словарный состав и придает ему большее стилистическое разнообразие.

Elena Zhiltsova

Moscow State University, Russia

SLANG IN SWEDISH: WAYS OF EXPANDING AND WORD-FORMATION MODELS

Keywords: Modern Swedish language, slang, words, borrowings, shift of name, affixation, compounding.

Slang in Swedish is expanded through borrowings and internal resources of the language. In slang there are many borrowings from the European languages, primarily English. Most of them are hardly phonetically assimilated, which can be proved by the fact that there are many sounds not typical to Swedish. Slang words are created by metaphorical shift of meaning, that is literal words acquire

new meanings. One of the main ways of expanding slang is word-formation. New words in Swedish are created by productive word-formation suffixes in Swedish: among them are noun suffixes – -are and -ing, adjective suffix -ig and verb suffix -a. The suffix typical only to slang is -is, that is often used with reduction. A vast majority of words in slang are created by compounding and fusion. The compound words have unite meaning since their semantics is based on an image and is not the sum of the component words. The analysis showed that the slang is expanded through the same ways as the literal language. As a result, a comparatively vast quantity of slang words can become the property of the literal language, which expands it and makes it stylistically diverse.

Сленг, т. е. лексика, не соответствующая нормам литературного языка и по большей части дублирующая общенародную [Маслова-Лашанская, 2011. С. 87], получил достаточно широкое распространение в современном шведском языке. При этом исследователи выделяют как сленг, характерный для представителей отдельных социальных и профессиональных групп: спортивный, школьный, военный, уголовный [Bergman, 1934. Ss. 35–37], – так и общий, понятный для большинства носителей шведского языка на территории всей страны [Bergman, 1964. S. 25; Gibson, 1978. Förord], но используемый, главным образом, молодежью и людьми с низким социальным статусом [Kotsinas, 2003a. S. 76]. Одной из основных причин употребления такой лексики вместо имеющих аналогичное значение слов литературного языка является ее очень сильная экспрессивность [Kotsinas, 2003a. S. 77], позволяющая говорящему придать своей речи большую эмоциональную выразительность и особую стилистическую окраску [Смирницкий, 1998. С. 201].

Сленговая лексика очень изменчива. Она постоянно обновляется, поскольку одни слова выходят из употребления, а другие переходят в литературный язык [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. С. 461]. В последнем случае слова, «которые в течение некоторого времени функционировали как сленговые, позднее начинают восприниматься как обычные слова, вполне употребительные в разговорной речи, а иногда даже в некоторых видах письменной речи» [Kotsinas, 2003b. S. 5]. Такие слова включаются в общенародную лексику и описываются нормативными словарями литературного языка, правда, чаще всего с пометкой «разговорное». Этот процесс характерен и для современного шведского литературного языка, в котором есть много лексем, пришедших из сленга в течение второй половины XX в. Это такие ныне общепотребительные слова, как *tjej* «девушка», *godis* «сладости», *larv* «глупости», *kul* «здорово», *mysig* «уютный», *snygg* «симпатичный» и мн. др.

Естественно, что на смену лексическим единицам, по тем или иным причинам выпавшим из сленга, приходят новые слова. Пути пополнения шведской сленговой лексики весьма разнообразны.

Одним из важнейших источников шведского сленга являются ресурсы других языков, т. е. заимствования. Слова заимствуются обычно в том же значении, которое они имеют в языке-источнике, и дублируют лексемы с той же семантикой, имеющиеся в литературном шведском языке. Большинство слов заимствуется в сленг из английского

языка: *bajk* «велик», *lajt* «свет», *fajt* «драка», «матч в боксе», *fejs* «лицо», *plejs* «место» (обычно о кафе, ресторане, клубе). Как видно из примеров, английские заимствования в сленге весьма узнаваемы, т. к. они не подвергаются полной фонетической ассимиляции, сохраняя дифтонги, которые не характерны для фонетической системы современного шведского языка [Beckman, 1968. S. 11].

Помимо английских, в шведском сленге есть заимствования и из других европейских языков, в частности, немецкого, финского и цыганского, хотя и не столь многочисленные. Например, *bir/bira* (нем. *Bier*) «пиво», *lejba* (фин. *leipä*) «хлеб», «батон хлеба», *pröjsa* (цыг. *prejsa*) «платить». В последние десятилетия в сленг стали также проникать заимствования из языков иммигрантов — выходцев из стран Востока. Очень употребительно, например, слово *guss* «девушка», заимствованное из турецкого языка.

Однако, несмотря на обилие заимствований, основным источником шведской сленговой лексики являются все же внутренние ресурсы шведского языка, т. е. слова шведского литературного языка, которые либо получают в сленге другое значение, либо служат материалом для образования новых слов.

Перенос названия является важнейшим средством приобретения словами литературного языка новых лексико-семантических вариантов, характерных только для сленга. При этом в основе номинации практически всегда лежит метафора [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. С. 461]. В шведском сленге переносное значение могут приобретать слова, относящиеся к разным частям речи.

1. Существительные: *boll* «мяч», сленг. «башка, котелок» в выражении *Han är tom i bollen* «У него пусто в башке»; *pump* «насос», сленг. «сердце»; *krut* «порох», сленг. «энергия, сила»; *lur* «рожок, трубка», сленг. «мобильный телефон».

Интересно, что в 1990-е гг. в сленге было другое слово для обозначения мобильного телефона — *nalle*, имеющее в литературном языке значение «плюшевый мишка, мягкая игрушка». Вероятно, такая ассоциация возникла потому, что только что начавшие получать распространение мобильные телефоны воспринимались многими как своего рода игрушка, вещь, с которой взрослый человек чувствует себя таким же защищённым, как ребенок со своим плюшевым мишкой. Но слово *nalle* в этом значении продержалось чуть более 10 лет. Сейчас о мобильных телефонах так больше не говорят, и это пример того, как сленговое слово, которое быстро распространяется и становится модным, так же быстро выходит из употребления.

2. Прилагательные: *vass* «острый» в сленге имеет исключительно положительную коннотацию и значение «классный», может употребляться с существительными, обозначающими как лицо, так и предмет; *klibbig* «липкий», в сленге «прилипчивый», употребляется о пьяном человеке, который ко всем пристаёт, лезет целоваться и пр., «липнет».

3. Глаголы: *tanka* «заправиться, заправить машину», сленг. «напиться» (выпить слишком много спиртного); *halstra* «жарить на открытом огне, на рашпере, гриле», сленг. «допрашивать в полиции».

4. Наречия. Для них перенос названия характерен в меньшей степени, однако отдельные примеры также встречаются. Так, наречие *bakom* «сзади, позади», употребляющееся в сленге всегда в предикативной функции, имеет значение «глупый, тупой, наивный, отсталый»: *Han är helt bakom* «Он совсем тупой».

Слова литературного языка могут получать в сленге несколько значений. В этом случае речь идет о многозначности слова, или полисемии [Маслова-Лашанская, 2011. С. 50], которая широко распространена в шведском литературном языке, но достаточно часто встречается и в сленге. Так, существительное *kärra* «тележка, тачка» в сленге имеет значения «машина», «корабль», «грузовик», «паровоз», «мотоцикл», т. е. может обозначать практически любое транспортное средство. Конкретное значение слова реализуется в контексте или в конситуации.

Нередко полисемантическое слово может употребляться как в общем сленге, так и в сленге какой-либо социальной или профессиональной группы, имея при этом разные значения. Так, существительное *blåsaré* «музыкант, играющий на духовых инструментах», образованное с помощью суффикса деятеля *-aré* от глагола *blåsa* «дуть, свистеть», разг. «обмануть, надуть», в общем сленге имеет значение «обманщик, мошенник», а в спортивном — «судья» (т. е. человек, который свистит на поле). Глагол *klippa* «стричь» в общем сленге реализует лексикосемантический вариант «обманывать», в спортивном — «побеждать», в сленге преступников — «совершать кражу со взломом, вламываться».

Метафорическое переосмысление значения слова — не единственный способ пополнения словарного состава сленга, базирующийся на лексических ресурсах шведского языка. Многие сленговые слова образуются от основ слов шведского литературного языка по разным словообразовательным моделям.

Очень распространенным способом словообразования в сленге является аффиксация. При этом для образования сленговых слов часто используются словообразовательные аффиксы, являющиеся продуктивными в литературном языке.

Так, с помощью суффикса *-aré*, в сленге, как и в литературном языке, от глагольных основ образуются имена деятеля: *broderare* от глагола *brodera* «вышивать» — «техничный игрок» в спортивном сленге, от глагола *klippa* в сленговом значении «обманывать» — существительное *klippare* «удачливый делец» (не брезгующий обманом и мошенничеством). Отдельные сленговые слова с суффиксом *-aré* не являются *nomina agentis*, а имеют предметное значение. Например, от глагола *värma* «греть, согревать» в сленге образуется существительное *värmaré* «выпивка».

Посредством продуктивного суффикса *-ing* от основ прилагательных и глаголов образуются существительные, которые могут обозначать как лицо, так и предмет. Если существительное образуется от

прилагательного, то оно обычно обозначает лицо, обладающее качеством, которое выражено этим прилагательным. Например, от прилагательного *god* «хороший, вкусный» в сленге образуется существительное *goding* «хорошенькая девушка». Когда существительное образуется от глагольной основы, оно обозначает обычно деятеля или результат действия, выраженного глаголом. Так, от имеющегося в литературном языке глагола *lura* «обмануть, провести» образуется существительное *luring*, которое имеет два значения: «обманщик, хитрец» в общем сленге и «хитрый тактический прием» в спортивном сленге.

Наиболее продуктивным суффиксом прилагательных, как в литературном языке, так и в сленге, является суффикс *-ig*, посредством которого от субстантивных основ образуются качественные прилагательные, обозначающие свойство [Malmgren, 1994. S. 60]: например, *pepprig* «бойкий, живой, весёлый» от существительного *peppar* «перец». Напротив, суффикс *-(i)sk*, достаточно продуктивный в литературном языке, где посредством него образуются относительные прилагательные, в сленге встречается крайне редко. Это связано с тем, что прилагательные с этим суффиксом обозначают принадлежность к тому или иному классу предметов или явлений: *svensk mat* «шведская еда», *juridiskt begrepp* «юридическое понятие» [Malmgren, 1994. S. 60] и, как правило, не имеют экспрессивной окраски, которая характерна для большинства прилагательных в сленге, не обладающих обычно классифицирующим значением.

Глаголы в сленге образуются от основ существительных, входящих в словарный состав литературного шведского языка, с помощью ставшего в последние десятилетия продуктивным суффикса *-a*: *måla* «забивать гол» от *mål* «гол», *slanta* «платить» от *slant* «монета, сумма денег», *orma* «красться» от *orm* «змея», *parta* «платить поровну» (в кафе, ресторане и т. п.) от *part* «часть, доля». Имеются также редкие случаи образования глаголов с суффиксом *-a* от прилагательных. Так, от прилагательного *vänster* «левый» образуется глагол *vänstra*, являющийся полисемантическим и имеющий в сленге два лексико-семантических варианта: «подрабатывать» (помимо основной работы) и «изменять, ходить налево». Оба значения характерны для общего сленга и каждое из них реализуется в контексте.

Единственным суффиксом, который используется практически исключительно для образования слов в сленге, является суффикс *-is*. С его помощью образуются существительные от основ как прилагательных, так и глаголов и существительных. От глагола *plåga* «мучить» образовано существительное *plågis* «зубной врач», от прилагательного *skum* «темный, сомнительный» — существительное *skummis* «подозрительный тип», от существительного *land* в значении «сельская местность» — существительное *lantis* «деревенщина».

Однако чаще всего аффиксация посредством суффикса *-is* совмещается с другим способом словообразования — усечением. В этом случае новые слова могут образовываться от усеченных основ прилагательных и одноосновных существительных, причем сленговое слово

всегда сохраняет значение исходного: *alkis* от *alkoholist* «алкоголик, алкаш», *hemlis* от *hemlighet* «секрет», *poppis* от *populär* «популярный», *brådis* от *brådskanie* «спешный, срочный». В ряде случаев суффикс *-is* присоединяется к усеченным основам имен собственных: *Mallis* от *Mallorca* «Майорка».

Но чаще всего суффикс *-is* присоединяется к усеченным основам сложных существительных, в том числе имен собственных. В этом случае усечению подвергается вторая часть сложного существительного, а суффикс *-is* присоединяется к первой его части: *skådis* от *skådespelare* «актёр», *stammis* от *stamkund* «завсегдатай», *bakis* от *baksmälla* «похмелье», *pankis* от *pannkaka* «блин», *knytis* от *knytkalas* «вечеринка в складчину», *gräsis* от *gräsänka* или *gräsänkling* «соломенная вдова, соломенный вдовец», *Långis* от *Långholmen* название района в Стокгольме.

Очень интересно совсем недавно появившееся в сленге слово *bloppis*. Оно является стяженной формой существительного *bloggloppis*. *Loppis*, в свою очередь, образовано от усеченной основы существительного *loppmarknad* «блошинный рынок». Таким образом, *bloppis* — это способ продажи пользователями интернета через свои блоги различных вещей, главным образом, ношенной одежды секонд хэнд.

Существуют также случаи, когда сокращению подвергается словосочетание и сленговое слово образуется от основы первого слова в нем: *bästis* от *bästa vän* «лучший друг», *Teknis* от *Tekniska högskolan* «Технический университет» (в Стокгольме). Как видно из приведенных примеров, существительные, образованные от усеченных основ посредством суффикса *-is*, имеют широкую семантику и могут обозначать лицо, предмет или явление.

Как уже было сказано выше, сленговые слова, образованные с помощью суффикса *-is* от усеченных основ, сохраняют понятийное значение исходного слова, но приобретают совершенно иную стилистическую окраску. Если исходное слово является стилистически нейтральным, то слово с суффиксом становится стилистически сниженным и эмоционально окрашенным. По словам К. Грюнбаум, суффикс *-is* «используется, чтобы придать словам разговорную форму» [Grünbaum, 2009. S. 24], а У.-Б. Котсинас считает, что основная функция суффикса *-is* в этом случае — «придать обычному слову черты сленгового» [Kotsinas, 2003b. S. 9].

Целый ряд слов с суффиксом *-is* перешли в литературный шведский язык в его разговорном варианте. В качестве примеров можно назвать *dagis* от *daghem* «детский сад», *kondis* от *konditori* «кондитерская», *godis* «сладости» от прилагательного *god* «хороший, вкусный» и некоторые другие. Одно из слов на *-is* стало даже искусствоведческим термином: *funkis* от *funktionalism* «функционализм» [Grünbaum, 2009. Ss. 24–25]. Если этот процесс пойдет дальше, то, возможно, в шведском языке появится суффикс, который сможет использоваться «для сокращения слов, имеющих несколько официальный оттенок, чтобы

сделать их пригодными для повседневного употребления, не создавая при этом впечатления небрежности или неуважительности, которые свойственны сленговой лексике» [Kotsinas, 2003b. S. 9].

Усечение может выступать и как самостоятельный способ словообразования в сленге. Усечению подвергаются как сложные слова, чаще существительные, например, *bilmek* от *bilmekaniker* «автомеханик», так и одноосновные, существительные, прилагательные и глаголы: *cigg* от *cigarett* «сигарета», *maje* от *magister* «учитель», *pess* от *pessimistisk* «пессимистичный», *diska* от *diskutera* «обсуждать», *noncha* от *nonchalera* «пренебрегать, игнорировать».

Все сокращенные слова в сленге, как с суффиксом *-is*, так и без него, имеют то же понятийное значение, что и исходное слово. Различия между полной и усеченной формой слова носят исключительно стилистический характер.

Очень распространенным способом словообразования и в шведском литературном языке, и в сленге является словосложение. С его помощью в сленге образуются сложные существительные, прилагательные и глаголы, компонентами которых чаще всего являются основы слов литературного языка.

1. Существительные: *väglus* «медленно едущий водитель», букв. «дорожная вошь»; *småpotatis* «ерунда, мелочи», букв. «мелкая картошка»; *giftpinne* «сигарета», букв. «ядовитая палочка»; *ålskinn* «очень узкое, облегающее платье», букв. «кожа угря».
2. Прилагательные: *vänstervriden* «сумасшедший, сдвинутый», букв. «повернутый влево».
3. Глаголы: *rödmåla* «совершить поджог с целью убийства», букв. «покрасить в красный цвет».

Встречаются также случаи, когда один из компонентов композита взят из литературного языка, а другой — из сленга: *kaninkäk* «салат, зелень, овощи», букв. «еда для кроликов» (*käk* в сленге — «еда»).

Как видно из приведенных примеров, практически все композиты в сленге, в отличие от сложных слов литературного языка, отображают предметы и явления действительности очень образно, и их семантика абсолютно не совпадает с суммой буквальных значений их компонентов. Поэтому они относятся к группе цельнозначных [Маслова-Лашанская, 2011. С. 172], или лексикализованных [Malmgren, 1994. S. 24] сложных слов, значение которых не сводится к сумме значений их компонентов и потому не является «прозрачным». Если мы, к примеру, возьмем сложное слово *kaninbur*, то оно, употребляясь в литературном языке, имеет прямое значение «клетка для кролика» и является нелексикализованным, поскольку его семантика вытекает из значения образующих его частей: *bur* «клетка» и *kanin* «кролик». В сленге же данное слово имеет совершенно другое, переносное значение — «тюремная камера». Таким образом, содержание композита в сленге всегда воспринимается как целостное, а не как вытекающее из семантики отдельных его компонентов.

Помимо аффиксации и словосложения, в шведском сленге имеется еще один, достаточно продуктивный способ словообразования, сочетающий в себе черты обоих выше названных типов. Это сращение, при котором слово образуется путем слияния двух основ и присоединения ко второй из них суффикса [Malmgren, 1994. S. 44]. Таким способом образуются чаще всего существительные с суффиксом деятеля *-are*, в которых первая основа является субстантивной, а вторая — глагольной.

В качестве примера сращения можно привести существительное *milslukare* — букв. «пожиратель миль», образованное посредством слияния основ существительного *mil* «миля» и глагола *sluka* «проглатывать, пожирать» и присоединения к ним суффикса *-are*. Это существительное имеет два значения: «быстрое транспортное средство» в общем сленге и «марафонец» в спортивном. Отличие сращения от обычного словосложения состоит в том, что при словосложении второй компонент может функционировать как самостоятельное слово, тогда как в сращениях это невозможно. Например, в сложном слове *kanonsotare* «артиллерист», букв. «чистильщик пушки» второй компонент *sotare* употребляется в литературном шведском языке как отдельное слово в значении «трубочист», тогда как существительного *slukare* в шведском языке не существует.

Проанализированный материал показывает, что шведский сленг обогащает свой словарный состав с помощью тех же средств, что и литературный язык: заимствований, переноса названия, словообразования. Таким образом, по своему происхождению и структуре многие сленговые слова достаточно близки словам литературного языка, и границы между ними часто могут быть нечеткими. Во многом поэтому носители шведского языка начинают воспринимать целый ряд сленговых слов как совершенно «нормальные», что создает возможность их вхождения в литературный язык. Этот процесс способствует «обогащению и стилистическому варьированию» языка и тем самым его «обновлению и жизнеспособности» [Kotsinas, 2003b. S. 10]. Сленг во многих отношениях положительно воздействует на литературный язык, внося разнообразие в его словарный состав и обогащая его, делая тем самым шведский язык более образным и живым.

ЛИТЕРАТУРА

- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Либроком, 2014. 382 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
- Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. СПб.: Фил. фак-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2011. 232 с.
- Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Фил. фак-т Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1998. 260 с.
- Beckman N. Svensk språklära för den högre elementarundervisningen. Stockholm: Svenska Bokförlaget Bonnier, 1968. 318 s.
- Bergman G. Skolpojkslang. Stockholm: Svenska bokförlaget, 1934. 112 s.

- Bergman G. *Slang och hemliga språk*. Stockholm: Prisma, 1964. 125 s.
- Gibson H. *Svensk slangordbok*. Stockholm: Esselte Studium, 1978. 243 s.
- Grünbaum K. Ändelsen som förnyar vardagsspråket // *Språktidningen*. Stockholm. 2009. № 2. Ss. 24–25.
- Kotsinas U.-B. *Norstedts svenska slangordbok*. Stockholm: Norstedts Ordbok, 1998. 367 s.
- Kotsinas U.-B. *En bok om slang typ*. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2003a. 310 s.
- Kotsinas U.-B. *Språkets uppkomlingar // Språkvård*. Stockholm. 2003b. № 3. Ss. 4–10.
- Malmgren S.-G. *Svensk lexikologi*. Lund: Studentlitteratur, 1994. 150 s.
- Norstedts ryska ordbok. *Rysk-svensk, svensk-rysk*. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2006. 928 s.
- Slangordlista. Stockholm: Invandrartidningen, 1990. 31 s.
- Svensk ordbok. Stockholm: Norstedts Ordbok, 1999. 1492 s.
- Thoren B. *Bonniers Slanglexikon*. Stockholm: Bokförlaget Bonnier Alba, 1996. 349 s.

REFERENCES

- Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike angliiskogo iazyka* [Essays in English Stylistics]. Moscow, Librokom Publ., 2014, 382 p.
- Lingvisticskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopaedia]. Moscow, Sovetskaja entsiklopediia, 1990, 683 p.
- Maslova-Lashanskaia S.S. *Leksikologija shvedskogo iazyka* [Swedish Lexicology]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterb. gos. un-ta [Faculty of Philology, Saint Petersburg State University], 2011, 232 p.
- Smirnitskii A.I. *Leksikologija angliiskogo iazyka* [English Lexicology]. Moscow, Filologicheskii fakul'tet Mosk. gos. un-ta imeni M. V. Lomonosova [Faculty of Philology, Moscow State University], 1998, 260 p.
- Beckman N. *Svensk språklära för den högre elementarundervisningen* [Swedish linguistics for the higher elementary teaching]. Stockholm, Svenska Bokförlaget Bonniers, 1968, 318 p.
- Bergman G. *Skolpojkslang* [Schoolboys slang]. Stockholm, Svenska bokförlaget, 1934, 112 p.
- Bergman G. *Slang och hemliga språk* [Slang and secret languages]. Stockholm, Prisma, 1964, 125 p.
- Gibson H. *Svensk slangordbok* [Swedish Slang Dictionary]. Stockholm, Esselte Studium, 1978, 243 p.
- Grünbaum, K. Ändelsen som förnyar vardagsspråket [The ending that renovates everyday language]. *Språktidningen — Language Newspaper*. Stockholm, 2009, no. 2, pp. 24–25.
- Kotsinas, U.-B. *Norstedts svenska slangordbok* [Norstedts Swedish Slang Dictionary]. Stockholm, Norstedts Ordbok, 1998, 367 p.
- Kotsinas U.-B. *En bok om slang typ* [A book about slang type]. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag, 2003, 310 p.
- Kotsinas U.-B. *Språkets uppkomlingar* [Language's upstarts]. *Språkvård — Speech Culture*, Stockholm, 2003, no. 3, pp. 4–10.
- Malmgren S.-G. *Svensk lexikologi* [Swedish Lexicology]. Lund, Studentlitteratur, 1994, 150 p.
- Norstedts ryska ordbok. Rysk-svensk, svensk-rysk* [Norstedts Russian Dictionary. Russian-Swedish, Swedish-Russian]. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag, 200, 928 p.

Slangordlista [Slang Glossary]. Stockholm, Invandrartidningen, 1990, 31 p.
Svensk ordbok [Swedish Dictionary]. Stockholm, Norstedts Ordbok, 1999, 1492 p.
Thoren B. *Bonniers Slanglexikon* [Bonniers Slang Dictionary]. Stockholm, Bokförlaget
Bonnier Alba, 1996, 349 p.

Елена Леонидовна Жильцова

Кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Elena Zhiltsova

Candidate of Philology, Associate Professor

Moscow State University, Russia

el-zhilc@yandex.ru

Н. Л. Зелянская

Пермский государственный национальный исследовательский университет

КОГНИТИВНОЕ ГЕОКАРТИРОВАНИЕ: ОБРАЗ РОССИИ КАК СИСТЕМА ГЕОКОНЦЕПТОВ¹

Ключевые слова: геоконцепт, наивная картина мира, наивная картография, когнитивное геокартирование, графосемантическое моделирование, Семограф, лингвосемиотика.

Исследование посвящено реконструкции образа России как системы геоконцептов, функционирующей в обыденном сознании россиян. В качестве материала выступают «наивные» карты России, созданные информантами нескольких российских регионов (более 400 карт). Предметом исследования становятся результаты непрофессиональной рефлексии обыденного сознания о пространстве. Отсутствие профессионального взгляда на проблему позволяет реконструировать наиболее типичные стратегии экстерииоризации пространственных представлений, системы кодов, с помощью которых происходит экстерииоризация, факторы, влияющие на этот процесс. Сбор материала осуществлялся в процессе эксперимента «когнитивное геокартирование». Центральным конструктом работы является междисциплинарное понятие геоконцепта, синтезирующее образ географического объекта, его имя и его пространственность.

Была проанализирована система геоконцептов, репрезентирующих представления о географических объектах (городах, странах и т. п.), на основании частоты упоминания в каждом из регионов, частоты совместной встречаемости на картах полученных выборок (обработка данных проводилась в ИС «Семограф»). Полученные региональные структуры являются источником информации об идентичностях людей, проживающих на той или иной территории, об их представлениях об облике страны в целом и об отношении разного рода региональных групп к другим территориальным группам и общностям.

Natalia Zelianskaia

Perm State University

COGNITIVE GEO-MAPPING: THE IMAGE OF RUSSIA AS A SYSTEM OF GEO-CONCEPTS

Keywords: geo-concept, naïve world view, naïve mapping, cognitive geo-mapping, graph-semantic modeling, Semograph, linguistic semiotics.

The paper reconstructs the image of Russia as a system of geo-concepts, which is functioning in Russian mind. Based on the "naïve" maps of Russia drawn by informants from several Russian regions (total of 400 maps), the article focuses on non-professional reflection of ordinary minds about the space. If non-professionally discussed, we can reconstruct the most typical strategies

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 14-06-00301.

of exteriorisation of space images, code systems and factors that predetermine exteriorisation. The material was collected during an experiment "cognitive geo-mapping". The core idea is an interdisciplinary idea of geo-concept that synthesises an image of a geographical object, its name and spaceness. It analyses geo-concepts as a system, that represent images of the geographical objects (cities, towns, countries etc.) as based on how often it was mentioned in each region and how often it was represented with other names on the maps. With such regional structures we can know about people identity inhabiting in this or that region, their images about the country in general and attitude of regional groups towards other territorial groups and communities.

Пространство как составляющая человеческого мира является одной из самых семантизированных бытийственных категорий. Рефлексия о реалиях пространства одновременно становится процессом приписывания им смыслов, напрямую не выводящихся из факта существования того или иного локуса [Гирц, 2004; Замятин, 2003]. Любое описание пространства обязательно сопровождается превращением пространственных реалий в знак, что предполагает приращение смысла, актуального для означивающего сознания, потому одновременно характеризующего и воссоздаваемый пространственный дискурс, и порождающее его сознание.

Способы осмысления пространства человеком являются предметом изучения целого спектра наук, как гуманитарного, так и естественнонаучного направлений. В центре внимания ученых оказываются ментальные репрезентации пространства и экстериоризация их во внешней среде с помощью доступных субъекту семиотических систем, в частности, языковых знаков, схем, графиков, формул, рисунков, карт и др.

Предметом нашего исследования становятся результаты непрофессиональной рефлексии обыденного сознания о пространстве, т. е. отсутствие профессионального взгляда на проблему позволяет реконструировать наиболее типичные стратегии экстериоризации пространственных представлений, системы кодов, с помощью которых происходит экстериоризация, факторы, влияющие на этот процесс. В центре нашего внимания оказывается воссозданное массовым сознанием пространство России в соотношении его с непосредственно граничащими государствами-соседами.

Целью исследования является реконструкция образа России в целом как системы геоконцептов, функционирующего в обыденном сознании россиян.

Проблема «образа России» концентрирует внимание на одной из современных цивилизационных геополитических общностей с помощью анализа текстовых (в семиотическом понимании этого термина) проекций индивидуального или коллективного сознания.

Ментальная природа «образа» позволяет рассматривать его как концепт или как систему концептов, входящих, с одной стороны, в ментальное пространство субъекта, а с другой, — в концептосферу социума и его отдельных страт. Поэтому проблематика «образа России» объединяет интересы и методы политической лингвистики, теории дискурса, медиа-лингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики.

В частности, в последнее десятилетие с разных сторон реконструировался концепт «Россия» как составляющая российской медиа-среды [Кашина, Дмитрикова, 2009; Нахимова, 2009], как часть политического, социального, культурно-исторического дискурсов [Линкова, 2010; Ощепкова, 2008; Ярулин, 2005], как «участник» диалога разных культур [Жданов, 2009; Калашникова, 2009; Красильникова, 2007; Куданкина, 2006; Литвинова, 2009] и др. Отдельное внимание уделялось методологическому аспекту воссоздания образа России [Тарасов, 2006]. Исследования в данной сфере проводились на разнообразном материале (метафоры, результаты ассоциативных экспериментов, социокультурные стереотипы в российской и зарубежной прессе, историко-литературные произведения и др.) [Будаев, 2006; Тарасов, 2006; Телегина и др., 2008; Чудинов, 2005; и мн. др.].

В то же время недостаточно внимания было уделено «пространственности» образа России, для понимания которой перспективным является обращение к понятию **геоконцепта**, используемому в гуманитарной географии [Замятин, 2003; Калуцков, 2012].

Геоконцепт синтезирует сам образ, его имя и его пространственность (территориальность), что важно для изучения образов объектов с конституирующим их пространственным модусом.

Образ территории, функционирующий в сознании социума «слагывается» из разных источников. И одним из наиболее важных его составляющих являются те смыслы и образы, которые создаются в процессе непрофессиональной рефлексии обыденного сознания. Поэтому, на наш взгляд, представляет интерес изучение геоконцептов в контексте наивной (непрофессиональной) картины мира.

Оптимальным способом сбора материала для подобного исследования является эксперимент, ориентирующий испытуемых на визуализацию собственных пространственных представлений, ведь «элементарной пространственной моделью мира является обычный рисунок — картинка, отображающая, что, как и каким мы видим вокруг себя. Именно картинка дает нам простейший пример „непригодности“ естественного языка для точного воспроизведения окружающей человека среды» [Рахилина, 1999. С. 18].

Нами были взяты за основу эксперименты, проводимые в рамках изучения наивной географии и реконструкции наивных географических ментальных карт, называемых «*sketch map*» [Saarinen, MacCabe, 1990], см. также [Didelon, 2011], которые посвящены графическому воспроизведению геопространственных представлений информантов. Но мы расширили предмет исследования до образа страны в контексте ее мировой дислокации (стран-соседей) и вписали эксперимент в мультимодальный дискурс.

Эксперимент, который мы называли **«когнитивным геокартированием»** осуществлялся следующим образом.

Группе респондентов выдавался лист формата А3 и предлагалось задание:

- 1) на основании собственных знаний и представлений нарисовать карту России, на которой:
  - отметить наиболее важные географические объекты России (под географическими объектами понимаются любые объекты, наносимые на географические карты);
  - отметить страны, с которыми граничит Россия;
- 2) возле всех нанесенных информантом на карту географических объектов записать ассоциации/представления, связанные с данными объектами.

В силу того, что задание является объективно трудоемким, респонденты знакомились с ним до начала эксперимента, после чего давали согласие на участие. По этой причине во время проведения эксперимента испытуемые не отказывались от выполнения задания.

Сложность задания, отсутствие специальных автоматизированных средств проведения эксперимента (для создания рисунков), с одной стороны, и необходимость тиражирования эксперимента в регионах России с целью разнообразия материала, с другой, обусловили процесс отбора респондентов: автор работы обращался за помощью к знакомым, коллегам, родственникам, студентам. Таким образом, материал исследования представляет собой сплошную выборку из случайным образом подобранных доступных реакций респондентов. Время эксперимента не ограничивалось, однако на практике выполнение задания занимало от 30 минут до 1,5 часов и завершалось, когда информант сам считал нужным остановить процесс. Подобный подход, по нашему мнению, способствует тому, что на «карте» оказываются изображены наиболее значимые для ценностной системы респондента локусы, остальные «забываются», «исключаются», не наносятся на карту из-за сугубо субъективных факторов («надоело», «уже и так много» и пр.) — т. е. соответствующие геоконцепты находятся на периферии сознания испытуемого либо отсутствуют совсем.

В настоящее время получено 434 карты от респондентов из Алтайского края (92, в том числе из Барнаула 17, из Бийска 75), Оренбурга (154), Перми (80), Уфы (59), Москвы (31) и Санкт-Петербурга (18).

Социально-демографические характеристики респондентов разнообразны, но неоднородны. База данных включает в себя 77,4% «наивных» карт, созданных женщинами, и 22,6% — мужчинами; возрастной диапазон участников составляет от 17 до 62 лет (17–24 — 82,7%; 25–49 — 15,4%; 50 и более — 1,9%).

В силу большей доступности среди опрошенных, в основном, оказались студенты очной и заочной форм обучения. Представителями гуманитарных специальностей из них являются 52,9% всех испытуемых; естественно-научных специальностей — 22,4%; социальных специальностей — 9,2%; технических специальностей — 0,8%. Остальные респонденты принадлежат к сферам культуры, науки, здравоохранения, образования (16,4%) и к бизнесу, служащим, рабочим — 10,7%.

Однако для исследования, отраженного в данной статье, социально-демографические характеристики не были значимым фактором, т. к. мы в данном случае не изучали зависимость особенностей гео-сознания от пола, возраста, образования, профессии и т. п.

Были рассмотрены ВСЕ имеющиеся карты и на основании данного материала предпринята попытка описания обобщенного образа России и способов репрезентации геоконцептов в виде мультимодального текста — «наивных» карт.

Географическое разнообразие наивных карт позволяет реконструировать **региональные проекции геоконцепта Россия**.

Наивные карты представляют собой **визуализацию ментальных репрезентаций геопространства**, в некоторой своей целостности образующих географическую ментальную карту.

Рис. 1. Пример полученной в процессе эксперимента карты
(данные о респонденте: студент, специальность «Психология», женский пол, 20 лет, Алтайский край, Бийск)

Проекция геоментальной карты на физическую плоскость в виде наивной карты позволяет выявить соответствия между феноменом ценности отдельных географических объектов и семиотическими средствами/механизмами ее выражения. Поэтому реконструкция геоконцепта осуществляется с опорой на анализ мультимодальных сообщений (наивных карт) и интеграцию семантических компонентов, пере-

даваемых посредством вербальных и графических знаковых систем, в единое семантическое образование.

Полученные в результате исследования наивные карты созданы с помощью графической и вербальной знаковых систем. Графический код на геоментальных картах передается географическими объектами и их атрибутами: размером и протяженностью объектов; расположением в пространстве относительно друг друга и некоторыми другими.

В целом, анализ материала позволяет представить следующую модель описания объектов:

1. графические типы объектов:

- точки (например, города);
- линии (границы, реки и др.);
- поверхности — замкнутые линии (страны, регионы, моря и др.);
- пиктографические объекты (например, представление тайги в виде нескольких схематично нарисованных хвойных деревьев);

2. графические характеристики:

- размеры объектов (длина, площадь);
- фактура объектов, в частности: тип линии (прямая/кривая; сплошная/прерывистая; тонкая/толстая; замкнутая/разомкнутая);
- расположение объектов в пространстве (как безотносительно к другим объектам, так и относительно других объектов);
- наличие/отсутствие объектов (например, отсутствие государственных границ, отделяющих друг от друга соседние государства);
- заполненность карты объектами (выражается в том числе и в количественных показателях) и др.

Вербальный код представлен в виде: топонимов разного типа; присутствия либо отсутствия текстового материала, сопровождающего описание нарисованных объектов; непосредственно самого текстового материала на естественном языке, сопровождающего графические объекты.

Вербальный компонент, в том случае, когда он присутствует на рисунках, усиливает семантику графических знаков.

Сочетание кодов может использоваться как для создания целостного географического объекта, так и для связности нескольких объектов в относительно устойчивые конструкты. Некоторые из нанесенных на карты объектов образуют относительно устойчивые конструкты (т. е. воспроизводятся совместно). Особенно часто устойчивыми оказываются различные пиктографические объекты, передающие национально-культурный код (например, многочисленные изображения медведей на карте России, в том числе, медведь с медом, медведь с балалайкой и др.).

Особенности ментального геопространства у информантов, в первую очередь, обусловлены изучением географии в школе. Но значи-

мость школьного образования не следует как недооценивать, так и переоценивать. Школьные знания составляют исходную базу географических представлений, вставшую в один ряд со стереотипами, транслируемыми медиа-средой, литературой и культурой, в целом («Россия — самая большая страна»; «Байкал — самое глубокое озеро» и т. д.), и затем воспроизводятся в картах самыми разными группами информантов. Об этом свидетельствует тенденция смены запечатленных на картах геоконцептов в зависимости от центральных тем, обсуждаемых в СМИ: на картах, нарисованных в 2008–2009 гг., часто появлялась тема конфликта с Грузией, на картах 2014 г. доминирует тема Крыма. Подчеркнем, что временная отдаленность или приближенность к периоду школьного обучения при этом не являются значимой переменной. С другой стороны, фактор большого жизненного опыта, который несомненно имеется у старших возрастных групп, также не играет заметной роли. Эмпирический материал показывает, что варьирование по возрастному параметру (18–20 лет; 30–40 лет; 50–60 лет) обнаруживает отсутствие различий между ментальными репрезентациями геопространства этих возрастных групп.

Первым значимым признаком графического уровня анализируемого материала является **количество объектов** на картах.

В среднем информант заносит на карту 23,95 объектов, а максимум реакций (мода) приходится на выделение 18 географических объектов. При этом респонденты из разных регионов показывают сходные результаты: бийчане, оренбуржцы и пермяки выделяют в среднем по 22–24 объекта. Также нет заметных различий в количестве объектов, наносимых на карты при варьировании возрастных и гендерных характеристик.

Относительно небольшое количество отмечаемых на картах объектов свидетельствует не столько о невысоком уровне географических знаний, продемонстрированном респондентами, сколько об избирательности рефлексирующего о пространстве сознания и подчеркнутой индивидуально-ценностной ориентации геоментального пространства. Испытуемые, в силу необходимости согласовывать две знаковые системы в процессе своей деятельности, были поставлены в условия, в которых структура создаваемого изображения обуславливалась не желанием продемонстрировать максимум знаний, а интенцией наиболее адекватного воплощения своего представления о мире.

Важный для интерпретации параметр графического уровня полученных когнитивных карт — *типы* выделенных респондентами *географических объектов*.

Полученные данные свидетельствуют о доминировании социальных геообъектов над природными.

В то же время социальные объекты не отличаются разнообразием: на «город» и «страну» приходится 14 объектов из 16, наносимых на карту. Чаше других встречаются следующие города: Москва (около 1,0) — встречается почти на всех картах (здесь и далее показатель частоты указан в долях от общего количества проанализированных карт),

Санкт-Петербург (0,73), Владивосток (0,37), Сочи (0,28), Екатеринбург (0,27), Калининград (0,23). На усредненной карте респондент выделяет шесть стран-соседей, наиболее частотные из которых (в порядке убывания частоты): Казахстан, Китай, Украина, Монголия, Япония и Белоруссия.

Из природных объектов наиболее частотны (приводим данные по усредненным картам):

- реки (1,64): Волга (0,24), Урал (0,19), Обь (0,18), Лена (0,15), Енисей (0,13), Амур (0,12), Ангара (0,05) и др.;
- моря (1,03): Черное море (0,43), реке Балтийское (0,08), Баренцево (0,06), Охотское (0,06), Азовское (0,05), Белое (0,05), Японское (0,04) и др.;
- горы / горные цепи (0,65), в основном, представлены Уральскими горами (0,45), которые встречаются на каждой второй карте и др.;
- озера (0,64): оз. Байкал (0,41), Каспийское море (0,14) и др.;
- океан (0,41): Северный Ледовитый океан (0,25), Тихий океан (0,10) и др.;
- полуострова (0,5): Камчатка (0,26), Аляска (0,06), Чукотский полуостров (0,05), п-ов Таймыр (0,05), Кольский п-ов (0,03), п-ов Ямал (0,02), п-ов Крым (0,01) и др.;
- острова/архипелаги (0,43): Сахалин (0,20), Курильские острова (0,10), Новая Земля (0,05) и др.

Большее разнообразие природных объектов и количественное доминирование социальных — примета, характеризующая типичное пространственное миропонимание современного человека. Природные топонимы очень слабо вовлечены в жизненное пространство представителя современной цивилизации, их разнообразие относительно — оно заметно только в сопоставлении с практически абсолютной недифференцированностью социального пространства.

Девяносто шесть процентов карт содержит город информанта (т. е. очевидна саморепрезентация с помощью пространства). Кроме того, Я-город «стремится» к центру карты, нарушая существующие географические пропорции, что, вероятно, обусловлено архетипическим стремлением располагать «свое» пространство в космогоническом центре, обладающем максимальной конструктивной силой. Регион проживания на графическом уровне часто отделяется границами от остального пространства России.

Одним из наиболее значимых механизмов региональности восприятия пространства является гиперболизация размеров (т. е. значимости) своего региона. Тот же принцип действует и в отношении регионов и стран, находящихся в непосредственной близости к региону проживания информанта. Например, в г. Оренбурге информанты изображали Казахстан по размерам превышающим Китай, а в Алтайском крае, граничащем и с Казахстаном, и с Китаем, географические пропорции в большей степени соответствуют действительности.

Ценность географических объектов для «Я» находится в прямой зависимости от расстояния до него — исключение составляют объекты, конституирующие общенациональную идентичность. Градиентность ценности проявляется 1) в уменьшении частоты упоминания удаленных геообъектов; 2) в возрастании степени искажения реального географического пространства.

Географические объекты, значимые на уровне общенационального контекста, связаны не с удаленностью от Я-центра, а с той моделью национальной идентичности, которая принимается субъектом. Так, почти во всех картах есть устойчивый центр — политическая столица — Москва, которая встречается чаще регионального «Я»-центра (0,96). Другими общероссийскими объектами, отмечаемыми частотно на картах во всех регионах страны, являются «культурная столица» Санкт-Петербург (0,73); крайние западная и восточная «точки», обозначающие границы «своего» мира — Владивосток (0,37) и Калининград (0,23). Природные объекты на этом уровне представлены озером Байкал (0,41), Уральскими горами (0,45), Черным морем (0,43), рекой Волгой (0,24), островом Сахалин (0,20).

Региональное и национальное постоянно находятся в явном или скрытом ценностном конфликте. Имплиcitный конфликт можно наблюдать в расположении географических объектов (например, в центре карты оказывается «Я»-город, а не Москва). Если же имеет место явный конфликт, как правило, вербально выраженное несогласие с общепринятыми утверждениями, то региональное снова оказывается сильнее. Например, на картах пермяков можно встретить такую надпись, посвященную протекающей в Перми реке Кама: «Кама, в которую впадает Волга».

Одним из возможных инструментов реализации графического кода на картах являются линии *границ*. Границы являются социокультурной реальией, и переданные с помощью средств графического кода — линий, они членят пространство, отделяя одни социокультурные общности от других. Границы обладают высоким семиотическим потенциалом, они являются основой создания классификаций. Поэтому и в гуманитарной географии понятие границы одно из наиболее важных, т. к. оно используется для проведения социальных, территориальных, культурных, научных и иных границ [Crampton 2013; Jones 2009; Paasi 1996; и др.].

Линии, обозначающие творимые человеком реалии, которые бы выполняли роль средств связности геополитического пространства России и Евразийского континента, встречаются крайне редко. Речь идет, в первую очередь, о единичных случаях фиксации на картах железных, автомобильных дорог, авиапутей и др. средств, обеспечивающих связность топоном пространства. Вместо дорог средствами связности пространства становятся протяженные «линии» рек, т. е. природные объекты. При этом наблюдается тенденция гиперболизации размеров рек, которые могут одновременно связывать крайний север, юг, запад и восток страны.

Пространство России видится информантам преимущественно дискретным. Функционально дискретность пространства создается и естественными природными препятствиями в виде горных цепей, из которых наибольшую значимость имеют Уральские горы. Объект «Уральские горы» присутствует на картах из всех регионов. Значимость геообъекта «Уральские горы» проявляется в том, что информанты, живущие, например, в Алтайском крае, относительно хорошо описывают пространство азиатской части России (до оз. Байкал) и плохо — ее европейской части. Информанты, живущие в Оренбургской области, относительно хорошо описывают пространство европейской части России и очень плохо — ее азиатской части.

Подчеркнем в этой связи, что границы служат средством членения пространства, отделения «своего» мира от мира «чужого». Представления респондента о подобном разделении проявляются на двух уровнях: макроуровне (границы России и остального мира) и мезоуровне (границы «малой родины»). В этом смысле границы России оформляют пространство большой родины, а границы региона — малой родины.

Отделение России от «другого мира» всегда осуществляется через проводимую черту, обозначающую границу государства (в этом информанты полностью повторяют обозначения, принятые на географических картах). На полученных картах границы России, как правило, выглядят более четкими, нежели границы других государств. Нам встретилось множество карт, на которых страны-соседи не имели четко обозначенной границы между собой — т. е. чужое пространство воспринимается респондентами как недифференцированное. Если границы внутри «чужого мира» все-таки маркировались, они подавались графически менее отчетливо и часто были незамкнуты. Меньшая заинтересованность в маркировании границ внутри чужого мира является значимой стратегией концептуализации «чужого мира», воспринимаемого в качестве «пространства хаоса», периферии вселенной. Таким образом, маркирование границ, отделяющих «свой» мир от «чужого», обладает большей степенью иконичности; границы же внутри «чужого» мира часто проницаемы (вплоть до исчезновения), лишены черт, характерных для понятия «границы государства».

Так, геоментальная карта, являясь репрезентантом системы географических представлений и знаний человека, складывается из единиц, каждая из которых обладает своими характеристиками, визуально-графической выраженностью и, в пределах отражаемого ментального пространства, многоуровневой семантикой, соединяющей личностные смыслы, стереотипы и объективные факты.

Реконструированные в ходе исследований глобальные и локальные геоконцепты (городов, регионов, объектов природной среды) могут использоваться в рамках концепций брендинга территорий, создания благоприятного имиджа регионов и стран. Метод когнитивного геокартирования, опирающийся на тройкую представленность информа-

ции: социально-демографическую, текстовую и графическую, — позволяет представить наиболее объемную модель как отдельных гео-концептов (стран, населенных пунктов, природных объектов и др.), так и их систему.

Результаты могут быть востребованы и в сфере туристического бизнеса, т. к. позволяют выстраивать коммуникацию с целевой аудиторией в каждом конкретном регионе с позиции ее приоритетов, предпочтений, представлений о том или ином географическом объекте или маршруте. При этом коммуникация может использовать конкретные визуальные и/или вербальные ряды, характеризующие данные объекты/маршруты.

Ментальные карты могут служить источником информации об **идентичностях людей**, проживающих на той или иной территории и отношении разного рода социальных групп к другим социальным, территориальным, этническим группам и общностям. Информация может быть востребована в сфере государственного управления, в рекламе, маркетинге. Изучение порождения информантами географических знаков в аспекте семантики и синтактики (в частности, порождение комбинированных знаков) может быть востребовано в GIS-технологиях, т. к. полученные результаты позволяют лучше понять когнитивные схемы обработки геоинформации пользователями.

ЛИТЕРАТУРА

- Будаев Э. В. Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства // Политическая лингвистика. Вып. (2)18. 2006. С. 34–57.
- Гирц К. Интерпретация культур. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 560 с.
- Жданов В. Н. Особенности стереотипного восприятия России в Японии и Японии в России // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. № 2. С. 90–94.
- Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 336 с.
- Калашиникова Н. Б. Образ Московии XVII века в записках голландского путешественника // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2009. № 1. С. 63–71.
- Калуцков В. Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.
- Кашина М. А., Дмитрикова Е. В. Образ политика в российских СМИ: гендерный аспект // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 122–136.
- Красильникова Н. А. «В плену у русского медведя», или Современная Россия в метафорах британских и американских СМИ // Политическая лингвистика. Вып. (1)21. 2007. С. 92–97.
- Куданкина О. А. Россия и Германия: сравнительный анализ (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 85–91.
- Линкова Я. С. Образ России и русских в «Путешествии в Россию» Теофиля Готье // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. Серия: Филологическое образование. 2010. № 1. С. 73–78.

- Литвинова Е. А. Метафорический образ России во французском политическом дискурсе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. 2009. № 1. С. 47–49.
- Нахимова Е. А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // Вестник Перм. ун-та. 2009. Вып. 2. С. 12–19.
- Ощепкова Е. С. Исследование образа России на примере социальной сферы // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 74–85.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1999. 27 с.
- Тарасов Е. Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69–73.
- Телегина И., Белоусов К., Зелянская Н. Образ России в СМИ Британии: «Брутальный, грязный русский медведь» // Российский КТО есть КТО. Журнал биографий. М.: Русский биографический институт. 2008. № 3(66) [Электронный ресурс]. URL: www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/32008/smib1.htm.
- Чудинов А. П. Метафорический образ России в национальном сознании // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2005. № 3. С. 174–181.
- Ярулин И. Ф. Россия XXI века. Эра новых регионов // Пространственная экономика. 2005. № 3. С. 148–157.
- Crampton J. W. Maps as social constructions: power, communication and visualization // Progress in Human Geography. 2001. Issue 25,2. Pp. 235–252.
- Didelon C., de Ruffray S., Boquet M., Lambert N. A world of interstices: A fuzzy logic approach to the analysis of interpretative maps // The Cartographic Journal. 2011. Vol. 48. Pp. 100–107.
- Jones R. Categories, borders and boundaries // Progress in Human Geography. 2009. 33(2). Pp. 174–189.
- Paasi A. Territories, boundaries, and consciousness: the changing geographies of the Finnish-Russian boundary. Hoboken, NJ: J. Wiley & Sons, 1996. 353 p.
- Saarinen T. F., MacCabe C. The world image of Germany // Erdkunde. 1990. № 44. Pp. 260–267.

REFERENCES

- Budaev E.V. Rossiia, Gruziia i strany Baltii v zerkale rossiiskikh i britanskikh metafor rodstva [Russia, Georgia and Baltic countries in the mirror of the Russian and British family metaphors]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], no. (2)18, 2006, pp. 34–57.
- Girts K. *Interpretatsiia kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia, 2004, 560 p.
- Zhdanov V.N. Osobennosti stereotipnogo vospriiatiia Rossii v Iaponii i Iaponii v Rossii [Stereotypical perception of Russia in Japan and of Japan in Russia]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniia Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiia. Pedagogika. Metodika* [Vestnik of Centre of International Education of Moscow State University. Philology. Cultural studies. Pedagogics. Methodology], 2009, no. 2, pp. 90–94.
- Zamiatin D. N. *Gumanitarnaia geografiia. Prostranstvo i iazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian geography. Space and language of the geographical images]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2003, 336 p.
- Kalashnikova N.B. Obraz Moskovii XVII veka v zapiskakh gollandskogo puteshestvennika [Image of Moskovia of XVII century in the notes of Dutch traveller]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe*

- obrazovanie [Vestnik of Moscow Municipal Pedagogical University. Philological Education Series], 2009, no. 1, pp. 63–71.
- Kalutskov V.N. Geokontsepty v geografii [Geoconcepts in geography]. *Kul'turnaia i gumanitarnaia geografiia* [Cultural and humanitarian geography], 2012, vol. 1, no. 1, pp. 27–36.
- Kashina M.A., Dmitrikova E.V. Obraz politika v rossiiskikh SMI: gendernyi aspekt [Image of a politician in the Russian mass media]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management counselling], 2009, no. 3, pp. 122–136.
- Krasil'nikova N.A. «V plenu u russkogo medvedia», ili Sovremennaiia Rossiia v metaforakh britanskikh i amerikanskikh SMI [“Captivated by the Russian bear”, or modern Russia in metaphors in British and American mass media]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political linguistics], 2007, no. (1)21, pp. 92–97.
- Kudankina O.A. Rossiia i Germaniia: sravnitel'nyi analiz (na materiale rossiiskikh SMI) [Russian and Germany : Comparative analysis in Russian mass media]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political linguistics], 2006, no. 18, pp. 85–91.
- Linkova Ia.S. Obraz Rossii i russkikh v «Puteshestvii v Rossiiu» Teofila Got'e [Image of Russia and the Russians in «Travels In Russia» by Théophile Gautier]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Filologicheskoe obrazovanie* [Vestnik of Moscow Municipal Pedagogical University. Philological Education Series], 2010, no. 1, pp. 73–78.
- Litvinova E.A. Metaforicheskii obraz Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse [Metaphorical image of Russia in French political discourse]. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta* [Vestnik of Voronezh State University], 2009, no. 1, pp. 47–49.
- Nakhimova E.A. Imena russkikh tsarei kak pretsedentnoe pole v sovremennykh rossiiskikh SMI [Names of the Russian tsars as a precedent field in modern Russian mass media]. *Vestnik Perm. un-ta* [Vestnik of Perm State University], 2009, no. 2, pp. 12–19.
- Oshchepkova E.S. Issledovanie obraza Rossii na primere sotsial'noi sfery [Research on the image of Russia in social sphere]. *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of psycholinguistics], 2008, no. 8, pp. 74–85.
- Rakhilina E.V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: ot sochetaemosti k semantike* [Cognitive analysis of names of objects], *Extended abstract of PhD Thesis*. Moscow, 1999. 27 p.
- Tarasov E.F. Obraz Rossii: metodologiiia issledovaniia [Image of Russia : Methodology of research]. *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of psycholinguistics], 2006, no. 4, pp. 69–73.
- Telegina I., Belousov K., Zelianskaia N. Obraz Rossii v SMI Britanii: «Brutal'nyi, griaznyi russkii medved'» [Image of Russia in mass media in Britain : “Brutal, dirty Russian bear”]. *Rossiiskii KTO est' KTO. Zhurnal biografii* [Russian Who is WHO. A magazine of biographies]. Moscow, Russkii biograficheskii institut, 2008, no. 3(66). Available at: www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/32008/smb1.htm.
- Chudinov A.P. Metaforicheskii obraz Rossii v natsional'nom soznanii [Metaphorical image of Russia in national consciousness]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti* [Psycholinguistic aspects of study of speech production]. Ekaterinburg, 2005, no. 3, pp. 174–181.
- Iarulin I.F. Rossiia XXI veka. Era novykh regionov [Russia in XXI century. Era of new regions]. *Prostranstvennaia ekonomika* [Space economy], 2005, no. 3, pp. 148–157.
- Crampton J.W. Maps as social constructions: power, communication and visualization. *Progress in Human Geography*, 2001, no. 25,2, pp. 235–252.

- Didelon C., de Ruffray S., Boquet M., Lambert N. A world of interstices: A fuzzy logic approach to the analysis of interpretative maps. *The Cartographic Journal*, 2011, vol. 48, pp. 100–107.
- Jones R. Categories, borders and boundaries. *Progress in Human Geography*, 2009, vol. 33(2), pp. 174–189.
- Paasi A. *Territories, boundaries, and consciousness: the changing geographies of the Finnish-Russian boundary*. Hoboken, NJ, J. Wiley & Sons, 1996. 353 p.
- Saarinен T.F., MacCabe C. The world image of Germany. *Erdkunde*, 1990, no. 44, pp. 260–267.

Наталья Львовна Зелянская

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Natalia Zelienskaia

Candidate of Philology, leading research associate
Perm State University

zelyanskaya@gmail.com

Н. М. Калашникова

Российский этнографический музей

БОЛГАРЫ КРЫМА¹

Ключевые слова: Крым, Петербург, синтез традиций, болгары-переселенцы, музейная коллекция, традиционный костюм, предметы быта, фотография.

Традиционная культура народов Крымского полуострова и Северного Причерноморья формировалась на протяжении веков как синтез местных и пришлых, восточных и западных, кочевых и оседлых традиций. Серьезные изменения в этническом составе полуострова принесло присоединение в XVIII в. Крыма к России, открывшее путь массовой колонизации края восточнославянскими народами и переселенцам из Центральной и Восточной Европы – этническим группам болгар, сербов, немцев, армян, евреев и др.

В конце XVIII – начале XIX в. в Крым переселились болгары, сохранившие свое национальное самосознание, разговорный язык, материальную и духовную культуру. Поселившись в Феодосийском и Симферопольском уездах, они стали заниматься хлебопашеством и огородничеством, виноделием и овцеводством, а впоследствии – производством розового масла.

В начале XX в. сотрудниками Этнографического отдела Русского музея (ныне – Российский этнографический музей) были приобретены предметы быта и черно-белые фотографии, характеризующие традиционную культуру как старожильского населения Крыма (греков, крымских татар, крымчаков, караимов, цыган), так и этносов, прибывших в результате колонизации края, в частности, болгар. Учитывая, что собиравшиеся в начале XX в. экспонаты уже в то время считались уникальными и датировались концом XVIII – началом XIX в., в наши дни эти артефакты Российского этнографического музея являются раритетами.

Natalia Kalashnikova

The Russian museum of Ethnography

THE BULGARIANS IN CRIMEA

Keywords: Crimea, Petersburg, synthesis of traditions, the Bulgarian immigrants, museum collection, traditional costume, household items, photography.

Traditional culture of Crimea and North Black Sea region is a product of synthesis of local and alien, East and West, nomadic and settled traditions. Major changes in ethnic composition of the peninsula were caused by joining Russia in XVIII century that led to its mass colonisation by East-Slavonic peoples and immigrants from Central and East Europe, mostly by the Bulgarians, Serbians, Germans, Armenians, and Jewish, to name but a few.

In late XVIII-early XIX centuries, Crimea was inhabited by the Bulgarians who were eager to preserve their national identity, language, material and spiritual culture. Settled in Feodosiya and Simferopol

¹ Статья выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-01-00376/15 «Болгары Молдовы, Украины и России. Опыт жизни в диаспоре».

regions, they started arable farming and vegetable gardening, wine production and sheep breeding, and later – rose oil production.

In early XX century, Ethnography Department of the Russian Museum (now Russian Ethnography Museum) acquired household items and black-and-white photos that show traditional culture of both the old population of Crimea (Greek, Crimean Tartars, inhabitants of Crimea, Karaites, gypsies) and ethnos inhabiting Crimea as a result of colonisation, the Bulgarians in particular. Importantly, even in early XX century the exhibited items were regarded as rarities and dated by the late XVIII – early XIX centuries, today these artifacts in the REM are real curios.

Этнография Крыма интересна синтезом культуры населения берегов Черного и Средиземного морей, кочевого населения степей Евразии и собственно крымских прибрежных гор и степей, представляя собой богатую часть истории культуры народов Восточной Европы и Черноморского бассейна. Серьезные изменения в этническом составе полуострова принесло присоединение в XVIII в. Крыма, Приазовья и Тамани к Российской империи, открывшее путь массовой колонизации Крыма восточнославянским народам (русским, украинцам, белорусам) и переселенцам из Центральной и Юго-Восточной Европы — этническим группам болгар, сербов, немцев, армян, евреев и др. [Народы Крыма, 2014. С. 9].

Следует отметить, что правительство России было заинтересовано в переселении иностранцев в Новороссийский край, и в частности в Крым, поскольку именно на переселенцев возлагались надежды «на улучшение и размножение скотоводства, на развитие торговли и садоводства в Таврической губернии» [Заводовский, 1890. С. 2]. Известно, что большинство болгар прибывало в Крым морским путем на частных купеческих судах согласно указу Александра I от 5 января 1802 г., специально «для переселения в Россию балканских беженцев, не желавших мириться с османским игом на Родине» [Носкова, 2002. С. 76–77].

Таким образом, в результате нескольких переселенческих волн, на рубеже XVIII и XIX вв. болгары расселились в Феодосийском и Симферопольском уездах, в селах Андреевка, Кабурчак, Кишлав, Коктебель, Сарабуз Болгар, Старокрымское и др., сохранив при этом свое национальное самосознание, разговорный язык, материальную и духовную культуру, обряды, обычаи и традиционную пищу. Вместе с ними в Крыму оказались переселенцы-гагаузы, представители единственного в Восточной Европе тюркоязычного православного народа. Болгары стали заниматься хлебопашеством и огородничеством, отчасти виноделием и овцеводством. Следует отметить, что именно болгары завезли на полуостров казанлыкскую розу, и впоследствии Крым стал ведущим в России местом производства розового масла.

Одним из исследователей бытовой культуры крымских болгар в конце XIX — начале XX в. был епископ Таврический Гермоген, посетивший одну из первых болгарских колоний в Крыму — село Кишлав [Гермоген, 1887. С. 307, 396]. Анализ хозяйственной деятельности задуманных переселенцев на примере трех крымских поселений болгар — Старый Крым, Кишлав и Балта-Чокрак — дается в книге «Наши колонии» [Клаус, 1869. С. 298, 318]. О болгарских хозяйствах на юге России писал А. А. Скаль-

ковский [Скальковский, 1867. С. 199]. Богаты историческим, этнографическим и лингвистическим материалом исследования А. Ф. Музыченко — уроженца болгарского села Кишлав [Музыченко, 1899. С. 39; 1905. С. 459; 1907. С. 5, 40]. Однако наибольший интерес с точки зрения характеристики истории, этнографии и фольклора крымских болгар представляют труды Н. С. Державина [Державин, 1914. С. 62, 63, 108, 121, 237; 1915. С. 226]. В середине XX в. С. Б. Бернштейн организовал масштабное изучение диалектов болгар СССР, результаты которого обобщались до 1980-х гг. [Бернштейн, 1980. С. 42–62].

В последней четверти XX и начале XXI в. появляется ряд исследований, посвященных дальнейшему изучению причин переселения болгар в Крым [Кащенко, 1995. С. 71–82; Ачкинази, 1997. С. 450–461; Георгиева 2009. С. 8–43], песенного творчества [Шапошников, 1999. С. 170] и традиционных ремесел крымских болгар [Финогеев, 1999. С. 15, 51]. Определенным обобщением известных источников (печатных изданий и архивных материалов) стала монография И. А. Носковой «Крымские болгары в XIX — начале XX в.: история и культура» [Носкова, 2002] и исследование этнографов из Болгарии [Българите в Крим, 2009]

Таким образом, письменные источники о материальной и духовной культуре болгар Крыма публиковались в течение двух веков, в то время как памятники бытовой культуры крымских болгар-переселенцев практически были неизвестны. Впервые вещественные свидетельства материальной культуры крымских болгар были опубликованы О. Б. Гайворонской в 2008 г. в каталоге «Болгары Крыма в коллекции Крымского этнографического музея» [Болгары Крыма, 2008. С. 27–108], где был представлен этнографический материал, собранный уже во второй половине XX в.

Следует заметить, что Петербург с момента основания его научных учреждений являлся центром отечественного востоковедения, что отразилось и на исследованиях, которые проводились в том числе и в Крыму. Это коллекционное наследие трудно было сохранить в бурном XX в., тем более значимы те памятники культуры, которые стали предметом изучения в музейных собраниях. Так, например, в начале XX в. были приобретены сотрудниками Этнографического отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей в Петербурге, РЭМ) предметы быта и черно-белые фотографии, характеризующие традиционную культуру как старожильского населения Крыма XIX–XX вв. — греков, крымских татар, крымчаков, караимов, армян, цыган, так и этносов, прибывших в результате колонизации края, в частности, болгар [Народы Крыма, 2014. С. 13].

Коллекция по крымским болгарам в Российском этнографическом музее не является обширной, но, представляя экспедиционные сборы 1905–1938 гг., обладает редчайшими артефактами, характеризующими бытовую культуру болгар-переселенцев этого региона. Подобные экспонаты, датируемые XIX — началом XX в., практически не сохранились в музеях Крыма, что делает собрание петербургского музея уникальным.

Первые экспонаты для петербургского музея были привезены из Таврической губернии Феодосийского уезда — из города Старый Крым, деревни Коктебель в 1905 г. хранителем Этнографического отдела Русского Музея Константином Александровичем Иностранцевым, который приобрел традиционную одежду, ковры, фляги и другие предметы бытовой культуры болгар [Коллекции № 860, 4554]. Следует заметить, что К. А. Иностранцев, известный русский историк-востоковед и этнограф, один из авторов первой «Программы сбора этнографических материалов», изданной музеем в 1904 г. [Программа, 1904. С. 3, 4], заложил основу небольшому, но очень ценному собранию по этнографии крымских болгар.

Как считают историки, само поселение Старый Крым возникло в результате первой переселенческой волны на полуостров в 1803–1812 гг., а заселение деревни Коктебель датируется 1874 г. [Носкова, 2009. С. 107–111]. Таким образом, приобретенные в 1905 г. предметы принадлежали, скорее всего, первому поколению переселенческого населения, а следовательно, их можно датировать XIX в.

Анализируя состав двух этих коллекций, необходимо отметить, что наиболее ценными среди них являются предметы народной одежды, в частности, свадебный наряд невесты, представляющий собой полный сукманный комплекс, составленный из традиционных элементов. Основными частями данного комплекса, зафиксированными в музейной описи, являлись рубаха (риза), платье (рокля), верхняя кофта (хабичка), передник (престилка, фарта), платок (кырпа, барес, шал) и обувь (терлик) из черной шерстяной толстой ткани. Важнейшим элементом свадебного костюма невесты был составной головной убор (мрежи), завершающийся верхним головным платком из белого тюля (буллу), обшитым по краю красной шелковой нитью, на трех углах которого были закреплены кисточки из разноцветных бус. Обязательным дополнением к такому убору были украшения (китки) в виде красных и белых цветов из ткани, а также трех листиков с голубыми перышками, укреплявшиеся у виска. В свадебный комплекс входили и шейно-нагрудные украшения из цветного стекла (синцы) и бисера (герданча). Следует отметить, что отношение к свадебной одежде было особенное, недаром в народных преданиях, записанных в Коктебеле, сохранился завет: «Храни свое свадебное платье на случай смерти» [Шапошников, 2009. С. 201].

При этом нужно отметить, что весь костюм был изготовлен из текстильных материалов животного или растительного происхождения — шерсти, конопли, льна, шелка, кожи, произведенных в домашних условиях, скорее всего в собственном хозяйстве. Особую роль играли шерстяные ткани, что было связано как с привезенной из Болгарии этнической традицией, так и с тем, что овцеводство продолжало оставаться в то время одним из основных занятий болгар.

О том, что в деревне Коктебель распространение получил мужской чернодрешный (т. е. черного цвета) комплекс, свидетельствует костюм болгарина (приобретенный К. М. Иностранцевым), который состоял из

домотканых рубахи, штанов и пояса, а также наплечной куртки и головного убора. Своеобразной «легендой» этого костюма является характеристика, зафиксированная в музейной описи (Коллекция № 860), которая содержит местные названия, а также информацию о материале изделия, его конструкции и декоративных особенностях. Так, о рубахе (риза) из белой ткани домашнего производства сказано, что она имеет рукава на манжете и воротник-стойку, застегивающийся на три пуговицы и воздушные петли. Мужские штаны (гашти), выполненные из шерстяной домотканины черного цвета, застегиваются на крючок и петлю и имеют прорезной карман. Шерстяной домотканый пояс (опас) темно-коричневого цвета с полосами и бахромой на концах считался обязательным элементом мужского костюма крымских болгар, который оборачивали вокруг тела несколько раз, а поверх него иногда надевали кожаный пояс. В комплект входила и куртка (хабичка) из шерстяной домотканины черного цвета, стоячий воротник и полы которой были обшиты черным шнурком, а застегивалась она на крючки и петли. В качестве головного убора использовали шапку (гугла) круглой формы из овчины черного цвета на подкладке из красного ситца.

Среди других предметов коллекции № 860 из города Старый Крым и деревни Коктебель следует отметить приобретенные К. М. Иностранцевым полотенца, салфетки и ковровые изделия. Несомненный интерес представляют полотенца, значимость которых в рамках традиционной культуры болгар-переселенцев обуславливалась их полифункциональностью: в убранстве жилища они выполняли преимущественно декоративную функцию, в быту — утилитарную, в семейной обрядности реализовывали наибольший спектр функций, в том числе ритуальную, знаковую, декоративную и утилитарную. Материалом для полотенец в конце XIX — начале XX в. служила ткань, изготовленная в домашних условиях. В качестве сырья для ткачества местное население использовало шелк и хлопок, лен и коноплю.

Продолжением традиций следует считать и использование ковровых изделий для убранства болгарского жилища, о чем свидетельствует приобретенная К. М. Иностранцевым домотканая полосатая дорожка-коврик, выполненная на горизонтальном ткацком стане. Основу дорожки составляет льняная черная нить, а в утке использована шерсть красного, черного, зеленого, оранжевого, лилового и белого цвета.

Интересно, что в комплектовании коллекций по крымским болгарам принимали участие как специалисты-этнографы, так и любители-краеведы, представители местной интеллигенции, учащееся студенчество. Так, по поручению Этнографического отдела Русского музея искусствоведом и коллекционером Варварой Петровной Шнейдер в 1908 г. был приобретен в ауле Чаи Таврической губернии костюм замужней болгарки (Коллекция РЭМ, № 1470). Ценность костюма замужней женщины, приобретенного В. П. Шнейдер, заключается в его полноте, поскольку включает восемь элементов одежды, носимых одновременно. Основу этого комплекта составляет длинная рубаха (риза) с центральным пазушным разрезом, которая имеет высокий воротник,

застёгнутый на пуговку и прорезную петлю. Рубаха из материи домашнего производства украшена вышивкой — строчкой и крестиком красными и черными нитками. К подолу пришита полоса домотканины. Женское платье из черной шерстяной ткани (чукман) — без рукавов с глубокой проймой и закругленным вырезом на груди. Цельное, прямое платье (ниже колен) с вшитыми по бокам клиньями, расходящимися к подолу, украшено по краю тремя рядами гарусного шнура красного и черного цвета. Интересная информация о цветовых предпочтениях содержится в описи этого музейного экспоната: «летом носят белого, а зимой — черного цвета» (Коллекция РЭМ, № 1470-2). Поверх рубахи и платья надевали распашную кофточку (хабичка) из черной шерстяной домотканины. По покрою — прямая, цельная, длинная — выше колен. Ворот, передние полы, низ и длинные рукава у кисти обшиты полосой черного бумажного бархата. Застёгивается кофта у ворота на одну плоскую костяную пуговку и нитяную петлю. Обязательной принадлежностью костюма замужней женщины был передник (престилка) из домашней шерстяной ткани красного цвета с полосками из черной, темно-красной, зелёной, белой и мишурной нити. Обращает на себя внимание узкий передник прямоугольной формы, обвязанный по краю бахромой из зеленой гарусной нити, имеющий на подоле тканую кайму геометрического характера, а на углах — пришитые завязки из тесьмы лилового цвета. Поверх передника носили домотканый пояс из темно-коричневых шерстяных нитей, концы которого были затканы темно-лиловыми полосками с бахромой на краях. Необходимым элементом костюма замужней женщины был головной платок (шал) из красной шерстяной ткани фабричного производства, отделанный вокруг бахромой из разноцветного гаруса (возможно, ручная обвязка). Завершали комплекс женские чулки (калцуни), связанные на спицах из белой бумажной нити, и мягкая обувь (терлики) из черной шерстяной домотканины с жесткой подошвой. Края обуви отделаны темно-красной шерстяной тесьмой, задники вырезаны треугольником и украшены полоской галуна с маленькой гарусной кисточкой на вершине.

В экспедиции на полуостров Крым летом 1923 г. в деревне Кобурчак Таврической губернии Феодосийского уезда сотрудником Этнографического отдела Русского музея Федором Артуровичем Фиельструпом были приобретены для музея предметы быта крымских болгар [Коллекция РЭМ, № 4044]. Известный тюрколог, этнограф широкого профиля Ф. А. Фиельструп, оказавшись в Крыму, где занимался изучением крымских татар, собрал небольшую по численности, но интересную по содержанию коллекцию украшений, бытовавших у крымских болгар, а также привез образец текстиля (передник) и резную прялку с подробнейшим описанием способа использования этого предмета в быту.

При регистрации экспонатов в опись внесена важная информация о материале, из которого изготовлены такие украшения как пряжка, ручные браслеты и шейно-нагрудные изделия. В частности, отмечается, что это низкопробное кавказское серебро, а также указывается этническая принадлежность выполнившего мастера — кавказская

работа. Среди украшений двухчастная серебряная пряжка (кулан) от матерчатого пояса, который носили девушки. Наружные части этой пряжки декорированы растительным узором (цветы, плоды, листья) и шестиугольными звездами, на которых частично сохранилась эмаль зеленого цвета. О двух женских браслетах, сплетенных из пяти рядов проволоки с бляшками на концах, покрытых черневым узором, имеется указание, что материал — кавказское серебро и они кавказской работы. В музейной описи указано также, что шейное украшение (герданча) в виде подвесок с «гвоздиками» выполнено из низкопробного серебра, а связка турецких монет (сребрени), специально изготовленная как украшение из серебра со штампованными надписями и одним-двумя отверстиями для пришивания или нанизывания, носят на шее, как и герданча.

Два других экспоната — женский передник и деревянная прялка — свидетельство сохранения древних традиций ткачества болгар на новой территории проживания. Это домотканый передник (престилка) с подолом, орнаментированным тремя полосами, внутри декорированными разноцветными ромбами и ромбовидными фигурами, который имеет в верхних углах нитяные петли (возможно, для укрепления завязок). Другой предмет — деревянная резная прялка (хурка), состоящая из стержня и круга, к которому с помощью лоскута материи прикреплен пучок шерсти. Музейная опись содержит очень важное описание способа прядения на ходу, известного в Карпатах и на Балканах: «При употреблении хурка опирается пяткой в талию женщины, (укрепляясь) за пояс с левого бока, (при этом) средняя часть ее поддерживается широкой петлей, проходящей через правое плечо под левое, так что положение прялки (находится) несколько наискось (по отношению) к середине и с уклоном вперед» (Коллекция РЭМ, № 4044-6/а,б).

В 1938 г. сотрудником музея А. Г. Данилиным в Старокрымском районе Крымской АССР были приобретены две деревянные прялки, по конструкции, орнаментации и использованию похожие на описанную выше, что подтверждает более раннюю информацию о способе применения и констатирует сохранение этой традиции вплоть до 1940-х гг. Однако имеется и дополнительное упоминание, что «хурку дарили молодые люди в качестве свадебного подарка невесте» (Коллекция РЭМ, № 6112-2).

Важными являются и сведения о женском головном уборе из красного ситца на подкладке, с двумя тесемками, закреплявшими этот убор под подбородком и охватывавшими голову, который «в настоящее время вышел из употребления» (Коллекция РЭМ, № 6112-1). Сравнение собирателя конструктивных особенностей этого головного убора с повойником позволяет предположить русское влияние.

В 1948 г. фонды РЭМ пополнились экспонатами, характеризующими культуру болгар Крыма, которые поступили из расформированного Государственного музея народов СССР (Москва). В музейной описи среди собирателей упоминаются П. П. Свешников и М. Н. Сперанский [Коллекция РЭМ, № 8761], которые приобрели эти предметы в 1920–

1930-е гг. в Феодосийском уезде (районе) — в Кишлавe, Старом Крыму и Коктебеле. Анализ поступившей коллекции позволяет говорить о большом внимании, которое уделяли собиратели орудиям ткачества (гребень, пряслице, прялка), а также фиксации стадий обработки сырья (большое количество образцов необработанной и обработанной цигайской, или так называемой бессарабской шерсти, которая тоньше, длиннее и нежнее русской; а также шерстяная пряжа, куски сукна и ковровой ткани). Было приобретено значительное количество предметов убранства интерьера (салфетки, подушки, ковры, коврики) и, конечно, отдельные предметы мужского и женского традиционного костюма, остававшегося до 1930-х гг. одним из устойчивых этнических маркеров крымских болгар. Среди них женские рубахи, платья, передники, пояса с пряжками и без них, верхняя одежда, головные уборы, платки, шали, чулки, носки и суконная обувь. Несколько меньше сохранилось предметов мужского костюма (безрукавки, пояса, шапки, кожаная обувь), что может быть отчасти объяснено урбанистическими процессами, проходившими в Крыму.

Таким образом, анализ предметов небольшой коллекции из собрания РЭМ позволил проиллюстрировать некоторые аспекты бытовой культуры крымских болгар, известные нам ранее только по письменным источникам, а записанные собирателями названия элементов костюма и предметов быта свидетельствуют о сохранении болгарами-переселенцами традиционной терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Ачкинази И. В. К проблеме этнической истории крымских болгар // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 450–461.
- Бернштейн С. Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 42–52.
- Болгары Крыма в коллекции Крымского этнографического музея: Каталог / сост. О. Б. Гайвороновская. Симферополь: АнтикВА, 2008. 112 с.
- Българите в Крим / Съставители Иваничка Георгиева, Красимир Стоилов. София, 2009. 346 с.
- Георгиева И. Българите в Крим // Българите в Крим. София, 2009. С. 8–43.
- Гермоген, епископ. Таврическая епархия Гермогена, епископа Псковского и Парховского, бывшего Таврического и Симферопольского. Псков: Тип. губ. правл., 1887. 533 с.
- Державин Н. С. Болгарские колонии Новороссийского края. Херсонская и Таврическая губернии. София, 1914. 256 с.
- Державин Н. С. Болгарские колонии в России. Петроград, 1915. 260 с.
- Заводовский А. Заселение Крыма // Крымский вестник. 1890. № 27. С. 2–5.
- Кащенко С. Г. Из истории крымских болгар // Сквозь века: Народы Крыма. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1995. С. 71–82.
- Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб.: Тип. В. В. Нувальта, 1869. 583 с.
- Коллекции Российского этнографического музея (описи): № 860, 4554 — собрания К. А. Иностранцевым; № 1470 — собиратель В. П. Шнейдер; № 4044 — соби-

- ратель Ф. А. Фиельструп; № 6112 — собиратель А. Г. Данилин; № 8761 — собиратели П. П. Свешников, М. Н. Сперанский.
- Музыченко А. Ф. Наблюдения над народным творчеством крымских болгар // Труды XII археологического съезда: Харьков, 1902. М., 1905. Т. III. С. 447–460.
- Музыченко А. Ф. Быт болгар-переселенцев Феодосийского уезда // Этнографическое обозрение. Кн. XLI. 1899. С. 36–72.
- Музыченко А. Ф. История поселения и фонетические особенности говора крымских болгар. СПб., 1907. 63 с.
- Народы Крыма / науч. ред. В. М. Грусман. СПб.: Славия, 2014. 36 с.
- Носкова И. А. Крымские болгары в XIX — начале XX вв.: история и культура. Симферополь: СОНАТ, 2002. 152 с.
- Программа для собирания этнографических предметов. Издание III-е Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III. СПб., 1904. 51 с.
- Скальковский А. А. Болгаро-славянские колонии // Памятная книжка Таврической губернии / под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь, 1867. 228 с.
- Финогеев Б. Л., Матвеев Н. Н. Пространственные перемещения населения Крыма: немцы, греки, болгары. Современный аспект. Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. 91 с.
- Шапошиников А. К. Старый добрый болгарский Коктебель. Симферополь: Амена, 1999. 294 с.

REFERENCES

- Achkinazi I.V. K probleme etnicheskoi istorii krymskikh болгар [Ethnic history of Crimea Bulgarians]. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisarai historical and archeological collection of papers], no. 1, Simferopol', 1997, pp. 450–461.
- Bernshtein S.B. Osnovnye etapy pereseleniia болгар v Rossiui v XVIII–XIX vv. [Main stages in migration of the Bulgarian to Russia in XVIII–XIX centuries]. *Sovetskoe slavianovedenie* [Soviet Slavonic studies], 1980, no. 1, pp. 42–52.
- Bolgary Kryma v kolleksii Krymskogo etnograficheskogo muzeia: Katalog [Crimean Bulgarian in the collection of Crimea ethnography museum], by O. B. Gaivoronovskaia. Simferopol, AntikvA Publ., 2008, 112 p.
- B"lgarite v Krim [Bulgarian in Crimea], by I. Georgieva, K. Stoilov. Sofia, 2009. 346 p.
- Georgieva I. B"lgarite v Krim [Bulgarian in Crimea]. *B"lgarite v Krim* [Bulgarian in Crimea]. Sofia, 2009, pp. 8–43.
- Germogen, episkop [Germogen, bishop]. *Tavrisheskaia eparkhiia Germogena, episkopa Pskovskogo i Parkhovskogo, byvshego Tavrisheskogo i Simferopol'skogo*. [Tavrida archdiocese of Germogen, Pskov and Parkhovsk bishop, former Tavrida and Simferopol bishop]. Pskov, Tip. gub. pravl. [Publishing house of Regional management], 1887, 533 p.
- Derzhavin N.S. Bolgarskie kolonii Novorossiiskogo kraia. Khersonskaia i Tavrisheskaia gubernii [Bulgarian colonies in Novorossiisk region. Kherson and Tavrida regions]. Sofia, 1914, 256 p.
- Derzhavin N.S. Bolgarskie kolonii v Rossii [Bulgarian colonies in Russia]. Petrograd, 1915, 260 p.
- Zavodovskii A. Zaselenie Kryma [Populating of Crimea]. *Krymskii vestnik* [Vestnik of Crimea], 1890, no. 27, pp. 2–5.
- Kashchenko S.G. Iz istorii krymskikh болгар [From the history of Crimean Bulgarian]. *Skvoz' veka: Narody Kryma* [Through centuries: Peoples in Crimea], no. 1, Simferopol, Tavriia Publ., 1995, pp. 71–82.

- Klaus A. *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoi kolonizatsii v Rossii* [Our colonies. Experience and materials on the history and statistics of foreign colonisation in Russia], no. 1. Saint Petersburg, Tip. V.V. Nueval'ta [Nueval't Publ.], 1869, 583 p.
- Kollektsii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia (opisi)* [Collections of the Russian Ethnography Museum: Inventory]: № 860,4554 — sobrany K.A. Inostrantsevym; № 1470 — sobiratel' V.P. Shneider; № 4044 — sobiratel' F.A. Fiel'strup; № 6112 — sobiratel' A.G. Danilin; № 8761 — sobiratel' P. P. Sveshnikov, M.N. Speranskii.
- Muzychenko A.F. Nabliudeniia nad narodnym tvorchestvom krymskikh bolgar [Notes on the folk art of the Crimean Bulgarians]. *Trudy XII arkheologicheskogo s"ezda: Khar'kov, 1902* [Proceedings of the XII archeological meeting, Kharkov, 1902]. Moscow, 1905, vol. III, pp. 447–460.
- Muzychenko A.F. Byt bolgar-pereselentsev Feodosiiskogo uezda [Everyday life of Bulgarian-emigree in Feodosia region]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], vol. XLI, 1899, pp. 36–72.
- Muzychenko A.F. *Istoriia poseleniia i foneticheskie osobennosti govora krymskikh bolgar* [History of populating and phonetic peculiarities of speech of Crimean Bulgarian]. Saint Petersburg, 1907, 63 p.
- Narody Kryma* [Peoples in Crimea], ed. V.M. Grusman. Saint Petersburg, Slaviia Publ., 2014, 36 p.
- Noskova I.A. *Krymskie bolgary v XIX — nachale XX vv.: istoriia i kul'tura* [Crimean Bulgarian in XIX — early XX centuries : History and culture]. Simferopol, SONAT Publ., 2002, 152 p.
- Programma dlia sobiraniia etnograficheskikh predmetov. Izdanie III-e Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeia Imperatora Aleksandra III* [Programme on collecting ethnographic objects. The third edition of the Ethnography Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III]. Saint Petersburg, 1904, 51 p.
- Skal'kovskii A.A. Bolgaro-slavianskie kolonii [Bulgarian-Slavonic colonies]. *Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii* [Book of Tavrida region], ed. K.V. Khanatskii. Simferopol, 1867, 228 p.
- Finogeev B.L., Matveev N.N. *Prostranstvennye peremeshcheniia naseleniia Kryma: nemtsy, greki, bolgary. Sovremennyi aspekt* [Movements of peoples inhabiting Crimea : German, Greek, Bulgarian]. Simferopol, Tavriia-Plus [Tavria Plus] Publ., 1999, 91 p.
- Shaposhnikov A.K. *Staryi dobryi bolgarskii Koktebel'* [Old kind Bulgarian Koktebel]. Simferopol, Amena Publ., 1999, 294 p.

Наталья Моисеевна Калашникова

Доктор культурологии, профессор, ведущий специалист
Российский этнографический музей

Natalia Kalashnikova

Doctor of Cultural Studies, Professor, leading specialist
The Russian museum of Ethnography
ethnonataly@mail.ru

В. С. Князькова

Санкт-Петербургский государственный университет

«СИНЯЯ КНИГА СКАЗОК» Л. ФЕЛЬДЕКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА СЛОВАЦКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: словацкая детская литература, художественный перевод, Любомир Фельдек, авторская сказка, литература нонсенса.

Имя словацкого поэта Любомира Фельдека, с которым связано рождение современной словацкой детской литературы, мало известно за рубежом. Интересно заметить, что практически все иностранные языки, на которые переведены и переводятся произведения Л. Фельдека, — это славянские языки: больше всего переведено на чешский, есть переводы на русский, словенский, македонский, сербский, хорватский, болгарский, польский. Такую неравномерность интереса на родине и за рубежом отчасти объясняет сам автор тем, что он всегда старался писать «непереводимо», писать так, чтобы текстом смог насладиться, прежде всего, словацкий читатель. Игра, фантазия, ассоциация, аллюзия, нонсенс, пародия, автобиографичность — вот основные черты поэтики Л. Фельдека, воплотившиеся в его поэтических, прозаических и драматических произведениях для детей. Все словацкие дети выросли на знаменитых собраниях сказок Любомира Фельдека, а самой любимой среди читателей и по сей день остается его «Синяя книга сказок», написанная в 1974 г. и неизменно сопровождаемая оригинальными иллюстрациями Альбина Бруновского. В 1976 г. книга была внесена Международным советом по детской книге в Почетный список Андерсена. В 1990 г. «Синяя книга сказок» была переведена на английский язык, и, несмотря на заявленную самим автором «непереводимость» его текстов, переводчице Х. Требагичкой удалось воссоздать игровую абсурдность сказок Л. Фельдека на английском языке.

Viktoria Kniazkova

St. Petersburg State University, Russia

L. FELDEK'S "THE BLUE BOOK OF FAIRY TALES" IN ENGLISH AND TRANSLATIONS OF SLOVAK CHILDREN LITERATURE INTO ENGLISH

Keywords: Slovak children literature, literal translation, Ľubomír Feldek, author fairy-tale, literature of non-sense.

The name of the Slovak poet Ľubomír Feldek, closely associated with the origin of the Slovak children literature, is far from being known abroad. Interestingly, all his works have been and are being translated into the Slavonic languages: mostly into Check, less into Russian, Slovenian, Mace-

donian, Serbian, Croatian, Bulgarian, and Polish. The fact that he is more popular at home rather than abroad can be explained by the author's intention to write in an "untranslatable" manner, primarily to enjoy Slovak readers. Game, imagination, associations, allusions, non-sense, parodies, autobiographiness – these are the core of his poetics reflected in his prose and drama works for children. All Slovak children have been brought up on his works, and the most popular and beloved is and has always been his "The Blue Book of Tales" written in 1974 and originally painted by Albin Brunovský. In 1976 the book was included in the IBBY Honour List by the International Board on Books for Young People. In 1990 "The Blue Book of Tales" was translated into English, and, though "untranslatable", the translator Kh. Trebatistakaya successfully preserved in translation the playful absurdness of Feldek's tales.

До конца XIX в. литература для детей, написанная на словацком языке, имела по большей части утилитарно-дидактический характер. Только в начале XX в. ее функция расширилась в сторону эстетического переживания. На рубеже 1950–1960-х гг. детская литература сделала большой шаг вперед: «право на смех, признанное за ребенком в 1930-е гг., расширилось на почти неограниченное право на игру, развлечение, фантазию» [Stanislavová, 1998. S. 9]. В этот период в литературу вошли авторы, создавшие новую модель детской литературы, уважающей детство и открывшей богатство детского мирозерцания, предлагающие новый взгляд на литературу и немилосердно критикующие творчество предыдущего периода. Основными объектами критики стали схематичное использование модели фольклорной сказки, абсолютизация темы, дидактизм, коллективизм, примитивизм, требование однозначности интерпретации и вследствие этого исключение сложных образов и метафор и так далее. Одним из таких авторов, которого по праву считают основоположником современной словацкой детской литературы [Stanislavová, 2003. S. 8–12], является Любомир Фельдек (1936 г.).

Молодые авторы утверждали необходимость применения современных методов взрослой литературы в произведениях для детей, т. е. двуединство творчества для детей и взрослых [Šmatlák, 1976. S. 9], уважение к детскому мировоззрению, смещение фокуса с нормативного воспитания на эстетическую свободу, — все это было программно сформулировано Любомиром Фельдеком в статье «Пойдет речь о литературе для детей» («Bude reč o literatúre pre deti») [Feldek, 1958], в журнале «Млада творба» в 1958 г. Конкретизация программы была сразу представлена автором в дебютном произведении «Игра для твоих голубых глаз» (Hra pre tvoje modré oči). Игра, фантазия, ассоциация, аллюзия, нонсенс, пародия, автобиографичность — вот основные черты поэтики Л. Фельдека, воплотившиеся в его поэтических, прозаических и драматических произведениях для детей и взрослых. Кроме манифеста «Пойдет речь о литературе для детей», Л. Фельдек составил для того же номера журнала еще две программы — «Пойдет речь о переводе» (Bude reč o preklade) и «Пойдет речь о поэзии» (Bude reč o poézii), последняя из которых была изъята перед печатью. Эти программные выступления отражают все стороны творчества Л. Фельдека, а именно: тесная связь собственной поэзии с поэзией переводной, узкая связь творчества для детей и творчества для взрослых. Критикуя предыду-

щее поколение словацких писателей, Л. Фельдек в статье «Пойдет речь о литературе для детей» пишет: «Это практически физиологическая аномалия: вместо того, чтобы выжимать из памяти, все высасывается из пальца», цит. по: [Bílik, 2000. S. 105]. Основа его собственных произведений — это индивидуальный опыт, субъективные чувства, личные воспоминания.

За свое творчество Л. Фельдек удостоился не только множества словацких наград, но и нескольких зарубежных, среди которых есть медаль Пушкина, ее Л. Фельдек получил в 1999 г. за многолетний вклад в развитие русско-словацких культурных отношений, а именно за переводы русских поэтов на словацкий язык, к самым значительным относятся словацкие издания произведений В. Маяковского и С. Есенина. Кроме того, в 1976 г. «Синяя книга сказок» была внесена Международным советом по детской книге в Почетный список Андерсена.

Несмотря на это, необходимо признать, что имя Л. Фельдека практически неизвестно в других странах. Такую неравномерность интереса на родине и за рубежом отчасти объясняет сам автор в одном из своих недавних интервью:

«Больше всего из моих книг переводилась „Синяя книга“. Но боюсь, что мои книжки не могут заинтересовать никого в мире, потому что даже то, что переведено, не продается. Во-первых, потому что никто из словацких писателей моего поколения, кроме, пожалуй, Клары Ярунковой, не смог пробиться в мир сквозь железный занавес. А во-вторых, потому что я пробиться и не стремился, наоборот, я старался писать непереводаемо. Я писал для детей больше всего поэзию, и писал ее так, что половину за меня писал сам словацкий язык. Словацкий язык — это потрясающий партнер поэта. В соавторстве с ним я всегда писал то, чем сможет насладиться прежде всего словацкий читатель. Социологи говорят, что самосознание не может иметь эпитетов. Боюсь, что в поэзии для детей это не так. Самосознание словацкого детского поэта — это словацкое поэтическое самосознание» [Bábiková, 2010. Без пагинации]. В целом, необходимо признать, что писатели поколения Л. Фельдека не могли и не стремились пробиться в западный мир. Если они и переводились, то за редкими исключениями в социалистических странах.

Первые издания словацкой детской литературы в западных странах появились только в 1960-х гг. Это были сказки из собрания Павла Добшинского (1828–1885), педагога, переводчика, редактора, публициста, этнолога и сказочника середины XIX в. Первые переводы из собрания словацких сказок появились в Советском Союзе в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Затем в 1960-е гг. последовали немецкий (издан в Ханау), французский (издан в Париже) и английский (издан в Лондоне) переводы [Kovtun, 1988; Index Translationum; Prehľad vydaní Dobšinského v iných jazykoch]. В англоязычных переводах в этот период появились также стихотворения для детей М. Валека [Válek, 1965] и М. Ферко [Ferko 1965], обе книги в переводе К. В. Кларка вышли Лондоне, а также рассказы Р. Морица [Moric 1966], изданные в США.

Если в 1950–1960-е гг. самыми переводимыми словацкими произведениями для детей были сказки из собрания П. Добшинского, то в конце 60-х и начале 70-х годов XX в. самой переводимой детской писательницей стала Клара Ярункова (1922–2005). И до сих пор ее творчество для детей и юношества наиболее полно из всей словацкой детской литературы представлено в иноязычных изданиях. Так, одним из первых переводов ее романа «Единственная» (Jediná, 1963) стал перевод на английский язык, под названием «Don't cry for me» [Jarunkova, 1968] изданный в США, где в течение двух лет оставался в рейтинге бестселлеров [Pánisová, 2014. S. 40]. Этому способствовала и талантливая работа переводчика Йиржи (Джорджа) Тейнера.

Восьмидесятые и девяностые годы XX в. оказались вполне благоприятными для издания детской литературы: из 34 словацких книг, изданных в английском переводе за эти двадцать лет, 10 представляли собой литературу для детей [Pánisová, 2014. S. 150–153]. Большинство из них — это сборники словацких народных сказок, а кроме того, книга сказок Марии Дюричковой «Белая княжна» [Duričková, 1988] и «Синяя книга сказок» Любомира Фельдека [Feldek 1990]. Автором всех десяти переводов является Хизер Требатицка (Heather Trebaticka).

Переводчица родилась и получила образование в Англии, в 1967 г. она вышла замуж в Словакии, где начиная с этого года и до последнего времени преподавала в Университете Коменского в Братиславе. Хизер Требатицка вела преподавательскую и научную деятельность, которую она оставила два года назад, выйдя на пенсию, и является автором множества переводов словацкой литературы на английский язык [Böhmerová, 2013. S. 24–25]. Среди них произведения писателей второй половины XX в.: Я. Боднаровой, М. Вадаса, П. Виликовского, Д. Гевьера, А. Гикиша, П. Голки, Д. Душека, Г. Зелиновой, М. Компаниковой, П. Криштуфека, В. Минача, Л. Мнячка, С. Ракуса, Ю. Сатинского, Л. Тяжкого, В. Шикеры, Я. Юраневои, П. Яроша и многих других. К сожалению, в основном это рассказы или отрывки произведений, изданные в антологиях или журналах. С особым теплом переводчица относится к словацким произведениям для детей. В одном из своих интервью она назвала «Синюю книгу сказок» одной из самых трудных книг, которые ей доводилось переводить [Martinová, 2006. Без пагинации]. Это не удивительно, учитывая лингвистические и литературные особенности произведений Л. Фельдека.

Так, например, в одной из пяти частей «Синей книги», которая называется «Сказки о нас» (Rozprávky o nás), есть сказка о зубах. Сюжет ее построен на игре значений словацкого слова *stolička*, обозначающего 'стул', а также 'коренной зуб'. Сказка повествует о мальчике, не желавшем идти к зубному врачу, отчего его зубы поломались, одновременно с этим поломались и стулья в его комнате, и отец отказывался чинить их до тех пор, пока мальчик не починит свои зубы. Переводчица в данном случае решила обратиться за помощью к самому автору, и Л. Фельдек, сам являясь переводчиком с английского языка, с готовностью откликнулся на просьбу и написал новую сказку, основанную

на подобном звучании английского слова *teeth* ('зубы') и *t's* ('буквы «т»') [Feldek, 1990. S. 63–64]. Теперь сказка повествовала о мальчике, не желавшем исправлять свои зубы, и не выполнившим домашнее задание по написанию двух строк букв «т». А когда учитель попросил продемонстрировать выполненное домашнее задание, мальчик притворился, что ослышался и вместо двух строк *t's* (т. е. 'букв «т»') продемонстрировал два ряда *teeth* (т. е. 'зубов'). Тогда учитель тоже притворился и как ни в чем не бывало заявил, что задание выполнено не совсем хорошо, т. к. одна из букв испорчена.

Начало этой сказки на английском языке совпадает со словацким оригиналом, но в тот момент, когда в словацком оригинале начинается игра слов, в английском тексте эксплицитно появляется повествователь, рассказывающий о невозможности дальше перевести историю, написанную по-словацки, на английский язык. Далее повествователь рассказывает о реальном факте обращения переводчицы к писателю и о том, как он сочинил вот эту новую сказку.

Хотя в оригинальном тексте этой сказки нет эксплицитного присутствия повествователя, это один из излюбленных приемов творчества Л. Фельдека. В «Синей книге» повествователь появляется во многих сказках: в «Самой первой сказке...» (*Úvodná rozprávka...*), в «Разорванной сказке» (*Roztrhaná rozprávka*), в сказке про бабочку (*O motýľovi Otílii*) и др.

Только одна из пяти частей «Синей книги» называется «Сказки о нас», но индивидуализация и интимизация творчества Л. Фельдека настолько высока, что все его сказки (и не только сказки) в той или иной степени опираются на жизнь семьи Л. Фельдека. Именно жизнь семьи, а не просто личную жизнь самого поэта. Некоторым исследователям его творчества это даже дало повод говорить о появлении нового поджанра — «семейной сказки» [Bilik, 2000. S. 126]. Отношения между мужем и женой, отношения между родителями и детьми — это источник вдохновения и необходимое условие для жизни и творчества Л. Фельдека. Иллюстрации Альбина Бруновского подчеркивают этот факт: на обложке изображена семья писателя, стилизованная под королевскую семью, на фоне Братиславского града, сам Л. Фельдек восседает на собственных книгах, как на троне, а в центре композиции печатная машинка с листом написанного текста.

Сказка «Златушик» (*Zlatúšik*) [Feldek, 2004. S. 69–92] рассказывает о том, как лучшие друзья мальчик Любомир и девочка Ольга искали таинственный голос, произносивший одно единственное слово — *zlatúšik* — слово, используемое в словацком языке для ласкового обращения. В поисках таинственного создания, произносившего это слово, Любомир и Ольга пришли за советом к библиотекаря, тот, порывшись в книгах, сказал, что нашел только одну книгу, где упоминается *zlatúšik*, а именно стихотворение чешского поэта К. Я. Эрбена «Сочельник» (*Štědrý den*) из сборника «Букет» (*Kytice*):

*a zlatoušky na stěnu
tomu, kdo se postí*

Библиотекарь предполагает, что кто-то таким образом хочет им представиться и советует детям при первом же случае назвать и свои имена, а если они будут поститься, тогда, они, возможно, Златушика и увидят. Здесь Л. Фельдек использует аллюзию на известную словацкую и чешскую традицию мотивировать детей поститься перед Рождеством, обещая им, что тогда вечером они увидят солнечного зайчика (т. е. *zlaté prasiatko*, дословно ‘золотой поросенок’).

В английском переводе этой сказки под названием «Honey» [Feldek, 1990. S. 107–123] Хизер Требаицка использует книгу Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и цитату из нее о том, как Алиса, провалившись в нору, на лету сняла с полки пустую банку с надписью «Апельсиновое варенье». Далее библиотекарь убеждает детей в необходимости представиться тому, кто произносит слово *honey* (в данном случае обыгрываются два значения этого слова, а именно ‘мёд’ и ласковое обращение ‘милый’) и поститься, чтобы спасти мёд, который, возможно, обращается к ним из-за того, что его перепутали с апельсиновым вареньем.

Упомянутый эпизод с использованием стихотворения К. Я. Эрбена иллюстрирует одну из особенностей творчества Л. Фельдека для детей: его двойную адресность. Сказки Л. Фельдека подразумевают обращение, прежде всего, конечно, к детскому читателю, диалог и игру с ним, но в сказке присутствует и второй слой — металитературный, т. е. намекающий на некий внешний литературный факт.

Так, во всем цикле «Сказки о животных» содержится явная полемика Л. Фельдека со схематичностью использования в детской литературе фольклорных образцов. Сказка под названием «О змее Адриане» (O hadovi Hadriánovi) начинается следующими словами:

Žil raz istý bača — dva razy žiť nemohol — a tento bača kade chodil, tade sa moril túžbou po peniazoch [Feldek, 2004. S. 13].

Такой вставкой автор пародирует устойчивые формулы, используемые в народных сказках. Традиционное начало английских сказок с использованием слова *once* позволяет переводчице здесь следовать за оригиналом:

There once live a shepherd — he couldn't live twice — and wherever that shepherd went, he was tormented by desire for money [Feldek, 1990. S. 13].

Итак, словацкий текст обращен одновременно и по-разному к детскому и взрослому читателю. А к кому обращен английский перевод? Возможно, и переводчице удалось в некоторой степени вложить в английский текст дополнительный смысл. Например, использование мотивов из книги Льюиса Кэрролла, безусловно, подчеркивает принадлежность творчества Любомира Фельдека к литературе нонсенса.

С 2000-х гг. ситуация с переводами словацкой литературы на английский язык постепенно стала улучшаться, произошло это по нескольким причинам, одна из которых — активная работа таких уже

опытных переводчиков, как Хизер Требатицка, а также появление более молодого поколения переводчиков, ответственно и увлеченно занимающихся своим делом (Джанет Ливингстоун, Джон Минахейн, Петер Петро, Чарльз Сабатос, Джеймс и Вера Сазерлэнд-Смит, Юлия Шервуд и др.). Кроме того, сами авторы заинтересованы в продвижении словацкой литературы на Западе и активно участвуют в этой работе. Одну из ключевых ролей в улучшении ситуации играет деятельность Литературного информационного центра (Literárne informačné centrum, LIC), который занимается распространением словацкой литературы за рубежом, и комиссии SLOLIA (Slovak Literature Abroad), финансирующей переводы словацкой литературы на иностранные языки. С 1996 г. на январь 2014 г. при поддержке SLOLIA было реализовано 406 переводческих проектов [Komisia SLOLIA], а за 2014–2015 гг. было издано еще 39 книг в разных странах Европы [Slovenskí autori v preklade].

За последние 15 лет (2000–2014 гг.) из литературы для взрослых в переводе на английский язык вышло 63 книги. Что касается детских книг, то их за упомянутый период было опубликовано 15. Из них пять сборников сказок П. Добшинского [Index Translationum; Slovenskí autori v preklade; Pánisová, 2014. S. 154–162]. В число 15 переведенных детских книг входят пять двуязычных, а именно книга Яны Боднаровой «O strome, ktorý bol na ceste / The Tree Which Came From Afar» [Bodnárová, 2006], двуязычная книга традиционных словацких сказок в переводе Хизер Требатицкой «Klasické rozprávky v slovenčine a v angličtine» [Klasické rozprávky, 2006], сказка П. Палика «Bol raz jeden kameň / There once was a stone» [Palík, 2006], книга «Oriešok večnej krásy / A Nut of Eternal Beauty» К. Миколашовой [Mikolášová, 2007] и книга «The Big Adventure of Two Little Canaries» В. Белвер [Belver, 2007]. Остальные пять — это сказка Л. Лонцковой «Alicia from Below the Forest, or, What Puppies Do not Know» [Loncková, 2002] в переводе самой писательницы; книга «Štyria škriatkovia a víla» [Uličiansky, 2009] Яна Уличанского в переводе Ч. Сабатоса «The Four Elves and the Fairy» [Uličiansky, 2009]; книга Г. Футовой «Ako topánka Anka do sveta išla» [Futová, 2003], написанная в рамках проекта EURO-TOP-ANKA для поддержки вступления Словакии в Европейский Союз и рассказывающая о путешествии потерявшегося ботиночка по странам Евросоюза; сказка М. Дюричковой в переводе Х. Требатицкой [Duričková, 2009]; и книга восточных сказок Э. Кхидаер [Khidayer, 2012]. Из всех 15 изданных в 2000–2014 гг. переводов только две книги вышли в США (сказки П. Добшинского), остальные опубликованы в Словакии.

Некоторое улучшение ситуации не означает достижения в этой сфере полного успеха; переводы словацкой литературы на английский язык по-прежнему характеризует преобладание публикаций в журналах и антологиях и недостаток отдельных книжных изданий словацких авторов, превалирование двуязычных изданий, вышедших в Словакии, малый тираж заграничных публикаций, университетские издания сугубо для учебных целей.

ЛИТЕРАТУРА

- Bábiková M.* Lubomír Feldek hovorí o tvorbe pre deti: Veľký tresk — začiatok slobodnej fantázie // Knižná revue — Book Revue. 2010. Číslo 3 [Электронный ресурс]. URL: www.litcentrum.sk/rozhovory/lubomir-feldek-hovori-o-tvorbe-pre-deti (дата обращения: 15.02.2015).
- Belver V.* The Big Adventure of Two Little Canaries. Bratislava: Papageno, 2007. 65 p.
- Bílik R.* Lubomír Feldek. Bratislava: Kalligram, 2000. 192 s.
- Bodnárová J.* O strome, ktorý bol na ceste: The tree which came from afar. Prešov: BAUM, 2006. 14 p.
- Böhmerová A.* Jubileum poprednej slovenskej anglistky [Anniversary of Prominent Slovak Anglicist]. Naša univerzita [Our University]. 2013. Číslo 5. Ročník 59. S. 24–25. [Электронный ресурс]. URL: uniba.sk/fileadmin/ruk/nasa_univerzita/NU2013-14/2013_05.pdf (дата обращения: 20.02.2015).
- Ďuričková M.* The White Princess: Folk Tales of Eastern Europe. Ontario: Kuska House, 1988. 166 p.
- Ďuričková M.* Roly-Poly Pompon. Bratislava: Buvik, 2009. 46 p.
- Feldek L.* The Blue Book of Tales. Bratislava: Mladé letá, 1990. 128 p.
- Feldek L.* Modrozelená kniha rozprávok [The Blue and Green Book of Tales]. Senica: Ex tempore, Panenka & Panenka, 2004. 201 s.
- Feldek L.* Bude reč o literatúre pre deti [Let's Talk About Literature for Children] // Mladá tvorba [Young Literature Work]. 1958. Č. 4. S. 9–10.
- Ferko M.* Kúzelník a zvieratka. The Magician's Animals. Bratislava; London: Mladé letá; Golden Pleasure Book, 1965. 14 p.
- Futová G.* Ako topánka Anka do sveta išla [A Boot Named Anka is Travelling Around the World]. Prešov: Victoria, 2003. 24 s.
- Index Translationum [Электронный ресурс]. URL: portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=7810&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.
- Jarunkova K.* Don't Cry for Me. New York: Four Winds Press, 1968. 287 p.
- Khidayer E.* Tales from Sumhuram. ROTRAN, 2012. 88 p.
- Klasické rozprávky v slovenčine a v angličtine [Traditional Fairy Tales in English and Slovak]. Bratislava, Belimex, 2006. 64 s.
- Komisia SLOLIA [Электронный ресурс]. URL: www.litcentrum.sk/slolia (дата обращения: 20.02.2015).
- Kovtun G. J.* Czech and Slovak Literature in English. A Bibliography. Washington: Library of Congress, 1988. 152 p.
- Loncková L.* Alicia from Below the Forest, or, What Puppies Do not Know. Žilina: Georg, 2002. 40 p.
- Martinová I.* Fiction is my Cake // Slovak Literary Review. 2006. Vol. 11. № 2. P. 34 [Электронный ресурс]. URL: www.litcentrum.sk/en/rozhovory/fiction-is-my-cake (дата обращения: 20.02.2015).
- Mikolášová K.* Oriekok večnej krásy : a Nut Of Eternal Beauty. Žilina: Urela, 2007. 71 p.
- Moric R.* O divej kačičke. The Tale of a Wild Duck. Minneapolis: Lerner Publications Company, 1966. 26 p.
- Palík P.* Bol raz jeden kameň: There once was a stone. Kysucké Nové Mesto: Modré na Bielom, 2006. 28 p.
- Pánisová L.* Slovenská literatúra v anglickom preklade — história a súčasnosť (1832–2013) [Slovak Literature in English translation — Past and Present (1832–2013)]. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre Filozofická fakulta, 2014. 164 s.

- Prehľad vydaní Dobšinského v iných jazykoch [Survey of Dobšinský's Works Publications in Other Languages] [Электронный ресурс]. URL: www.litcentrum.sk/40998 (дата обращения: 15.02.2015).
- Slovenskí autori v preklade [Slovak Authors in Translations] [Электронный ресурс]. URL: www.litcentrum.sk/index.php?s-cv-contentID=slovenski-autori-v-preklade&s-csv-order=year_of_issue&s-csv-sort=asc (дата обращения: 20.02.2015).
- Stanislavová Z. K systému obraznosti v rozprávke Ľubomíra Feldeka [The System of Images in Feldek's Fairy Tales] // Slovo o slove : zborník Katedry slovenského jazyka a literatúry Pedagogickej fakulty Prešovskej university [A Word about a Word]. Prešov: Pedagogická fakulta PU, 2003. S. 8–12.
- Stanislavová Z. Kontexty modernej slovenskej literatúry pre deti a mládež [Contexts of Modern Slovak Literature for Children and Youth]. Prešov: Náuka, 1998. 183 s.
- Šmatlák S. Básnik a dieťa. Reflexie o detskej poézii [A Poet and a Child. Reflections on Child Poetry]. Bratislava: Mladé letá, 1976. 210 s.
- Uličiansky J. Štyria škriatkovia a víla [The Four Elves and the Fairy]. Bratislava: Perfekt, 2009. 38 s.
- Uličiansky J. The Four Elves and the Fairy. Bratislava: Perfekt, 2009. 38 p.
- Válek M. Kde žijú vtáčky. Birds and Their Nests. Bratislava; London: Mladé letá; Golden Pleasure Book, 1965. 12 p.

REFERENCES

- Bábiková M. Ľubomír Feldek hovorí o tvorbe pre deti : Veľký tresk — začiatok slobodnej fantázie [Ľubomír Feldek is Telling About Literature for Children]. *Knižná revue* [Book Review], 2010, čís. 3. Available at: www.litcentrum.sk/rozhovory/lubomir-feldek-hovori-o-tvorbe-pre-deti (accessed 15.02.2015).
- Belver V. *The Big Adventure of Two Little Canaries*. Bratislava, Papageno Publ., 2007, 65 p.
- Bílik R. *Ľubomír Feldek* [Ľubomír Feldek]. Bratislava, Kalligram Publ., 2000, 192 p.
- Bodnárová J. *O strome, ktorý bol na ceste : The tree wich came from a far*. Prešov, BAUM, 2006, 14 p.
- Böhmerová A. Jubileum poprednej slovenskej anglistky [Anniversary of Prominent Slovak Anglicist]. *Naša univerzita* [Our University], 2013, číslo 5, ročník 59, pp. 24–25. Available at: uniba.sk/fileadmin/ruk/nasa_univerzita/NU2013-14/2013_05.pdf (accessed 20.02.2015).
- Ďuričková M. *The White Princess: Folk Tales of Eastern Europe*. Ontario, Kuska House Publ., 1988, 166 p.
- Ďuričková M. *Roly-Poly Pompon*. Bratislava, Buvik Publ., 2009, 46 p.
- Feldek L. *The Blue Book of Tales*. Bratislava, Mladé letá Publ., 1990, 128 p.
- Feldek L. *Modrozelená kniha rozprávok* [The Blue and Green Book of Tales]. Senica, Ex tempore, Panenka & Panenka Publ., 2004, 201 p.
- Feldek L. Bude reč o literatúre pre deti [Let's Talk About Literature for Children]. *Mladá tvorba — Young Literature Work*, 1958, no. 4, pp. 9–10.
- Ferko M. *Kúzelník a zvieratká. The Magician's Animals*. Bratislava; London, Mladé letá Publ.; Golden Pleasure Book, 1965, 14 p.
- Futová G. *Ako topánka Anka do sveta išla* [A Boot Named Anka is Travelling Around the World]. Prešov, Victoria Publ., 2003, 24 p.
- Index Translationum*. Available at: portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=7810&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.
- Jarunkova K. *Don't Cry for Me*. New York, Four Winds Press, 1968, 287 p.

- Khidayer E. *Tales from Sumhuram*. ROTRAN, 2012, 88 p.
- Klasické rozprávky v slovenčine a v angličtine* [Traditional Fairy Tales in English and Slovak]. Bratislava, Belimex Publ., 2006, 64 s.
- Komisia SLOLIA*. Available at: www.litcentrum.sk/sloia (accessed 20.02.2015).
- Kovtun G. J. *Czech and Slovak Literature in English. A Bibliography*. Washington, Library of Congress, 1988, 152 p.
- Loncková L. *Alicia from Below the Forest, or, What Puppies Do not Know*. Žilina, Georg Publ., 2002, 40 p.
- Martinová I. Fiction is my Cake. *Slovak Literary Review*, 2006, vol. 11, no. 2, p. 34. Available at: www.litcentrum.sk/en/rozhovory/fiction-is-my-cake (accessed 20.02.2015).
- Mikolášová K. *Oriešok večnej krásy : a Nut Of Eternal Beauty*. Žilina, Urela Publ., 2007, 71 p.
- Moric R. *O divej kačičke. The Tale of a Wild Duck*. Minneapolis, Lerner Publications Company, 1966, 26 p.
- Palík P. *Bol raz jeden kameň: There once was a stone*. Kysucké Nové Mesto, Modré na Bielom Publ., 2006, 28 p.
- Pánisová L. *Slovenská literatúra v anglickom preklade — história a súčasnosť (1832–2013)* [Slovak Literature in English translation — Past and Present (1832–2013)]. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre Filozofická fakulta, 2014, 164 s.
- Prehľad vydaní Dobšinského v iných jazykoch* [Survey of Dobšinský's Works Publications in Other Languages]. Available at: www.litcentrum.sk/40998 (accessed 15.02.2015).
- Slovenskí autori v preklade* [Slovak Authors in Translations]. Available at: www.litcentrum.sk/index.php?s-cv-contentID=slovenski-autori-v-preklade&s-csv-order=year_of_issue&s-csv-sort=asc (accessed 20.02.2015).
- Stanislavová Z. K systému obraznosti v rozprávke Ľubomíra Feldeka [The System of Images in Feldek's Fairy Tales]. In: *Slovo o slove: zborník Katedry slovenského jazyka a literatúry Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity* [A Word about a Word]. Prešov, Pedagogická fakulta PU, 2003, pp. 8–12.
- Stanislavová Z. *Kontexty modernej slovenskej literatúry pre deti a mládež* [Contexts of Modern Slovak Literature for Children and Youth]. Prešov, Náuka Publ., 1998, 183 s.
- Šmatlák S. *Básnik a dieťa. Reflexie o detskej poézii* [A Poet and a Child. Reflections on Child Poetry]. Bratislava, Mladé letá Publ., 1976, 210 p.
- Uličiansky J. *Štyria škriatkovia a víla* [The Four Elves and the Fairy]. Bratislava, Perfekt Publ., 2009, 38 p.
- Uličiansky J. *The Four Elves and the Fairy*. Bratislava, Perfekt Publ., 2009, 38 p.
- Válek M. *Kde žijú vtáčky. Birds and Their Nests*. Bratislava, London, Mladé letá Publ., Golden Pleasure Book, 1965, 12 p.

Виктория Сергеевна Князькова

Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Viktoria Kniazkova

Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University, Russia

v.kniazkova@mail.ru

М. Л. Ковшова

Институт языкознания РАН

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С НЕВЫРАЖЕННЫМ ПРИЗНАКОМ СРАВНЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ¹

Ключевые слова: фразеологический компаратив, признак сравнения, прямое и косвенное выражение, невыраженность признака сравнения, метафора.

В русской компаративной фразеологии наиболее распространена модель с компаративной связкой «как» (или ее лексическими вариантами «точно», «словно» и др.). Признак сравнения, т. е. то, что является общим у субъекта и объекта сравнения, выражается прямо или косвенно, но может быть опущен или может дистанцироваться от основной части фразеологизма в предложении. Пропуск признака сравнения существенно меняет логико-семантическую и синтаксическую структуру фразеологизма, формирует его новое грамматическое значение. Постоянная невыраженность признака сравнения и опущение компаративной связки может вести к абсолютизации сравнения во фразеологизме и превращению его в метафору, т. е. идея подобия субъекта и объекта сравнения трансформируется в идею их тождества, и признак сравнения в метафорической конструкции становится явно избыточен. В статье в логико-семантическом аспекте исследуются русские фразеологические компаративы с невыраженным признаком сравнения. Рассматриваются различные условия перехода фразеологизмов-сравнений во фразеологизмы-метафоры; устанавливается роль признака сравнения в этих процессах.

Maria Kovshova

Institute of Linguistics, RAS

PHRASEOLOGICAL SIMILES WITH COVERT BASIS FOR COMPARISON: CAPABILITIES AND RESTRICTIONS IN USAGE

Keywords: phraseological comparative, bases of comparison, covert and overt expression, covert basis of simile, metaphor.

In Russian comparative phraseology the most popular model is the one with the comparative link “*kak*” or its lexical variants “*slovno*”, “*tochno*” and others. The basis of comparison, that is the quality shared by the compared subject and object, may be expressed overtly or covertly, or may be omitted

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130).

or placed in any part of the sentence, even not hear the comparative phraseological unit. If the basis of comparison is omitted, it completely changes logical, semantic and syntactic structure of the phraseological units, thus forming its new grammatical meaning. If the basis of comparison is constantly covert or the comparison link is omitted, it can result in absolutisation of comparison in a phraseological unit, thus transforming it into a metaphor. In other words, the idea of resemblance of an object and subject of the comparison is transformed into the idea of their identity, thus making the basis of comparison unnecessary. The article approaches the Russian phraseological similes with covert basis of comparison from logical and semantic perspectives. It discusses various ways how phraseological similes can be transformed into phraseological metaphors; defines the role of the basis of comparison in the process.

Фразеологические компаративы — устойчивые сочетания слов, облеченные в форму сравнительной конструкции. Устойчивость формы и содержания этих единиц закрепляется в языке, что обеспечивает воспроизводимость фразеологических компаративов, представляющих особый пласт фразеологии. Ср. фразеологические компаративы *писать как курица лапой*; *спать как убитый*; *жить как кошка с собакой* и т. д., которыми пользуются все говорящие на русском языке, — и сравнения случайные или встречающиеся в речи, но еще не закрепленные традицией: *мятый как бумага*; *толпиться как пингвины* и т. д. Фразеологические компаративы глубоко исследованы в структурном и диахроническом аспектах, описаны в полноте своих семантических, грамматических, стилистических характеристик; см., например, фундаментальные работы: [Огольцев, 2010; Лебедева, 2003; Мокиенко, 2003]. Логико-семантический аспект исследования позволяет целенаправленно сосредоточиться на следующем вопросе: почему одни фразеологические компаративы используются исключительно с выраженным признаком сравнения и без признака сравнения не употребляются (например, *дрожать как овечий хвост*; *заживать как на собаке*), в то время как другие фразеологические компаративы способны употребляться не только без выраженного признака сравнения, но и без компаративной связки (например, *как небо и земля*; *небо и земля*; *как гром среди ясного неба*; *гром среди ясного неба*).

Как известно, фразеологический компаратив представляет собой устойчивую, воспроизводимую в речи сравнительную конструкцию «X действует; ведет себя; такой как Y». В ее основе лежит универсальная мыслительная схема, включающая три элемента операции сравнения: субъект сравнения, объект сравнения и признак сравнения, т. е. то, что является общим свойством у субъекта и объекта и служит предметом сравнения между ними. В русском языке признак сравнения эксплицируется в семантике признаков слов, сопровождающих фразеологизм; в данной статье во всех примерах признаковые слова выделены курсивом, а фразеологизмы — полужирным курсивом.

Признак сравнения выражается в семантике слов-сопроводителей, а также их лексико-грамматических вариантов, например: *как колове седло идти (подходить)*; *как утопленнику везти (везёт)*. Для выражения признака сравнения используются слова-сопроводи-

ли, определенные для каждого из значений фразеологизма, ср.: **глуп как сивый мерин** и **врать как сивый мерин**. В качестве таких слов-сопроводителей, или признаков слов, могут использоваться устойчивые лексико-семантические варианты; ср.: **как зеницу ока хранить, беречь**; **как свинья в апельсинах разбираться, понимать**. В качестве слов-сопроводителей могут также выступать имена классов, или классемы, т. е. обобщенно-родовые наименования: *делать, вести себя*, а также их уточняющие варианты; ср.: **как миленький делать что-л.**; **как кот мартовский вести себя**; *шляться*.

Так, в идиоме **как корове седло** со значением — ‘Абсолютно не соответствовать; очевидно не годиться’ признак сравнения обычно выражается словом-сопроводителем *подходит*; ср., например: «Зато псевдоним у нее — Жемчужина. *Подходит ей как корове седло*. Молотов краснел, объяснял» (Зорин Л. Юпитер, 2001 // Знамя. 2002)².

В идиоме **как зеницу ока** — ‘Очень старательно, тщательно, как самое дорогое’ признак сравнения «ценность» выражен в семантике двух определенных слов-сопроводителей: *хранить, беречь*. Их устойчивость поддерживается библейским источником; ср.: «Он нашел его [народ] в пустыне, <...> ограждал его, смотрел за ним, *хранил его, как зеницу ока* Своего» (Втор. 32:10).

Идиома **как миленький** <*миленькая*> — ‘Покорно, безропотно’ описывается в словаре с классемой *делать что-л.* [БСФРЯ, 2014. С. 306], а в речи употребляется с целым рядом уточняющих данную классему глаголов, не только в семантике, но и в грамматической форме которых задан признак, или свойство, сравнения — «послушность; обязанность». Образ идиомы основан на тонкой насмешке: слово **миленький** здесь служит выражением фальшиво-ласкового отношения кого-л. «высшего» к кому-л. «низшему» как к «своему», т. е. согласному что-л. выполнить. Ср.: «— *Пойдешь, как миленький*» (Хазанов Б. Похож на человека, 1999). «Он будет *говорить по-иностранному как миленький*» (Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий, 1995–1999). «Конечно если бы я стояла над душой он бы ел **как миленький**» (Наши дети: Подростки, 2004).

Прежде чем перейти к предмету настоящего исследования, необходимо оговорить те случаи, когда фразеологические компаративы с обычно выраженным признаком сравнения могут употребляться без этого признака. Такое невыражение признака сравнения, по сути, невыражением не является, поскольку замещается невербальными средствами: в письменном тексте — тире, в устной речи — паузой; контекст позволяет легко восстановить признак сравнения и мысленно достроить сравнительную конструкцию. Тем самым, можно говорить о прямо и косвенно выраженных признаках сравнения при фразеологических компаративах. Ср.: «Справа **как черт из табакерки** вдруг *выскочил* оглушительно тарахтящий мотоцикл с двумя стриже-

² Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, цитирование примеров проводится по: [НКРЯ].

ными подростками» (Леонов Н., Макеев А. Ментовская крыша, 2004); «Вдруг — капитан Несольцев, **как черт из табакерки**: пойдешь, говори, со своими людьми опять таким-то коридором» (Рубина Д. На солнечной стороне улицы, 1980–2006). Ср. также: «— Ещё пару укольчиков, и — **как миленький!**» (Осипов С. Страсти по Фоме. Книга Перемен, 1998); «Вообще-то к фамильной захаровской внешности и фонетике эти золотая цепь и массивный перстень — **как корове седло**» (Игра в спички, 1998 // Профессионал, 1998.07.01).

Кроме того, выраженный признак сравнения может дистанцироваться от фразеологизма; зачастую слово-сопроводитель оказывается в одной части высказывания, а компаративная связка и объект сравнения предполагаются в другой части, при этом слово-сопроводитель обычно предшествует употреблению фразеологизма. Такая «расстановка сил» характерна для фразеологических компаративов как с определенными словами-сопроводителями, так и с разнообразным их множеством. Ср.: «— Да какая тут любовь?! Насулил женщинам, да и *дёру*. **Как кот мартовский**, тьфу!» (Уханов И. Окалина); цит. по: [Лебедева, 2003. С. 145]. «— И будешь *лизать*. **Как миленький**, понял?.. Я замер» (Маканин В. Андеграунд, или герой нашего времени, 1996–1997).

В диалогах признак сравнения может принадлежать речи одного коммуниканта, а основная часть фразеологического компаратива договариваться другим коммуникантом; ср.: «— <...> на тебя жалоба от твоей половины: дома не ночуешь... пять ночей *шлялся* неведомо где. — **Словно мартовский кот**, — вставил Твердохлёбов» (Кочнев М. Потрясение); цит. по: [Лебедева, 2003. С. 145].

Подобные случаи выраженного признака сравнения можно квалифицировать как употребление фразеологического компаратива с синтаксическим нарушением, но при этом с сохранением структурно-семантической целостности в масштабе контекста, прежде всего диалога, в котором реплики коммуникантов образуют содержательное целое. Важным подтверждением внутренней связи компаратива с признаком сравнения является то, что слова-сопроводители всегда ему предшествуют и, будучи отделены от компаратива частью текста, не теряют его из виду, а словно «вызывают» фразеологический образ (объект сравнения) на заданный ими признак сравнения. Ср.: «— Ну, как, *вернулся* Николай Иванович? — **Как миленький**. Куда он денется...» (Грекова И. Скрипка Ротшильда, 1980). Представляется, что подобное выделение фразеологического компаратива в самостоятельное высказывание способствует формированию его новой синтаксической роли, а именно превращает предикат в цельнопредикативную единицу. Фразеологический компаратив в функции предложения создает подобие, раскрывающее сущность субъекта сравнения.

Однако есть в русском языке фразеологические компаративы, которые могут употребляться как с выраженным признаком сравнения, так и без него. Ср.: «Доверьтесь мне, и я *поведу* вас, **как отец родной**» (Сахаров А. Д. Воспоминания, 1983–1989); «Сергей Сергеевич, вы же

для меня **как отец родной**» (Галицкий П. Цена Шагала, 2000); в последнем примере признак сравнения не выражен, будучи опущенной предикативной связкой. Более того, фразеологические компаративы могут легко употребляться и без компаративной связки и становиться «обычными», т. е. не компаративными по своей структуре, идиомами. Ср.: «Если первый тип начальника — это „отец родной“, то второй — жёсткий профессионал. <...> там, где у руля „отец родной“, много пьют» («Карьера», 2000.02.01); «...как наивно было предполагать, что „отец родной“ спасёт, а не казнит» (Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое, 1986–1990). Возможно, что в случае с данной идиомой на ее превращение из сравнения в метафору повлияло ее частое использование в функции образной номинации адресата в речевом жанре просьбы или благодарности. Ср.: «Ну, я ему в ноги: „Благодетель, отец родной!“» (Дубов Н. На краю земли, 1950).

Действительно, в русском языке многие идиомы могут употребляться и в компаративной, и в некомпаративной форме; зачастую разные формы закреплены для выражения разных значений одного фразеологизма. Так, фразеологический компаратив **как дважды два четыре** употребляется в первом и втором своих значениях с компаративной связкой и выраженным признаком сравнения, а в третьем значении бытует без компаративной связки. Ср.:

Как дважды два [четыре] 1. ясно — ‘Очевидно, несомненно’: «Для меня ясно **как дважды два** — авторы проекта допустили ошибку, рабски поддавшись влиянию авторитетов» (Ажаев В. Далеко от Москвы) [БФСРЯ, 2014. С. 302].

Как дважды два [четыре] 2. доказать, объяснить — ‘Логично; быстро’: «**Как дважды два** он доказал, что ничего у них не выйдет» (Грашин Д. Иду на грозу) [Там же].

В основе сравнительной конструкции идиомы **как дважды два четыре** лежат признаки сравнения «понятность», «бесспорность», находящие свое выражение в семантике слов-сопроводителей; субъект сравнения — происходящее; объект сравнения — элементарная аксиома арифметики, известная каждому человеку.

В третьем значении в основу уже не сравнения, но метафоры положено свойство «легкость»; отсутствие компаративной связки «переводит» фразеологизм из ранга эталона, т. е. меры, легкости действия — в ранг стереотипа легкости действия, основанного на отождествлении действий, событий и элементарного математического действия.

Дважды два [четыре] 3. сделать что-л. — ‘Просто, легко’. «Начальник перевернул бляху, взвесил на руке: — Этим же **убить** человека — **дважды два**» (Шукшин В. Материнское сердце). «Егор Романович сообразил, что Мухортый, пожалуй, прав: в такой темноте **дважды два свалиться** в распадок» (Астафьев В. Восьмой побег) [БФСРЯ, 2014. С. 303].

Исключение компаративной связки из фразеологизма ведет к абсолютизации сравнения и превращению его в метафору, идея подобия субъекта и объекта сравнения трансформируется в идею тождества,

и признак сравнения становится явно избыточен. Такое движение — от сравнения к метафоре — представляется закономерным развитием процесса уподобления, в котором метафора становится его завершением.

Так, фразеологический компаратив *как небо и земля* с прямо, косвенно или дистанцированно выраженным признаком сравнения зафиксирован на сегодняшний день в НКРЯ лишь в небольшом количестве: 12 документов, 14 вхождений; ср., например: «...они друг дружке *как небо и земля*. В одном месте родились, на одном языке разговаривают, а нет, *не родня*» (Распутин В. Деньги для Марии, 1967).

В то же время, фразеологизм-метафору *небо и земля* в НКРЯ представляют 197 документов, 231 вхождение; ср.: «Управление Россией и управление Москвой — это просто *небо и земля*» (Немцов Б. Провинциал в Москве, 1999). Заметим, что «уверенный переход» фразеологизма из сравнения в метафору «поддерживается» также развернутой библейской метафорой; ср.: «Истинно говорю вам: не преидет род сей, как все сие будет; *небо и земля* преидут, но слова Мои не преидут» (Матф. 24:35).

Безусловно, признак сравнения в таких, уже не сравнительных («*X действует; ведет себя; такой как Y*»), а метафорических конструкциях («*X есть Y*»), если и проявляет себя, то уже вне фразеологизма, поскольку утрачивает свою роль — задавать свойство сравнения; он воспринимается как самостоятельная характеристика, которая присоединяется к характеристике, данной во фразеологическом образе. Другими словами, может быть выражен уже не признак сравнения, но свойство, легшее в основу метафоры; это явление правильнее было бы назвать **выраженным свойством метафоры**. Ср.: «В России он моё непосредственное начальство, то есть *работодатель, отец родной, поилец и кормилец*» (Скворцов В. Каникулы вне закона, 2001)]; свойство метафоры в этом примере выражено словами *поилец и кормилец* с общим значением свойства — «обеспечивающий существование». «На первый взгляд, *никакой связи нет* между двумя заметками — *небо и земля!*» (Астафьев В. Зрячий посох, 1978–1982); свойство метафоры в этом примере выражено словами *никакой связи нет* с общим значением свойства — «несоединимость». Явление выраженного свойства метафоры особенно характерно для тех случаев, когда необходимо подчеркнуть константность признака, заявить о чем-л. уверенно, категорично. Тем не менее, сравнение имплицитно сохраняется, проявляясь в виде верификаторов «прямо», «настоящий» и т. п. Ср.: «Режиссёр — ну прямо *отец родной: ласков, заботлив*» (Весник Е. Дарю, что помню, 1997).

Согласно Н. Д. Арутюновой, метафора — это имплицитное сравнение; исключение из сравнительной конструкции компаративной связки и признака сравнения является основным приемом создания метафоры: «Сокращая знак сравнения (компаративную связку), метафора вместе с ним отбрасывает и основание сравнения. Если в классическом случае сравнение трехчленно (А сходно с В по признаку С),

то метафора в норме двучленна (А есть В)» [Арутюнова, 1998. С. 355]; см. также: [Ушакова, 2005].

Формальная выраженность или невыраженность компаративной связки и признака сравнения является, по сути, выраженностью или невыраженностью идеи подобия: выраженность идеи подобия постулирует сходство темы и образа, а невыраженность — их тождество.

При трансформации фразеологического компаратива в метафору происходит абсолютизация сравнения. Это существенно меняет синтаксическую структуру высказывания: предложение подобия преобразуется в предложение тождества и участвует, главным образом, в создании таксономической предикации. Возникает новый смысл: комплекс признаков, приписываемых определяемому — теме. Ср.: «Деревни, пашня, наша и прусская, это **небо и земля**» (Успенский Г. И. Письма, 1869–1873); «Скажу вам как специалист: на обувной фабрике склад готовой продукции и склад сырья — это **небо и земля**» (Рыбаков А. Тяжелый песок, 1975–1977).

По сути, речь идет о разных мыслительных операциях, направленных или на установление подобия, или на установление тождества, и условиях этого установления. И прежде всего мы говорим об условиях трансформации фразеологического сравнения во фразеологическую метафору. Рассмотрим по порядку возможности и ограничения для такой трансформации в отношении всех элементов сравнительной конструкции.

Субъект сравнения. Фразеологическое сравнение обладает более широкими возможностями, чем фразеологическая метафора, которая, как и любая метафора, утверждает собой тождество и потому требует объективно существующего (эмпирически выявленного) основания для отождествления внешних качеств или внутренних свойств тех или иных сущностей, явлений, действий, событий. Круг денотатов, выступающих в функции субъекта сравнения, во фразеологических компаративах практически не ограничен. Однако вопрос заключается в следующем: есть ли ограничения на денотат у субъекта сравнения, препятствующие тому, чтобы фразеологизм-сравнение стал фразеологизмом-метафорой? Какие субъекты сравнения в большей мере «расположены» к переходу в субъекты метафоры? Исследование употребления самых различных «переходных» фразеологизмов показало, что референция субъекта не является важным условием: субъект сравнения и во фразеологическом компаративе, и во фразеологизме-метафоре может обладать и конкретной референцией, и отвлеченно-обобщенной, абстрактной референцией. Ср. примеры референтов, которые выделены обычным курсивом, а сами идиомы — полужирным курсивом: «Вот только *лица* у них отличались, **как небо и земля**, — у Гурова открытое и волевое, у Тернавского — надменное и бездушное» (Леонов Н. Лекарство от жизни, 2001); «... ты увидишь своими глазами, что твои *фантазии и действительность* — это **как небо и земля**» (Львов А. Двор, 1981); «Мы сравнили мои *старые работы* с *сегодняшними*. **Небо и земля**. Один только портрет старика, написанный мною в школьные

каникулы, представлял что-то живописное» (Азаров Ю. Подозреваемый, 2002); «— *Мы и Москва* — это **небо и земля**» (Соколов-Митрич Д. Мисс Урюпинская Вселенная, 2002 // Известия. 2002.09.26).

Объект сравнения. В качестве объекта сравнения во фразеологических компаративах, как показывают многочисленные вышеприведенные тексты, обычно выступает конкретная лексика — это названия реалий, обладающих природной, биологической, артефактивной материальностью. Ср.: *бояться как огня; зажить как на собаке; плакать, реветь, вести себя как девчонка; жарко как в бане* и др. Также объектом сравнения может выступать референт с отвлеченно-обобщенным или абстрактным значением: *как на праздник; как нечего делать; как дважды два четыре* и др.

Рассмотрим условия трансформации во фразеологизм-метафору фразеологических компаративов, в составе которых в качестве объектов прежде всего выступают единицы конкретной лексики: что это за единицы; нет ли на них ограничений; к чему приводит освобождение компаратива с таким объектом сравнения от компаративной связки.

Так, употребление названий конкретных лиц — каузаторов и качественных имен (в том числе имен собственных) в качестве объектов сравнения — зачастую влечет за собой освобождение от признака сравнения, а затем и компаративной связки, что преобразует фразеологизм-сравнение во фразеологизм-метафору. При этом качественные имена еще в большей мере, чем во фразеологическом компаративе, начинают восприниматься как кореферентные субъекту сравнения, и это лишь усиливает экспрессивность высказывания, отвечая главной задаче фразеологического знака. Именно поэтому фразеологические компаративы *как баба-яга, как базарная баба, как баран, как овца* и т. п. зачастую освобождаются от признака сравнения (*заупрямилась, упёрлась, упрямый, покорный, трусливый, худой, страшная, грубая*) и компаративной связки и могут функционировать как метафоры: *баба-яга, базарная баба, баран, овца* и т. п.

Ср.: «Кроткая Колыванова *упёрлась, как коза*. Нет и нет — и даже толком не могла объяснить, почему же она не хочет привести свою безрукую тетю на сбор отряда» (Улицкая Л. Дар нерукотворный, 1998); «— Ну ты *овца!*» (Волос А. Дом у реки // Новый мир, 1998); «Губин растянулся на сене в предбаннике, *тесном, как собачья конура*» (Горький М. Губин, 1912); «Живём впятером в этой *конуре*, и никакой надежды, что дадут квартиру» (Семья и дом (форум), 2012).

В речи может продолжаться использоваться также и фразеологизм-сравнение; ср.: «— *Как коза* по лестнице *скачешь*, в восемьдесят лет» (Екимов Б. На хуторе // Новый мир, 2002); «— Я, *как дура, как овца, поверила, поддалась, купилась* на обман» (Гиголашвили М. Чертовое колесо, 2007). Конструкции с творительным сравнения, с формами сравнительной степени прилагательного и т. п. в данной статье не рассматриваются; ср., например: «Сказано докторшей — лежать, значит, лежать. Нечего *козой скакать*» (Хаецкая Е. Синие стрекозы Вавилона. Человек по имени Беда, 2004).

(Заметим в скобках, что в ответ на мелиоративное в какой-то степени высказывание «Я как дура» можно услышать грубо-насмешливое: «Почему „как“?» Русскому языковому сознанию свойственно стремиться к констатации характеристики, и поэтому, даже в речи о себе, говорящий предпочитает не смягчать речь, а подчеркнуть характеристику метафорой, которая категорична, в отличие от уклончивого сравнения. Так, о себе говорит Городничий: «Выжил, **глупый баран**, из ума!» (Гоголь Н. В. Ревизор, 1836).)

(Заметим в других скобках, что сохранение компаративной связки зачастую удерживается существованием расширенного варианта фразеологического компаратива; ср.: «Конечно, Федорка глупа и бежит на кержацкие песни, **как коза, вылупив очи**» (Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца, 1890); «Всё лучше, чем *ехать* вот так — **как овца на закланье!**» (Волос А. Дом у реки // Новый мир, 1998))

Существенное ограничение в отношении объекта сравнения, если он «хочет» стать объектом метафоры, следующее. Качественные имена не должны быть актуальными именами, и обращаться к родному отцу: **отец родной** не имеет смысла (или приводит к двойной метафоризации, к языковой игре). Так, основной компонент идиомы **как миленький** не может употребляться без компаративной связки без риска впасть в прямое значение в высказываниях: **поручить миленькому*; **миленький сделает* и т.п. Представляется, что сама возможность имен, выражающих объект сравнения, актуализироваться в речи, останавливает развитие многих фразеологических компаративов в сторону фразеологизмов-метафор, поскольку такое развитие может привести к «обнулению» не только сравнения, но и метафоры; ср.: **бежать как сумасшедший** — **сумасшедший бежит*; **заботиться как отец родной** — **отец родной заботится*; **жить как на курорте** — *жить на курорте; **сидеть как в гостях** — *сидеть в гостях; **одеться как жених** — *жених оделся и т. п.

Признак сравнения. Значимость признака сравнения как в структуре самого фразеологического компаратива, так и в ходе его превращения во фразеологизм-метафору трудно переоценить. Из-за обязательности выражения признака сравнения, или, наоборот, из-за **ограничений на невыражение признака сравнения** в русском языке остается и приумножается количество фразеологических компаративов. Перечислим эти ограничения.

Признак сравнения должен быть обязательно выражен (прямо или косвенно), если в нем выведено единичное действительное (или коннотативное) свойство объекта сравнения. Такой признак сравнения выражен в устойчивых (зачастую в одном или двух) словах-сопроводителях; ср.: **как утопленнику везти**; **как свинья в апельсинах разбираться**; **понимать**; **как чёрт ладана бояться**; **как чёрт от ладана бежать**, **шараться**; **как ртуть** 1. живой; 2. тяжелый.

Также фразеологический компаратив сохраняется и не превращается во фразеологизм-метафору, если признак сравнения выражен метафорическим словом и потому зачастую способен входить в структуру

фразеологизма как его полноправный образный компонент; ср.: **как в воду глядеть**; **глухо как в танке**; **вертеться как белка в колесе** и др. Эти фразеологические компаративы по своему промежуточному характеру, безусловно, выделяются в особый подкласс компаративов.

Фразеологический компаратив сохраняется и не превращается во фразеологизм-метафору, если его значение сильно «подрабатывается» разнообразной семантикой слов-сопроводителей, т. е. признаков слов. Такие фразеологизмы являются многозначными, и для понимания того или иного их значения требуется разъяснение в виде признакового слова. Иначе говоря, выражать признак сравнения необходимо для конкретизации референции субъекта и объекта сравнения; например, злой **как чёрт**, хитрый **как чёрт**; умный, ловкий **как чёрт**; голодный **как чёрт**; страшный **как чёрт**; красивый **как чёрт**; устал **как чёрт** и т. п. Докажем это, поставив признаковые слова в скобки; ср.: «Чем старше становилась Маничка, тем яснее видели все, что она — истинное горе семьи. (Ленива,) **как чёрт**. Пробовали в прогимназию отдать — куда там!» (Гиппиус З. Н. Легенда, 1896); «Я спать пойду. (Устал,) **как чёрт**... А у нас в Якутии, между прочим, уже день...» (Щербакова Г. Ах, Маня..., 2002). Без слов-сопроводителей смысл сказанного не ясен; признак сравнения входит, тем самым, в семантическую структуру фразеологического компаратива.

И последнее. При всей условности, даже абсурдности фразеологических образов, во фразеологизме-метафоре субъект и объект уподобления гораздо в большей степени совместимы, адекватны с логико-семантической точки зрения, чем во фразеологизме-сравнении, который в большей мере свободен и субъективен. Действительно, признак, приемлемый для сравнения, не выдерживает проверки тождеством. Ср.: **везёт как утопленнику** сказать можно, а отождествлять в метафоре невезучего человека с утопленником вряд ли получится: *Ну ты утопленник.

С другой стороны, «вместе с основанием сравнения метафора отказывается и от всех модификаторов. Метафора образна, но она не описывает частностей <...> отказ от мотивировок, объяснений, распространителей, развертывания „фона“ (тривиальных истин) и т. п. может быть компенсирован только единственностью и точностью выбора» [Арутюнова, 1998. С. 355].

Метафора — конечная остановка в развитии сравнения. Сравнение, менее ответственное за логику уподобления, чем метафора, при этом активно работает и осуществляет функцию типизатора — создает образы определенного типа человека, действий, ситуации и т. п. Именно в компаративах делается первый шаг по выявлению сущности тех или иных вещей и явлений окружающего мира; то, что признаком сравнения могут быть не основные, а ассоциативные или субъективные черты объекта сравнения, служит формированию новых коннотаций, развивая смысловое поле субъекта и объекта сравнения.

Фразеологический компаратив, будучи живой и подвижной сущностью, легко преобразуется в речи в другие конструкции. Важнейшая

часть фразеологического компаратива — выраженный признак сравнения — участвует в регулярном создании:

- 1) косвенного сравнения в конструкции родительного падежа с перифокусировкой признака сравнения в центр денотативно-обобщенного образа: *злой как чёрт — злость чёрта; ловкий как фокусник — ловкость фокусника* и т. п.;
- 2) косвенного сравнения в конструкции творительного падежа, где объект сравнения приобретает обстоятельственную функцию характеристики действия: *козлом скакать, рыбой в воде ощущать себя, белкой крутиться, глядеть именинником, вертеться волчком, выступать павой* и т. п.;
- 3) метафоры с функцией предикативной квалификации или эмотивной адресации: *черти рыжие, чёрт хромым, коза тупая, глупый баран; что ржёт, жеребцы* и т. п.;
- 4) предикативных метафор фраземного типа *злой, чёрт; не в лесу, чтоб так вести себя* и т. п.

Фразеологические компаративы, являясь мощным средством познавательной деятельности, не являются застывшей системой; они находятся в постоянном поиске подобий и движении к тождествам. Фразеологические компаративы — органика языка, не тяжелая, как ртуть, а как ртуть живая.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с. БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. 784 с.
- Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. 300 с.
- Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 608 с.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 05.03.2015).
- Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М.: Издательство УРСС, 2010. 192 с.
- Ушакова Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: МПГУ, 2005. 44 с.

REFERENCES

- Arutjunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Human's language and human's world]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, 896 p.
- BFSRIA — *Bol'shoi frazeologicheskii slovar'. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* [The great phraseological dictionary. Meaning. Use. Culturological commentary], ed. V.N. Teliia. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2014, 784 p.
- Lebedeva L.A. *Ustoichivye sravneniia russkogo iazyka. Kratkii tematicheskii slovar'* [Regular comparisons in the Russian language. Short thesaurus]. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet [Kouban State University], 2003, 300 p.

- Mokienko V.M. *Slovar' sravnenii russkogo iazyka* [Dictionary of Russian language comparisons]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2003, 608 p.
- NKRlA — *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 05.03.2015).
- Ogol'tsev V.M. *Ustoichivye sravneniia v sisteme russkoi frazeologii* [Regular comparisons in the Russian phraseology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2010, 192 p.
- Ushakova Iu.Iu. *Leksicheskaia napolniaemost' i strukturno-semanticheskie osobennosti komparativnykh tropov v russkom iazyke* [Lexical content and structure-semantic peculiarities of the comparative tropes in the Russian language]. *Extended abstract of PhD dissertation*. Moscow, MPGU [Moscow Pedagogical State University] Publ., 2005, 44 p.

Мария Львовна Ковшова

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт языкознания РАН

Maria Kovshova

Doctor of Philology, leading research associate
Institute of Linguistics, RAS

kovshova_maria@list.ru

С. Н. Кузнецов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОСЮР. СКРЫТАЯ ИСТОРИЯ СОСЮРИАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: Фердинанд де Соссюр, Рене де Соссюр, соссюрианская лингвистика, естественные языки, искусственные языки, скрытая система.

Статья имеет целью представить ряд новых положений и фактов, касающихся истории соссюрианской лингвистики. Автор статьи показывает, что у истоков этого лингвистического направления стоял не один Фердинанд де Соссюр, как это обычно считается, а два брата – Фердинанд и Рене. Второй из братьев, несправедливо преданный забвению, в некоторых важных пунктах является полноправным соавтором Фердинанда, генератором ряда идей и принципов, определивших облик соссюрианской лингвистики.

Sergei Kuznetsov

Moscow State University, Russia

UNKNOWN SAUSSURE: THE HIDDEN HISTORY OF SAUSSUREAN LINGUISTICS

Keywords: Ferdinand de Saussure, René de Saussure, Saussurean linguistics, natural languages, artificial languages, covert system.

The article aims to bring new facts and ideas about the history of Saussurean linguistics. It shows that it was originated not only by Ferdinand de Saussure but also by his brother René de Saussure. Unjustly buried in oblivion, the second brother, to a certain extent, can be regarded as a rightful co-author, creator of ideas and principles crucial to what is known as Saussurean linguistics.

История соссюрианской лингвистики изобилует белыми пятнами. Ныне, через сто лет после публикации «Курса общей лингвистики» (1916) Фердинанда де Соссюра, выражения типа «соссюрианская (или соссюровская) лингвистика», «соссюрианские термины», «соссюровские принципы» и пр. однозначно воспринимаются как указывающие именно на Фердинанда де Соссюра (1857–1913) и на те его идеи, которые были высказаны в посмертно изданном «Курсе». Однако в последние годы жизни Ф. де Соссюра (с 1910 по 1913 г.), и еще немало лет после его смерти, данные выражения, хотя и употреблялись, значили совсем иное: они относились к идеям и теориям, автором

которых был «другой Соссюр», не Фердинанд, а его младший брат Рене (1868–1943).

Этот и другие факты, излагаемые ниже, заставляют внести существенные коррективы в привычные представления о путях формирования соссюрианской лингвистики и об авторской атрибуции идей, традиционно (но иногда ошибочно) возводимых к концепциям Фердинанда де Соссюра. Автор статьи, основываясь на своих многолетних изысканиях, ставит перед собой задачу очертить творческий путь младшего из братьев (Рене) и установить причины и обстоятельства, побудившие Рене, математика по образованию, заняться языковыми вопросами, т. е. войти в научную сферу, общую со старшим братом. Соссюрианская лингвистика в период ее формирования и первоначального развития предстает как результат взаимодействия обоих братьев на общей теоретической основе.

Соссюровское языкознание в контексте эпохи

Жизнь и научная деятельность обоих братьев приходится на период неожиданных языковых новаций, к восприятию и истолкованию которых тогдашняя лингвистическая теория оказалась не готова. В 1879 г., когда старший из братьев, Фердинанд, дебютировал в научном мире со своим «Исследованием о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» [Saussure F. de, 1879], на языковой карте мира появился невиданный пришелец — искусственный язык волапюк. Автором его был немецкий католический священник И. М. Шлейер, не имевший никакого специально лингвистического образования. Профессиональные языковеды, воспитанные в духе преклонения перед стихийными силами, действующими в естественных языках, и перед «звуковыми законами» как отражениями этих сил, не удостоили новинку вниманием и, как оказалось, напрасно. Назвавшись «всемирным языком», волапюк (*volapük* — от видоизмененных английских слов *world* и *speak*) неожиданно превратился в сенсацию действительно мирового масштаба: сначала в Германии, а потом и повсюду в Европе стали создаваться волапюкские клубы и общества, издаваться волапюкские журналы, созываться конгрессы. Движение распространилось и на другие континенты, так что всего через десять лет, собравшись в Париже по случаю столетнего юбилея французской революции (1889), волапюкисты смогли провести свой третий всемирный конгресс, подтвердивший перед лицом научного сообщества, что невозможное стало возможным: искусственный язык превратился в язык действительного общения, не распавшись на диалекты под влиянием национальных языков (как предвещали лингвисты).

Правда, волапюк сошел со сцены почти так же быстро, как и появился, но это произошло совсем не по тем причинам, о которых говорили лингвисты. Последние исповедовали доктрину историзма, согласно которой язык есть порождение тысячелетних исторических процессов, и их невозможно заместить моментальным актом творения.

Оказалось же, что искусственный язык, не имеющий истории, так же способен реализоваться в общении, как и всякий естественный язык.

Волапюк преподавал урок догматическому языкознанию. Но он преподавал урок и создателям последующих проектов искусственных языков: можно не заботиться о прошлой истории языка, но надо обеспечить искусственному языку будущую историю, т. е. обеспечить его преемственность во времени, сохранность его при передаче от одного поколения к другому. Эту задачу лучше всего разрешил искусственный язык эсперанто, созданный в 1887 г. в Польше (входившей тогда в состав Российской империи) и надежно сохранивший себя до настоящего времени. В 1905 г. во Франции был проведен первый Всемирный конгресс эсперанто. Через 110 лет, в 2015 г., вновь во Франции, состоялся юбилейный 100-й Всемирный конгресс, убедительно подтвердивший жизнеспособность языка, некогда созданным искусственным путем.

Языки типа эсперанто ныне принято называть «плановыми» [Кузнецов, 1983; Кузнецов, 1990]. Для них характерно наличие трех признаков: 1) международность (представлены международным коллективом носителей), 2) искусственность (появились в результате сознательного творческого акта и имеют своего автора), 3) коммуникативная реализация (в отличие от проектов международных искусственных языков, не реализовавшихся в общении).

Появление класса плановых языков на рубеже XIX–XX вв. нанесло чувствительный удар по престижу тогдашней лингвистической науки, пытавшейся, вопреки очевидности, отрицать саму возможность создания и использования таких языков. В ответ стали возникать сомнения в базисных постулатах языкознания, исподволь подготовившие почву для его радикального обновления. Состоялось несколько громких дискуссий, в которых решительными сторонниками искусственных языков заявили себя Г. Шухардт, считавший, что создание такого языка есть одна из первоочередных задач языкознания, и И. А. Бодуэн де Куртенэ, воспользовавшийся дискуссией для ревизии целей и методов языкознания вообще [Baudouin de Courtenay, 1907] [Ахманова, Бокарев, 1956].

В апреле 1908 г. на страницах журнала «Revue critique d'histoire et de littérature» (№ 13. С. 241–246) выступили А. Мейе и М. Бреаль, полностью солидаризировавшиеся с позицией Бодуэна. Бреаль писал: «Первая услуга, которую оказал нам эсперанто, — то, что он заставил лингвистов... уяснить представление о языке вообще. Мы с радостью констатируем, что почти все отказались от старых теорий... о языке как продукте природы, о том, что между языками естественными и искусственными существуют коренные различия, что первые наделены всеми достоинствами..., а вторые, подобно гомункулусу Гёте, лишены способности к существованию...». Мейе, со своей стороны, также осудил скептическое отношение к искусственным языкам, которого безосновательно придерживается традиционное языкознание, и сослался (указ. журнал, с. 241) на авторитет ряда перворазрядных лингвистов

(linguistes de premier ordre), которые поддерживают идею таких языков. К числу таких лингвистов он отнес, помимо вышеназванных, также Отто Эсперсена и Фердинанда де Соссюра.

Надо полагать, А. Мейе, как ближайший сподвижник Ф. де Соссюра, имел основания причислять его к сторонникам искусственных языков. Свидетельство Мейе весьма важно, Ф. де Соссюр именно в это время начал читать лекции по общему языкознанию (1907–1911), которым предстояло превратиться в знаменитый «Курс» 1916 г. И если «перво-разрядные лингвисты» той эпохи признавали, что именно эсперанто заставил их «уяснить представление о языке вообще», то не следует удивляться, если в ткани соссюрианского языкознания неожиданно отразится скрытое влияние этого языка.

Вот разительный пример.

Автор эсперанто, варшавский окулист Л. Заменгоф (как и Шлейер — не лингвист) с момента публикации своего проекта был озабочен проблемой, как сохранить свое детище от попыток его произвольного реформирования. Всякий новый искусственный язык, представляемый вниманию общества, встречается с волной критики, которая, даже если она исходит из лучших побуждений (из стремления к улучшениям), может лишить язык жизнеспособности, любая реформа разрушает системную организацию языка и подрывает его коммуникативную реализацию. Однако противодействовать реформам путем простого запрета новшеств Заменгоф считал неприемлемым: в этом случае язык потерял бы способность к естественной эволюции и не смог бы приспособляться к меняющимся условиям коммуникации.

Нужно было, таким образом, совместить в конструкции эсперанто два противоположных свойства — сопротивляемость к реформам и допустимость эволюционных изменений. Заменгоф нашел выход: весь языковой материал, вошедший в первоначальный проект эсперанто, он объявил «неприкосновенной основой» языка (*netuŝebla fundamento*), которая не подлежит никаким изменениям, зато всякий носитель языка имеет право пополнять эту «неприкосновенную основу» собственными новшествами (неологизмами), которые смогут укрепиться в языке, если будут приняты другими говорящими. Таким образом эсперанто стал одновременно *неприкосновенным* и *изменяемым*. Этот принцип, названный принципом фундаментализма, был официально одобрен первым Всемирным конгрессом эсперанто в 1905 г.

Какое отношение это имеет к соссюровской лингвистике? Как известно, вскоре после этих событий, а именно в конце 1906 г. Ф. де Соссюр занял кафедру общего языкознания в Женевском университете и с начала 1907 г. стал читать упомянутый курс общего языкознания для студентов. Он читал его трижды (последний раз в 1911 г.), но не опубликовал своих лекций в виде книги. После смерти Ф. де Соссюра (1913) двое известных лингвистов, считавших себя учениками Ф. де Соссюра, Шарль Балли и Альбер Сеше обработали конспекты лекций, составленные студентами Ф. де Соссюра, и на их основе издали в 1916 г. от лица покойного автора «Курс общей линг-

вистики», которому было суждено обновить языкознание и направить его развитие по новому руслу.

Многое в этом «Курсе» было непривычно для лингвистов, особенно традиционной школы, многое вызывало сомнение. Особое неприятие вызывали те места «Курса», где Ф. де Соссюр трактует знаки языка одновременно как изменчивые, и неизменные: «можно говорить одновременно как о неизменчивости языкового знака, так и о изменчивости его» [Соссюр, 1977. С. 107]. Как бы в извинение своему учителю, Балли и Сеше дают такой комментарий: «Было бы несправедливо упрекать Ф. де Соссюра в нелогичности или парадоксальности в связи с тем, что он приписывает языку два противоречивых качества. Противопоставлением двух антонимичных терминов он лишь хотел резче подчеркнуть ту истину, что язык изменяется, а говорящие на нем изменить его не могут. Эту же мысль можно было бы выразить иначе: язык неприкосновенен (*intangible*), но не неизменяем (*inaltérable*)» [Там же. С. 272].

Этот комментарий можно с равным основанием применить как для характеристики соссюровского «Курса», так и для характеристики того принципа фундаментализма, который был заложен Заменгофом в устройство эсперанто. Не послужил ли эсперанто той теоретической моделью, которая подсказала Ф. де Соссюру обобщающую формулу, описывающую эволюцию любого языка во времени — естественного или искусственного? И не стоит ли воздать Заменгофу должное за то, что он фактически предвосхитил один из важнейших тезисов соссюровской теории (и на этой основе обеспечил языку эсперанто возможность стабильного существования и развития)?

Поразительное сходство концепций Л. Заменгофа и Ф. де Соссюра вряд ли можно приписать случайному совпадению, особенно с учетом их хронологической близости. Но как могла осуществиться подобная трансляция идей, если Ф. де Соссюр никогда, насколько известно, не вступал в контакт с создателем эсперанто и не принадлежал к сообществу сторонников этого языка? Между тем в предположении о теоретическом родстве двух названных концепций нет ничего невероятного. Дело в том, что Л. Заменгоф и Ф. де Соссюр неожиданным образом оказались связаны через посредствующее лицо. Этим лицом и был Рене де Соссюр, младший брат Фердинанда.

Жизнь и деятельность Рене де Соссюра

Род Соссюров известен как ученая династия, представители которой тяготели преимущественно к естественным наукам. Фердинанд де Соссюр изменил этой традиции, избрав своей профессией языкознание. Рене де Соссюр в начале творческого пути оставался верен родовым традициям и стал математиком, причем весьма даровитым и заслужившим признание в этой области. Однако в его жизни настанет минута, когда он в возрасте 38 лет решительно шагнет в иную профессиональную сферу и станет плечом к плечу с Фердинандом. Если

научная деятельность Фердинанда приведет к обновлению традиционного языкознания, то Рене выстроит рядом с этим обновленным языкознанием собственную языковедческую теорию, которая многими зримыми и незримыми нитями будет связана с теорией Фердинанда. И толчком, который побудит Рене столь круто изменить свою жизнь, будет все тот же эсперанто¹.

Рене де Сосюр родился 17 марта 1868 г. в Женеве. Образование он получил во Франции, окончив в 1886 г. гимназию Сент-Барн (Sainte-Barne) в Париже. Затем он поступил там же в Политехническую школу (École Polytechnique), а по окончании ее переехал в США, где поступил в частный университет Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University) в Балтиморе. Профессией Рене стала геометрия. В 1894 г. он защитил диссертацию на тему «О порождении кривых движением» (в источниках она приводится под французским названием “Sur la génération des courbes par roulement”) и получил ученую степень (Ph.D.) по математике. В 1895 г. диссертация была издана в Женеве на французском языке. В том же году Рене получил должность доцента (associate professor) в Католическом университете (Catholic University) в Вашингтоне, где преподавал математику до 1898 г. Рене занимался фундаментальной и прикладной математикой, публиковал результаты своих исследований в ведущих математических журналах США и Европы. Известность ему принесли статьи «Принципы новой линейной геометрии» (Principles of a New Line Geometry, 1897) и «Геометрия жидкостей в движении» (The Geometry of Fluids in Motion, 1898).

В США Рене женился на Катрин Амели Морис (Catherine Amélie Maurice, 1874–1899). Она умерла в родах. Сына Жана удалось спасти. В апреле 1899 г. Рене вернулся в Швейцарию, оставив сына в США на попечение родственников.

В 1904 г. Рене стал приват-доцентом математики в Женевском университете, где с 1896 г. работал профессором его старший брат Фердинанд. Братья, постоянно переписывавшиеся на научные темы в период пребывания Рене в США, теперь получили возможность постоянного живого общения. Учитывая нижеизлагаемые факты, можно с уверенностью считать, что их tandem стал своего рода лабораторией по выработке общего научного мировоззрения.

После смерти старшего брата (1913) Рене не остался в Женеве и переехал в Берн, где стал преподавать геометрию в Бернском университете.

Резкое изменение в профессиональной деятельности Рене, о котором мы говорили выше, случилось при следующих обстоятельствах [Künzli, 2001]. За первым Всемирным конгрессом эсперанто, проведенным в 1905 г. во Франции (Булонь-сюр-Мер), последовал в 1906 г. второй конгресс. Его решили провести в Женеве, в помещениях того

¹ Один из братьев Фердинанда и Рене, а именно Леопольд (1866–1925), также избрал для себя профессию языковеда, но его путь лежал особняком: он стал специалистом по вьетнамскому и китайскому языкам, а также по древнекитайской астрономии.

самого университета, где работали Фердинанд и Рене де Соссюры. Фердинанд, как языковед, чутко реагирующий на все изменения в мире языков, очень интересовался конгрессом, но стеснялся показать свой интерес перед лицом студентов и сослуживцев-филологов, многим из которых по-прежнему претила мысль об искусственном языке. Но среди математиков и естественников этого отчуждения не было, и Фердинанд уговорил Рене пойти на конгресс вместо него. Во вторник 28 августа 1906 г. Рене отправился на торжественное открытие конгресса в качестве тайного посланца своего старшего брата. Пять дней спустя, в воскресенье 2 сентября Рене покинул заключительное заседание конгресса убежденным эсперантистом, готовым жертвовать временем и деньгами ради конечной победы международного языка (*fina venko de la Lingvo Internacia*).

Журнал «Швейцарский эсперантист» (*Svisa Esperantisto*. 1907. № 2. Рр. 13–14) сообщал, что 31 августа в рамках Женевского конгресса под председательством французского генерала Ипполита Себера (*Hippolyte Sébert*) состоялось собрание, на котором было принято решение о подготовке к созданию международной ассоциации ученых-эсперантистов. Присутствовавший на собрании Рене де Соссюр тут же предложил организовать на собственные средства постоянное бюро в Женеве и принял на себя функции его директора.

С этого момента для Р. де Соссюра началась новая жизнь. Он за две недели овладевает языком эсперанто и погружается в кипучую организационную и научную деятельность. Он основывает и финансирует научные журналы на эсперанто, организует собрания, избирается в Академию эсперанто, без конца печатает статьи и брошюры, где разбирает языковые вопросы с жаром неопита и строгостью математика. В своих публикациях он выказывает себя тонким аналитиком, несколько не уступающим профессиональным лингвистам в этой, казалось бы, чуждой для него области. Впрочем, он далеко выходит за пределы языкознания, показывая, что международный язык для него — только один из путей, ведущих к построению всемирной цивилизации. Он ратует также за всемирный календарь, единую систему мер и весов, изобретает мировую валюту...

И наконец — он берет на себя труд спасти язык эсперанто, когда в движении эсперантистов разражается внутренний кризис.

Идо — Антидо

Практика социального применения искусственных языков показала, что каждое отдельное движение, связанное с тем или иным языком, переживает в период своего формирования «болезнь адаптации к обществу»: как бы ни было трудно ввести язык в социальное употребление, этого оказывается недостаточно; требуется еще и удержать молодое движение от безудержных реформаторских устремлений отдельных его членов, желающих «улучшить» язык по собственному разумению. Некоторые из таких реформ могут иметь рациональное зерно,

показывая пути действительного улучшения языка и исправления его недостатков, но зато другие могут лишь испортить язык, а все они создают в движении обстановку языкового разброда и постоянных споров не по поводу применения языка для тех или иных общественных нужд, а по поводу деталей его внутреннего устройства. Движение погружается в своеобразный лингвистический «нарциссизм», когда использование языка сводится к обсуждению самого этого языка, и по исчерпанию этой темы или при явном разномыслии адептов движение распадается.

Период с 1898 по 1905 г. в истории эсперанто известен под названием «французского». Центр движения перемещается из России во Францию отчасти в силу все большего распространения языка за пределы его первоначальных границ, отчасти же из-за того, что деятельность российских эсперантистов испытывала постоянные притеснения со стороны царской цензуры. Лидер французских эсперантистов Л. де Бофрон развернул активную пропагандистскую деятельность и вовлек в ряды сторонников эсперанто то «блестящее общество», которым не могли похвастаться российские эсперантисты, принадлежавшие большей частью к разночинной интеллигенции. Во Франции к эсперанто стали примыкать профессора университетов и лицеев, ученые, коммерсанты, государственные деятели и военные чины. Все эти представители светских кругов, собравшиеся вокруг эсперанто, имели, несомненно, возможность ускорить общественное принятие идеи международного языка, но по большей части были плохо знакомы с самим языком, не имели достаточной практики его использования и не усвоили уже сформировавшихся традиций движения эсперанто.

Эта общественная среда выражала стремление к скорейшей официализации международного вспомогательного языка, и именно с этой целью в 1900 г. в Париже была образована Делегация для принятия международного вспомогательного языка. Активнейшими деятелями и фактическими руководителями Делегации стали двое известных французских ученых — философ и логик Луи Кутюра и математик Леопольд Ло.

К Делегации примкнули выдающиеся ученые многих стран, в том числе немецкий физико-химик (родом из Остзейских губерний России) Вильгельм Оствальд, датский языковед О. Есперсен, русско-польский языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.

На протяжении 1900–1907 гг. Делегация развернула активную пропаганду международного языка как во Франции, так и в других странах, получив поддержку ученого и делового мира, многочисленных обществ. Цель Делегации состояла в том, чтобы привлечь международную ассоциацию академий к выбору одного из существующих проектов искусственного языка. Однако после того, как ассоциация посчитала себя некомпетентной решать этот вопрос, уже от имени Делегации был создан международный комитет, ему и было поручено произвести соответствующий выбор. Комитет, которым руководили

все те же Л. Кутюра и Л. Ло и куда вошли, в частности, О. Есперсен и И. А. Бодуэн де Куртенз, а также представитель Заменгофа и движения эсперантистов Л. де Бофрон, принял неожиданное решение, которое никого не смогло удовлетворить и перессорило всех со всеми: консерваторов с реформистами, «светских» сторонников международного языка с его «идейными» приверженцами, теоретиков с практиками. Это решение сводилось к одобрению эсперанто, но при условии внесения в него ряда изменений, предложенных в неожиданно появившемся новом проекте, который в знак преемственности с эсперанто был назван *идо* (на эсперанто *ido* означает «потомок»). В основу проекта легли реформистские идеи Л. Кутюра, дополненные предложениями В. Оствальда и О. Есперсена.

Впрочем, эсперанто к этому времени уже научился себя защищать собственными достижениями и массовостью своих сторонников. В 1907 г., когда комитет заседал в Париже, эсперанто имел за плечами уже двадцатилетнюю историю и представлял собой реально функционирующий язык со своей литературой и энергичными сторонниками во многих странах мира. Основная масса эсперантистов, вдохновляемая принципом фундаментализма, отвергла реформы в целом. Реформистам не осталось ничего иного, кроме как объединиться вокруг проекта *идо*, который выступал под флагом постоянного совершенствования.

Конфликт эсперанто и *идо* замедлил поступательное развитие эсперантского движения, но зато чрезвычайно ускорил эволюцию теории международного языка. Идеологов реформизма объединяла общая черта — стремление строить искусственный язык на началах строгой логичности, в то время как эсперанто требовал прежде всего практической целесообразности (эмпиричности). Логическое направление поддержали своим авторитетом и теоретическими выступлениями как сам Л. Кутюра, разработавший правила словообразования в *идо*, так и многие известные ученые, раньше высказывавшиеся в пользу эсперанто. Эмпирическое направление (эсперанто) под натиском реформаторов ушло в глухую оборону и поначалу не смогло представить весомых аргументов в свою защиту.

Положение стало меняться в 1910 г., когда языку *идо* нашелся достойный оппонент — Рене де Соссюр, принявший в этой полемике «говорящий» псевдоним Антидо. В противоположность Л. Заменгофу, *сконструировавшему* эсперанто и определившему пути его дальнейшего развития, в противоположность Л. Кутюра, подвергнутому проект Заменгофа критике и *сконструировавшему* новый язык (*идо*) на базе логической деривации, Р. де Соссюр повернул дело в иную плоскость: он подверг анализу реальное употребление эсперанто в речи его носителей и попытался определить, каков этот язык в действительности. Тем самым в дополнение к старой *теории лингвоконструирования*, существовавшей со времен Декарта, появилась новая *теория функционирования* искусственного языка в реальной коммуникации. Иными словами, Рене де Соссюр подошел к искусственному языку с теми же

мерками, с какими языковеды издавна подходили к естественным языкам. Это был радикально новый поворот в развитии теории искусственного языка, превративший ее в новую лингвистическую дисциплину под названием *интерлингвистики*. Базой интерлингвистики стала *эсперантология*, которую по справедливости считают персональным порождением Р. де Соссюра.

Но не только в этом состоит значение работ Р. де Соссюра. На материале эсперанто Р. де Соссюр развернул теорию, исходящую из тех же посылок, что и идеи его брата Фердинанда, которые со временем привели к построению структуральной лингвистики. Это означает, что эсперантология с момента своего возникновения стала развиваться не только как отрасль языкознания, но и как ответвление именно лингвистического структурализма². Парадокс состоит в том, что это «ответвление» появилось на свет раньше основного «ствола», ибо соответствующие работы Рене де Соссюра хронологически предшествуют публикации «Курса» Фердинанда де Соссюра. Таким образом, в 1910 г. родилась не просто эсперантология, а *структуральная эсперантология*.

Здесь мы встречаемся еще с одним парадоксом: историки языкознания, немало потрудившиеся на ниве соссюрианства и исследовавшие все сколько-нибудь заметные нити, ведущие к Фердинанду де Соссюру от его предшественников и современников, по-видимому, даже не осознают, что вне их внимания до сих пор остается вся «вторая половина» соссюрианства, притом наиболее тесно связанная с ее «первой половиной», иначе говоря, труды Рене де Соссюра. Частично это объясняется, может быть, «языковым барьером», разделившим обоих братьев Соссюров: труды Рене де Соссюра, написанные по-французски (среди них есть и тот, который дал начало структуральной эсперантологии), выходили в свет *до* появления «Курса» — и остались незамечены французскими языковедами; что же касается работ, которые Рене де Соссюр публиковал *после* издания «Курса», то их он писал преимущественно на эсперанто и различных изобретенных им искусственных языках, которые не имели доступа к публике вне движения за международный язык.

Математик и логик в дискуссии о языке

Противником идо Р. де Соссюр осознал себя сразу же после появления этого проекта искусственного языка; в том же 1907 г., когда появился идо, возник и Антидо: Р. де Соссюр опубликовал книгу, в которой возражал против некоторых реформ эсперанто в области орфографии и грамматики. Взамен Р. де Соссюр выдвинул компромиссный проект реформ, теоретически достаточно бесцветный, но уже отличавшийся некоторыми приметами будущего структурализма.

² То же отмечает К. Шуберт, см.: [Schubert, 1989. P. 250].

Следует, впрочем, уточнить понимание термина «структурализм» в применении к теории искусственных языков. Важнейшей особенностью структурализма является положение о примате **системы** над составляющими ее **элементами**: структуралист старается постичь **структуру целого** и уже на этой основе определить статус **составных элементов**. При анализе естественных языков это дается нелегко, там в поле зрения исследователя попадают сначала отдельные элементы, а понимание целого складывается позднее. Требуется сознательное усилие и осознанный методологический подход, чтобы не ограничиться первой частью анализа, т. е. описанием элементов, и перейти от них к осознанию целого (что может изменить и трактовку самих элементов). Исследователь, работающий с естественными языками, самым материалом подталкивается к стихийному **атомизму**, а зачастую и остается на этой стадии описания. Атомизм сосредотачивает все внимание на элементах (в ущерб целому), и в этом смысле противоположен структурализму.

Иное дело в области искусственных языков. Создатель проекта такого языка начинает с того, чем кончает теоретик естественного языка: перед автором искусственного языка вырисовывается сначала **система**, а уже после нее — отдельные **элементы**. Поэтому конструктор искусственного языка является стихийным **структуралистом**, даже если он и понятия не имеет о различии между атомарным и структуральным подходом к языку. Интересное подтверждение этому дает уже история создания волапюка, как она предстает в воспоминаниях И. М. Шлейера: в одну бессонную ночь, говорит автор этого языка, «добрый гений подсказал ему разом всю систему всемирного языка волапюк» [Schleyer, 1888]. День, последовавший за этой бессонной ночью (31 марта 1879 г.), считается «днем рождения» волапюка. На самом деле в этот момент родился еще не сам язык, а его общая схема, или, по точному выражению Шлейера, **система** языка; ей еще только предстояло обрасти конкретными элементами. По мере этого постепенного обрастания волапюк первым в истории испытал диахронический процесс особого рода: превращение абстрактной системы в действующее коммуникативное устройство (плановый язык).

Таким образом, в теории искусственных языков зачатки стихийного структурализма существовали всегда; возникновение же структурализма как исследовательского метода следует здесь связывать не с разработкой систем искусственных языков, а с осознанием того, что помимо **явной системы**, заданной автором искусственного языка, социальное употребление языка создает в дополнение к ней **скрытую систему**, которая является результатом **самоупорядочения** языка в процессе коммуникации. К подобному сдвигу как раз и вели исследования Рене де Соссюра, хотя сам он в ту доструктуральную эпоху, конечно, не осознавал истинной значимости полученных им результатов.

О чем шла речь в лингвистической дискуссии между математиком (Р. де Соссюр) и логиком (Л. Кутюра)?

В конструкции языка эсперанто чрезвычайную значимость имеет словообразование. Л. Заменгоф строил свой авторский проект на основе предельной минимализации исходных языковых средств: в грамматике эсперанто всего 16 простых правил, в базовом словаре — несколько сотен корней и несколько десятков префиксов и суффиксов. Для полноценной коммуникации этого лексического минимума явно недостаточно, поэтому всякий эсперантист должен был в общении с другими эсперантистами до с о з д а в а т ь словарь эсперанто до нужного ему объема. Это делается путем экстенсивного использования словообразования: из лексического минимума в несколько сотен элементов в процессе использования эсперанто были образованы тысячи и десятки тысяч производных слов, составивших весь лексический запас эсперанто. Вот против этого важнейшего механизма пополнения эсперантского словаря Л. Кутюра и направляет свою критику.

Из каких посылок исходил Л. Кутюра, критикуя словообразование эсперанто? Он не выступает против тех или иных теоретических положений Л. Заменгофа, ибо их попросту не было: Заменгоф не предложил какой-либо теории словообразования, предоставив языковой практике самой решать возникающие проблемы «методом проб и ошибок». Кутюра не приемлет такой подход, считая, что необходимо выработать особые «правила словообразования», ибо без них, по его мнению, в языке утверждается хаос.

В подтверждение он приводит словообразовательные пары слов, в которых, по его мнению, нарушена симметрия формы и содержания: *dormo* — *dormi* 'сон — спать', *krono* — *kroni* 'корона — короновать', *martelo* — *marteli* 'молоток — молотить, бить молотком' (здесь -o — окончание существительных, а -i — окончание глагола в инфинитиве). В первой паре существительное и глагол означают «имя действия и действие», во второй паре — «предмет и наделение предметом», в третьей паре — «инструмент и действие посредством инструмента». Взамен этой «нелогичной» процедуры Л. Кутюра предлагает тщательно продуманную систему, в которой всякий дополнительно появляющийся смысловой оттенок всегда выражается соответствующим аффиксом: *kronizar* 'наделять короной, короновать', *martelagar* 'действовать молотком, молотить', а там, где существительное и инфинитив различаются одними окончаниями, всегда соблюдается семантическое соотношение «имя действия — действие»: *dormo* — *dormar* 'сон — спать'. Аналогично в парах *kronizo* — *kronizar* 'коронация — короновать', *martelago* — *martelagar* 'действие молотком, молотба — действовать молотком, молотить' (эсперантскому -i в идею соответствует -ar).

Напротив, Рене де Соссюр не стремится исправлять «нелогичности» эсперантского словообразования. Он ставит перед собой задачу установить, каково это словообразование на самом деле, и вывести те или иные закономерности из языковой практики. При этом оказывается, что в эсперанто существуют с к р ы т ы е закономерности, не предусмотренные первоначальным проектом Заменгофа, но сформировавшиеся в процессе социального использования языка. Р. де Соссюр

формулирует эти закономерности в виде принципов «необходимости и достаточности», которые, по его мнению, позволяют обходиться без специальных «правил словообразования» в духе Кутюра. Так, эсперантские корни, как оказалось, ведут себя по-разному в зависимости от своей семантики: Р. де Соссюр выделяет субстантивные, адъективные и глагольные корни, причем использование конкретизирующих аффиксов, предложенных Кутюра, Соссюр считает излишним. Так, в слове 'короновать' вполне можно обойтись субстантивным корнем *kron* и глагольным окончанием *i*, которые в сочетании друг с другом дают нужное значение 'наделять короной' (суффикс *iz*, а равно *ag* и *pr*. в этих словах избыточен).

Говоря современным терминологическим языком, Р. де Соссюр продемонстрировал, что искусственному языку свойственно с а м о у п о р я д о ч и в а т ь себя в процессе употребления и что системность («логичность») нельзя навязать языку извне, она устанавливается спонтанно, как необходимое языку свойство, в процессе его социального употребления.

В этом и состоит общелингвистическое значение полемики Л. Кутюра и Р. де Соссюра, показавшей реальное содержание понятий «системности» и «логичности» в применении к языку. Спор обоих теоретиков перешел далее в практическую плоскость, ибо судьба обоих курировавших друг с другом проектов искусственных языков — эсперанто и идо — решалась в конечном счете не на страницах научных журналов, а в реальной коммуникативной среде, использовавшей тот и другой проект.

Вплоть до Первой мировой войны движение идо носило ярко выраженный «верхушечный» характер: к нему присоединилось большинство «светских» сторонников международного языка, которые могли сделать ему рекламу, но мало пользовались им практически. Наоборот, вокруг эсперанто группировались по большей части «практики», которые постоянно поддерживали живое употребление языка, умножали его литературу, развивали новые жанры и стили, и в конечном счете обеспечили стабильное существование эсперанто. В 1920-е гг. оба языка испытали приток новых сил, ибо к движению пришли «пролетарские» эсперантисты и идисты. Но это пополнение, живительное для эсперанто, оказалось едва ли не смертельным для идо, потому что логическая изощренность этого языка, которую можно было еще культивировать в условиях спорадического применения в кругах интеллектуальной элиты, с трудом усваивалась неискушенной в лингвистических тонкостях демократической публикой. К концу 1920-х гг. движение идо окончательно потеряло массовый характер; от него остались лишь небольшие общества, действующие в той или другой стране, издающие кое-где бюллетени и журналы, но постоянно испытывающие нехватку новых кадров.

Крах логического языка весьма поучителен; не кто иной, как сам Л. Кутюра, писал в начале века, что язык, требующий «логического анализа всех наших понятий», нежизнеспособен, потому что «такой

анализ мог бы только стеснять мысль, если бы был необходимым условием ее выражения». Удивительно, что Кутюра не внял собственным предостережениям. Судьба идо доказала, однако, что положение о невозможности языка, основанного на «логическом анализе всех наших понятий», является универсальным. Кутюра, погибший в дорожной аварии в день начала Первой мировой войны (1914), так и не узнал, что неуспех идо был предсказан им же самим.

Впрочем, к Антидо (Р. де Соссюру) судьба также не была особенно милостива. Потеряв своего антагониста в лице Кутюра, Рене утратил и необходимость защищать эсперанто. Изумленные эсперантисты стали вдруг наблюдать, как Антидо мало-помалу превращается в Идо: из-под пера Р. де Соссюра стали появляться отвергавшиеся им ранее проекты реформ в эсперанто. Небезынтересные с теоретической точки зрения (поскольку в них варьировались разные подходы к систематизации эсперанто), они шли вразрез с основной линией прежних теоретических выступлений Р. де Соссюра.

Оставленный всеми сторонниками, Рене де Соссюр умер в полной безвестности 2 декабря 1943 г. в Берне. Когда Туллио ди Мауро готовил комментированное издание «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и перечислял членов его семьи, он не смог даже установить даты смерти некогда знаменитого Антидо [Saussure F. de, 1967; 1995. Р. 321]. То же повторилось и в России при издании трудов Ф. де Соссюра на русском языке [Соссюр, 1977. С. 651]: из всех упомянутых в этой работе родственников Фердинанда лишь Рене остался с вопросительным знаком вместо даты смерти.

Соссюрианская парадигма в лингвистике

Можно ли рассматривать соссюрианскую лингвистику как единое целое или же нужно считать братьев Соссюров авторами двух сопрягающихся, но различных теорий?

Автор настоящей статьи глубоко убежден в том, что соссюрианская лингвистика едина в обеих своих авторских частях, поскольку обе части, хотя и исходят от двух разных лиц — Фердинанда и Рене де Соссюров — оказываются между собой в отношениях дополнительной дистрибуции: Фердинанд рассматривает мир естественных языков, а Рене — новый, только что создавшийся мир искусственных языков. Само по себе это еще не создает единства двух авторов. О единстве их можно говорить только в том случае, если они стоят на общем теоретическом фундаменте и между ними происходит идейный обмен, консолидирующий их идеи в единый комплекс. Из такого комплекса невозможно изъять вклад одного автора, не нанося ущерба вкладу другого автора.

Так ли обстоит дело с лингвистикой братьев Соссюров? Может ли существовать адекватная теория естественных языков в отрыве от теории искусственных языков? Иными словами, может ли лингвистика Фердинанда существовать без лингвистики Рене? Завзятым

соссюрианцам (к которым отчасти принадлежит и автор настоящей статьи) этот вопрос вряд ли покажется уместным, ведь для понимания идей Фердинанда, заложенных в его «Курсе», до сих пор не требовалось дополнительное знакомство с идеями Рене. И однако я берусь утверждать, что теория естественных языков, взятая сама по себе, без теории искусственных языков, окажется принципиально дефектной, не способной решить важнейший вопрос языкознания.

Что это за вопрос?

Долгое время считалось, что важнейшим вопросом лингвистики является вопрос о сущности языка и что ответ на это вопрос был найден в тезисе Ф. де Соссюра о том, что язык есть «система знаков». Однако это только половина проблемы. Недостаточно утверждать, что язык есть система знаков. Необходимо указать причины, почему одна система знаков «работает» (например, эсперанто), а другая, на внешний взгляд почти совершенно такая же (например, идо), оказывается неработоспособной. Этот вопрос не разрешим на материале естественных языков, потому что всякий естественный язык, т. е. язык, используемый или использовавшийся в человеческом коллективе, уже заведомо является работоспособным, т. е. коммуникативно пригодным.

И только теория искусственных языков постоянно сталкивается с тем обстоятельством, что такие языки, хотя все они являются «языками» в смысле Ф. де Соссюра, т. е. «системами знаков», по большей части не могут преодолеть коммуникативный барьер и не становятся средством реального общения. Те немногие искусственные языки, которые указанный барьер преодолевают, становятся языками в собственном смысле слова — «меняющимися, но неприкосновенными», а значит, в них развиваются спонтанные процессы наподобие тех, которые изучал Р. де Соссюр на примере эсперанто.

Поэтому только на основе синтеза двух соссюрианских лингвистик — лингвистики Ф. де Соссюра и лингвистики Р. де Соссюра — можно поставить и разрешить кардинальный вопрос языкознания: что именно делает «систему знаков» коммуникативно пригодной, т. е. языком в собственном смысле слова.

Мы полагаем поэтому, что лингвистика Фердинанда де Соссюра, обращенная преимущественно на естественные языки, и лингвистика Рене де Соссюра, обращенная на искусственные языки, неизбежно сливаются в рамках общей соссюровской парадигмы, которая имеет шанс, через сто лет после публикации «Курса общей лингвистики», обновить свой творческий потенциал.

Основные лингвистические публикации Рене де Соссюра

[Saussure R. de] Antido. Grammaire élémentaire de la Langue internationale avec recueil d'exercices. Elementala gramatiko de la Lingvo internaciona kun exercaro. Genève: Imprimerie W. Kundig & Fils, 1907. 40 p.

- [Saussure R. de] Antido. La construction logique des mots en Espéranto. Réponse à des critiques. Suivie de propositions à l'Académie Espérantiste. Genève: Universala Esperantia Libreo, 1910. 84 p.
- [Saussure R. de] Antido. La logika bazo de vortfarado en Esperanto. Propono al la Akademio Esperantista okaze de la Sesa Universala Kongreso de Esperanto en Washington 1910. Genève: Universala Esperantia Librejo, 1910. 12 p.
- [Saussure R. de] Teoria ekzameno de la lingvo Esperanto kun fonetika internacia alfabeto sen supersignon sistemo Antido No 2. Gramatiko, ekzercaro kaj krestomatio. Genève: Librejo Kundig, 127 p.
- [Saussure R. de] Resumo de la teorio de Antido kun lingvaj kritikoj kaj klarigoj de konataj esperantistoj kaj idistoj. Genève: Universala Esperantia Librejo, 1910. 53 p.
- Saussure R. de. Principes logiques de la formation des mots. Genève, 1911. 122 p.
- Saussure R. de. Réplique au compte rendu officiel des travaux du Comité de la Délégation pour l'adoption d'une langue internationale. [Genève: Pres. Kundig, 1911.] 20 p.
- [Saussure R. de] Antido. Konkurso. Kia estas la logika senco de l'vorto "grando"? <S.l.>, 1911. 8 p.
- Saussure R. de (Antido). La vort-teorio en Esperanto. Dediĉita al Dro Zamenhof kaj al la Akademio Esperantista okaze la Deko Kongreso en Parizo 1914. Genève, <1914>. 2+79 p.
- Saussure R. de. Fundamentaj Reguloj de la Vort-teorio en Esperanto. Raporto al la Akademio Esperantista. Bern: Presejo Büchler & Ko., 1915. 40 p.
- [Saussure R. de] Antido. Projekto de praktika skribo por la lingvo internacia. <Bern, 1916>. 16 p.
- Saussure R. de. La Vort-Strukturo en Esperanto. Raporto al la Esperanta Akademio (Bern, la 1an de decembro 1916). Aldono al "Esperanto", decembro 1916. 20 p.
- Saussure, R. de. Les "tares" de l'Espéranto. Troisième édition. <S.l., 1918>. 16 p.
- Saussure R. de. La structure logique des mots dans les langues naturelles, considérée au point de vue de son application aux langues artificielle. Berne: Imprimerie Büchler & Cie, 1918; <на обл.:> Librairie A.Lefilleul, 1919. 68 p.
- [Saussure R. de] Antido. Fundamento de la lingvo "Esperantido". Nova formo de la Lingvo Internacia "Esperanto". Bern: Preserio Buchler, 1919. 83 p.
- [Saussure R. de] Fundamento de la Internacia Lingvo Esperantida, revizita k. aprovida da la Esperantida Akademio. Bern, 1919. 68 p.
- [Saussure R. de] Antido. Fundamenta krestomatia de la internacia lingvo Nov-Esperanto. Bern, 1925. 32 p.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С., Бокарев Е. А. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 65–78.
- Кузнецов С. Н. Принципы теоретического описания планового языка // Теория и история международного языка. Тарту, 1983. (Interlinguistica Tartuensia, 2. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 644). С. 42–64.
- Кузнецов С. Н. Интерлингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Наука, 1990.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
- Baudouin de Courtenay J. Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen // Annalen der Naturphilosophie, Bd. 6, Leipzig, 1907, S. 385–433; отд. изд.: Leipzig, 1908; переизд.: Plansprachen. Darmstadt, 1976. S. 59–110.

- Couturat L. *Histoire de la Langue Universelle*. Paris: Hachette, 1903. XXX, 576 p.
- Couturat L. *Pour la langue internationale*. Paris: P. Brodard, 1906. 32 p.
- Jespersen O. *An international language*. London: Allen & Unwin, 1928.
- Künzli A. René de Saussure (1868–1943). Tragika sed grava esperantologo kaj interlingvisto el Svislando // *Studoj pri Interlingvistiko*. *Studien zur Interlinguistik*. Festlibro omaĝe al la 60-jariĝo de Detlev Blanke. *Festschrift für Detlev Blanke zum 60. Geburtstag*. Kava-Pech, Dobřichovice, 2001.
- Saussure F. de. *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*. Leipsick: Teubner, 1879. 303 p.
- Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. Édition critique préparée par Tullio de Mauro. Paris, Payot & Rivages, 1995 (комментарии Туллио де Майро сопровождают издание «Курса» с 1967 г.)
- Schleyer J.M. Wie kam der Erfinder der Weltsprache zur Idee seiner Erfindung? // *Rund um die Welt*. 1888. N°N° 1–2.
- Schubert K. (ed., in collaboration with D. Maxwell). *Interlinguistics — aspects of the science of planned languages*. Berlin; New York, 1989. X, 348 p.
- Zamenhof L. *Fundamento de Esperanto*. Marmand, *Esperantaj Francaj Eldonoj*, 1963. 356 p.

REFERENCES

- Akhmanova O.S., Bokarev E.A. Mezhdunarodnyi vspomogatel'nyi iazyk kak lingvističeskaja problema [International auxiliary language as a linguistic problem]. *Voprosy iazykoznanija* [Issues of linguistics], 1956, no. 6, pp. 65–78.
- Kuznetsov S.N. Printsipy teoretičeskogo opisaniia planovogo iazyka [Principles of theoretical description of the planned language]. *Teoriia i istoriia mezhdunarodnogo iazyka* [Theory and history of international language], *Interlinguistica Tartuensis*, 2. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Transactions of the Tartu State University], vol. 644, Tartu, 1983, pp. 42–64.
- Kuznetsov S.N. Interlingvistika [Interlinguistics]. *Lingvističeskii entsiklopedičeskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1990.
- Sossur F. de. *Trudy po iazykoznaniiu* [Works on linguistics], transl., ed. by A.A. Kholodovich. Moscow, Progress Publ., 1977, 696 p.
- Baudouin de Courtenay J. Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen [Critique of artificial world languages]. *Annalen der Naturphilosophie* [Annals of Natural Philosophy], Bd. 6, Leipzig, 1907, S. 385–433; Leipzig, 1908; Plansprachen. Darmstadt, 1976, pp. 59–110.
- Couturat L. *Histoire de la Langue Universelle* [History of the Universal Language]. Paris, Hachette, 1903. XXX, 576 p.
- Couturat L. *Pour la langue internationale* [A Plea for the international language]. Paris, P. Brodard, 1906. 32 p.
- Jespersen O. *An international language*. London, Allen & Unwin, 1928.
- Künzli A. René de Saussure (1868–1943). Tragika sed grava esperantologo kaj interlingvisto el Svislando [René de Saussure (1868–1943). Tragic but important esperantologist and interlinguist from Switzerland]. *Studoj pri Interlingvistiko*. *Studien zur Interlinguistik*. Festlibro omaĝe al la 60-jariĝo de Detlev Blanke. [Studies on Interlinguistics. In honor of the 60th anniversary of Detlev Blanke]. Kava-Pech, Dobřichovice, 2001.
- Saussure F. de. *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes* [Memory on the primitive system of vowels in Indo-European languages]. Leipsick [Leipzig], Teubner, 1879, 303 p.

- Saussure F. de. *Cours de linguistique générale. Édition critique préparée par Tullio de Mauro* [Course in General Linguistics. Critical edition prepared by Tullio de Mauro]. Paris, Payot & Rivages, 1995 (with Tullio de Mauro commentaries since 1967).
- Schleyer J.M. Wie kam der Erfinder der Weltsprache zur Idee seiner Erfindung? [How did the inventor of the world language come to the idea of his invention?] *Rund um die Welt* [Around the world], 1888, no. 1–2.
- Schubert K. (ed., in collaboration with D. Maxwell). *Interlinguistics — aspects of the science of planned languages*. Berlin, New York, 1989. X, 348 p.
- Zamenhof L. *Fundamento de Esperanto* [Foundation of Esperanto]. Marmand, Esperantaj Francaj Eldonoj, 1963, 356 p.

Сергей Николаевич Кузнецов

Доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Sergei Kuznetsov

Doctor of Philology, Professor

Lomonosov Moscow State University, Russia

univer1755@yandex.ru

Н. А. Любимова

Санкт-Петербургский государственный университет

О. М. Горбачева

Санкт-Петербургский государственный университет

ИНТОНАЦИОННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИИ УДИВЛЕНИЕ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: эмотивная интонация, эмоция удивление, эмоциональные коннотации.

В статье представлены результаты исследования по выявлению вариативности вербальных способов оформления эмоции *удивление* в предложениях различной коммуникативной направленности в русском языке. В работе выявлены и описаны способы интонационного оформления эмоции *удивление* в повествовательных, восклицательных и вопросительных предложениях, а также выявлены и описаны коннотации эмоции *удивление* — *удивление-недовольство*, *удивление-восхищение*, *удивление-разочарование*, *удивление-недоверие*.

Nina Liubimova

St. Petersburg State University, Russia

Olga Gorbacheva

St. Petersburg State University, Russia

THE INTONATION PATTERN OF SURPRISE IN SPEECH OF RUSSIAN NATIVE SPEAKERS

Keywords: emotional intonation, emotion of surprise, emotional connotations.

This article represents the results of an experiment focused on the variety of verbal means used to draw-up the emotion of *surprise* in different communicative types. The intonation pattern of *surprise* in different communicative types the connotations of *surprise* (*surprise-displeasure*, *surprise-admiration*, *surprise-disappointment*, *surprise-distrust*) are shown and described in the article.

Удивление — самая кратковременная эмоция человека, что обуславливает специфику способов ее невербального и вербального оформле-

ния [Ильин, 2001; Брызгунова, 1984; Нушикян, 1986; Светозарова, 2000; Пиотровская, 2002].

К. Д. Ушинский, опираясь на высказывания философов (Аристотель: удивление — «побудитель познания» [1974]; Кант: «замешательство» при встрече с чем-то неожиданным [1964]), полагал, что удивление — это чувство неожиданности, а также «сознание трудности примирить новое для нас явление с теми представлениями, которые уже имеются у человека» [Ушинский, 1974]. *Удивление* возникает как сильная реакция на внезапное событие, при этом все испытываемые до *удивления* эмоции либо исчезают, либо значительно слабеют на его фоне [Багдасарова, 2004].

Отметим, что по поводу статуса этой эмоции в ряду смежных эмоций (*любопытство*, *любопытность*) имеют место неоднозначные суждения. Так, например, *удивление* рассматривается как безусловно-рефлекторная первичная реакция, которая в последствии приводит к *любопытству* [Ильин, 2001]. К. Д. Ушинский выделял две области эмоции *удивление*: 1) собственно *удивление* и 2) *страсть к удивлению*, которая выражается в эмоциональных значениях: *любопытство* (желание испытать удивление) и *любопытность* (стремление к познанию) [Ушинский, 1974]. В свою очередь, И. А. Васильев [Васильев, 1976], рассматривая *удивление* как сложную эмоцию, выделяет три стадии ее возникновения и развития: 1) недоумение, 2) «анормальное» удивление и 3) изумление. Первая стадия — *недоумение* возникает при относительно малой уверенности в правильности прошлого опыта, когда некоторое явление не согласуется с этим опытом. Направленность недоумения четко не выражена, а его интенсивность незначительна. Вторая стадия — «анормальное» удивление является следствием заострения противоречия, осознания несовместимости наблюдаемого явления с прошлым опытом. Наконец, третья стадия — *изумление* возникает при абсолютной уверенности в правильности предыдущих результатов мыслительного процесса и прогнозирования результатов, противоположных возникшим. *Изумление* часто протекает как аффект с соответствующими физиологическими и психологическими реакциями.

Характер *удивления* по-разному проявляется на различных стадиях его возникновения. Например, на ранних стадиях *удивление* характеризуется отрицательными переживаниями, связанными с непониманием ситуации, тогда как на других стадиях соотносятся с чувством удовлетворения [Васильев, 1976]. Наличие отрицательных эмоциональных значений в *удивлении*, а также кратковременность этой реакции являются причиной отождествления эмоций *удивление* и *испуг* [Ильин, 2001], что, однако, не является общепризнанным.

Сказанное позволяет предположить, что *удивление* может отражать определенный спектр чувств индивида, который варьируется в зависимости от ситуации, а, следовательно, и от коммуникативного типа высказываний, а потому будет проявляться в характере их интонаци-

онного оформления. С целью изучения этого вопроса был проведен фонетический эксперимент, который включал слуховой фонетический анализ экспериментатора, аудиторский анализ и компьютерную обработку данных¹.

Текстуальной основой эксперимента послужила картотека цитат из произведений русской художественной литературы, отобранных методом направленной выборки из Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Фрагменты представляли высказывания разной коммуникативной направленности, в которых указание на эмоцию удивление содержалось лишь в авторской ремарке.

1. Повествовательные предложения («Мы не один день знакомы», — удивился я).
2. Восклицательные предложения («Он очень тихо вошел!» — удивился и Сергей Федорыч).
3. Вопросительные предложения:
  - 3.1. специальный вопрос («Что мы будем делать?» — удивился Алеша, глядя вокруг себя и ничего не понимая);
  - 3.2. общий вопрос («Он пришел с вами?» — удивился Степан).

Отобранные 40 высказываний с авторскими ремарками и без них (всего 80) были предъявлены для воспроизведения 20 аудиторам — носителям русского языка в возрасте от 18 до 30 лет, что составило 1600 реализаций в аудиозаписи (диктофон Olympus VN-733PC)².

Перед воспроизведением высказываний испытуемые проходили обучение, которое состояло из активизации прошлого опыта и установок экспериментатора. Для активизации прошлого опыта испытуемым предлагалось вспомнить самые удивительные происшествия в их жизни, тем самым предпринималась попытка активизировать существующий в сознании носителей языка набор интонационных средств, оформляющих эмоцию *удивление*. Установка экспериментатора: «Прочитайте данные высказывания про себя, обратите внимание на авторские ремарки, прочитайте высказывания вслух с эмоцией *удивление*».

Слуховой фонетический анализ экспериментатора заключался в выявлении: 1) акцентов, сделанных испытуемыми в нейтральных и эмотивных высказываниях; 2) коннотаций эмоции *удивление*; 3) различных стадий развития эмоции *удивление*. Данные были зафиксированы графически в виде схем-интонограмм, отражающих основные изменения интонационных параметров в нейтральных и эмоциональных реализациях (программа Praat 5.3.65). При анализе полученного в ходе эксперимента материала обращалось внимание на следующие параметры интонации.

¹ Эксперимент проводился в рамках подготовки выпускной квалификационной работы магистра лингвистики О. М. Горбачевой.

² В каждой серии (высказывания с авторскими ремарками и без них) материал предъявлялся в случайном порядке.

II. Восклицательные предложения.

1. Увеличение длительности ударного гласного слова-акцента и конечного слова синтагмы; более низкий регистр, по сравнению с нейтральной реализацией
2. Конечное слово синтагмы в эмоциональных реализациях характеризуется ровным тоном на ударном гласном и восходящим тоном на заударном гласном, регистр — средний (рис. 2).

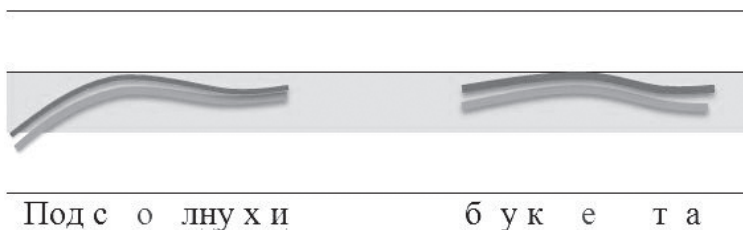

Рис. 2. Интонационная модель слова-акцента и конечного слова синтагмы в восклицательных предложениях

III. Специальный вопрос.

1. Увеличение длительности ударного гласного слова-акцента.
2. Понижение показателей ЧОТ ударного гласного слова-акцента и повышение показателей ЧОТ ударного гласного конечного слова синтагмы.
3. Слово-акцент имеет относительно ровный тон произнесения, регистр — средний. Конечное слово синтагмы в эмоциональных реализациях, характеризуется ровным тоном произнесения в среднем регистре. При этом в отличие от нейтральных реализаций, не наблюдается значительного понижения основного тона голоса на конечном слове синтагмы, по сравнению со словом-акцентом (рис. 3).

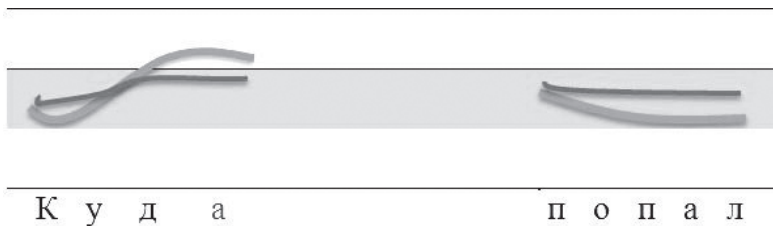

Рис. 3. Интонационная модель слова-акцента и конечного слова синтагмы в специальном вопросе

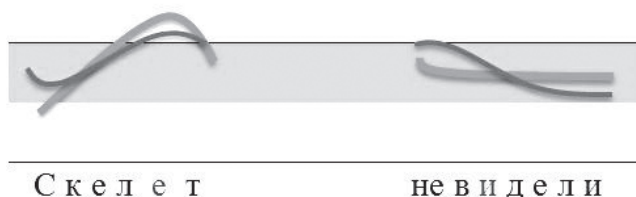

Рис. 4. Интонационная модель слова-акцента и конечного слова синтагмы в общем вопросе

IV. Общий вопрос.

1. Увеличение длительности ударного гласного слова-акцента и конечного слова синтагмы.
2. Показатели ЧОТ слова-акцента зависят от его места в синтагме. Если слово-акцент находится в начале или середине синтагмы: значимых изменений его мелодического рисунка не отмечается. Конечное слово синтагмы характеризуется нисходящим тоном голоса (рис. 4). Если слово-акцент совпадает с конечным словом синтагмы, имеет место ровный тон голоса на ударном гласном, восходящий тон на заударных гласных с последующим падением основного тона (рис. 5).

Рис. 5. Интонационная модель оформления слова-акцента, совпадающего с конечным словом синтагмы

Далее в ходе слухового и аудиторского анализа было выявлено четыре группы коннотаций эмоции удивление: *удивление-недовольство*, *удивление-восхищение*, *удивление-разочарование*, *удивление-недоверие*.

1. **Коннотация удивление-недовольство** была отмечена в повествовательных и в вопросительных предложениях с вопросительным словом (специальный вопрос). Такие предложения характеризуются резким повышением ЧОТ на ударном гласном слова-носителя эмоционального значения, которое характеризуется восходяще-нисходящим движением основного тона голоса (рис. 6). Ударный гласный

слова-носителя эмоции в данном случае характеризуется наибольшей степенью интенсивности по сравнению с ударными гласными других слов синтагмы. На конечном слове синтагмы — нисходящее движение основного тона на всех гласных, в отличие от реализаций удивления без дополнительных коннотаций, в которых имеет место восходящий тон голоса на заударных гласных конечного слова синтагмы (ср. рис. 6 и 7).

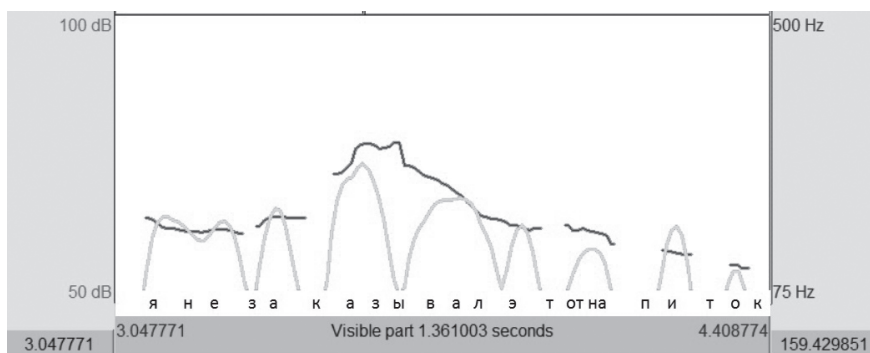

Рис. 6. Интонограмма эмоциональной реализации с коннотацией удивление-недовольство в предложении «Я не заказывал этот напиток»⁵

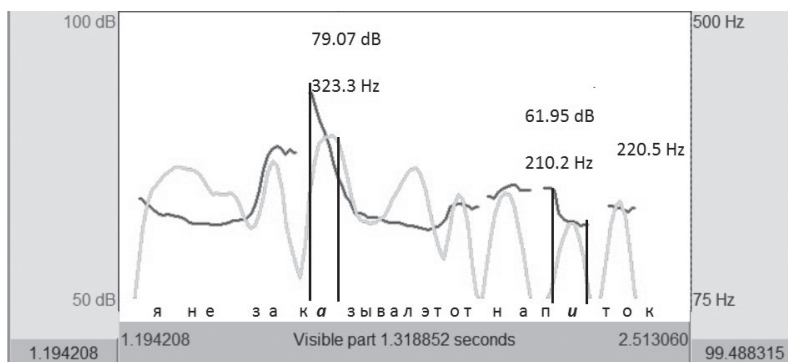

Рис. 7. Интонограмма эмоциональной реакции удивление в повествовательном предложении «Я не заказывал этот напиток» (без дополнительных коннотаций)

В восклицательных предложениях характер интонационного оформления удивления-недовольства такой же, как и в повествовательных, однако в интонационном контуре таких высказываний отмечается несколько мелодических и динамических пиков (рис. 8).

⁵ Здесь и далее в подобных случаях полужирной линией обозначены показатели интенсивности.

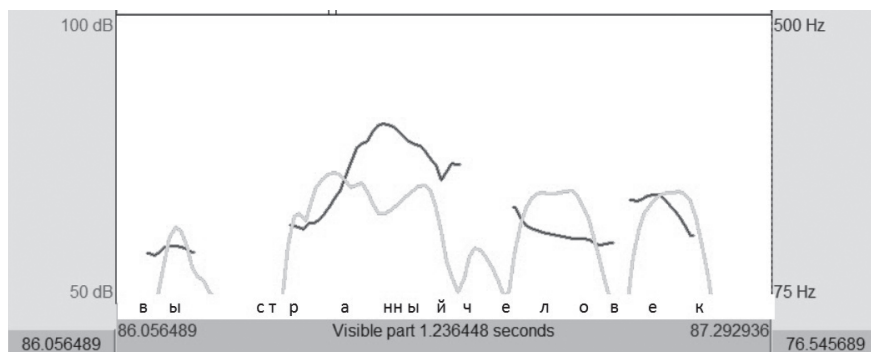

Рис. 8. Интонограмма эмоциональной реализации с коннотацией удивление-недовольство в предложении «Вы странный человек»

Во всех вопросительных предложениях с вопросительными словами маркером недовольства выступает интенсивность, пик которой приходится на слово-носитель эмоционального значения, но не на вопросительное слово (рис. 9).

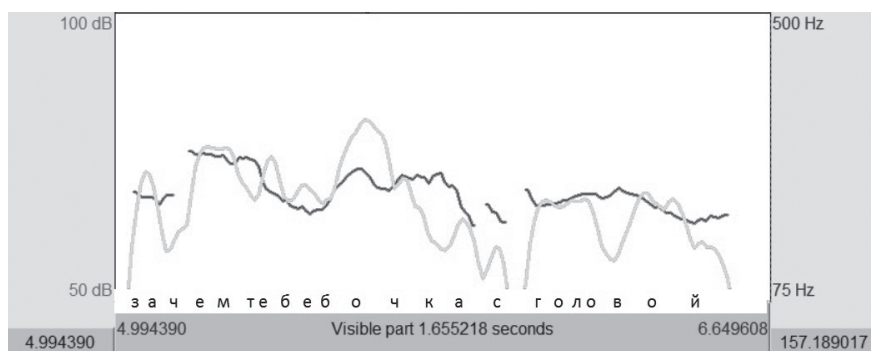

Рис. 9. Интонограмма эмоциональной реализации с коннотацией удивление-недовольство в предложении «Зачем тебе бочка с головой?»

2. Эмоциональная **коннотация удивление-восхищение** отмечена в повествовательных и восклицательных предложениях. Повествовательные предложения имеют восходяще-нисходящий контур с мелодическим пиком на слове-носителе эмоционального значения и высоким регистром произнесения (рис. 10).

Маркером указанной коннотации в восклицательных предложениях является общее замедление темпа речи, которое наиболее ярко выражается в увеличении длительности ударного гласного слова-носителя эмоционального значения. Кроме того, отмечается повыше-

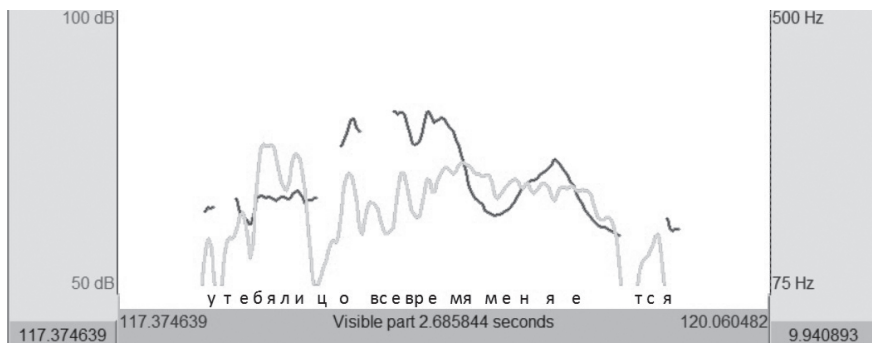

Рис. 10. Интонограмма эмоциональной реализации с коннотацией удивление-восхищение предложения «У тебя лицо все время меняется»

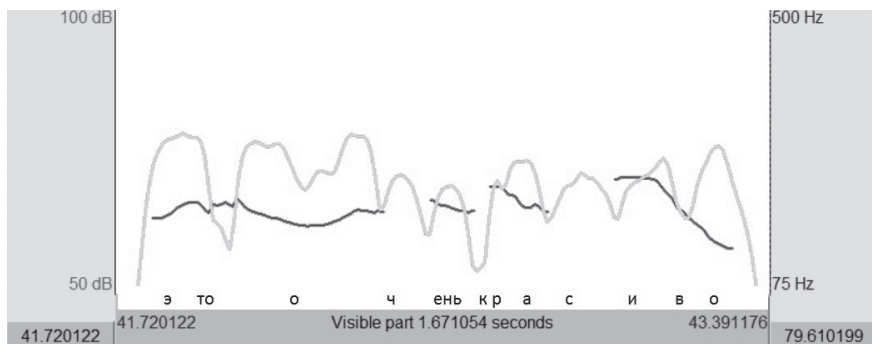

Рис. 11. Интонограмма эмоциональной реализации с коннотацией удивление-восхищение в предложении «Это очень красиво!»

ние — понижение интенсивности в пределах ударного гласного, что на слух воспринимается как изменение громкости произнесения (рис. 11).

3. Коннотация *удивление-разочарование* отмечена только в повествовательных предложениях. Маркером *разочарования* является оттенок вопросительности, который проявляется в восходящем направлении движения основного тона голоса на ударном гласном конечного слова синтагмы (рис. 12).

4. Коннотация *удивление-недоверие* выявлена в вопросительных предложениях с вопросительным словом. Маркером *недоверия* в специальном вопросе является высокий регистр произнесения начала синтагм, резкое падение основного тона голоса на ударном гласном слова-носителя эмоционального значения и низкий регистр произнесения

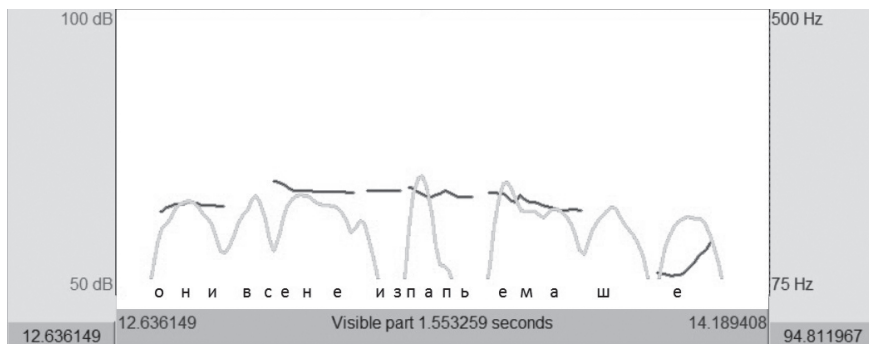

Рис. 12. Интонограмма эмоциональной реализации с коннотацией удивление-разочарование в предложении «Они все не из папье-маше»

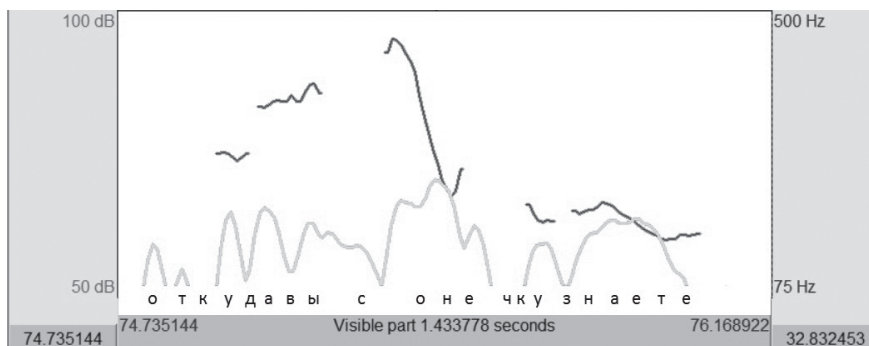

Рис. 13. Интонограмма эмоциональной реализации с коннотацией удивление-недоверие в предложении «Откуда Вы Сонечку знаете?»

конечного слова синтагмы. При этом отмечается заметное увеличение длительности ударного гласного слова-носителя эмоционального значения (рис. 13).

Данные, полученные в ходе фонетического эксперимента, позволяют сделать вывод о том, что оформление эмоций является неотъемлемой частью интонации. Распознавание эмоционального значения удивление в нейтральных с точки зрения лексического наполнения и синтаксической структуры высказываниях становится возможным при их воспроизведении. При этом при помощи интонационных средств передается не только значение удивление, но также и различные коннотации удивления, на появление которых влияет лексическое наполнение высказывания и предшествующий опыт говорящего.

Экспериментальным путем было установлено, что значимыми для оформления эмоции удивление в различных коммуникативных типах высказывания являются показатели ЧОТ и длительности удар-

ных гласных слова-акцента и конечного слова синтагмы, а также направление движения основного тона в синтагме. Показатели интенсивности не выявили значимых для разграничения нейтральных и эмоциональных высказываний изменений. Полученные результаты позволяют также говорить о том, какие коммуникативные типы высказывания наиболее подходят для передачи эмоционального значения удивление: 1) вопросительные предложения без вопросительного слова — 122 реализации имели эмоциональное значение удивление, коннотации выявлены не были; 2) вопросительные предложения с вопросительным словом, несмотря на то, что в 151 реализации была отмечена эмоциональная окраска удивление, можно говорить о том, что данный коммуникативный тип реже используется для выражения эмоции удивление, помимо эмоциональных реализаций с удивлением, было выявлено 20 реализаций с различными эмоциональными коннотациями; 3) в повествовательных невосклицательных предложениях было выявлено 105 реализаций, содержащих удивление и его коннотации; 4) повествовательные восклицательные предложения крайне редко используются для выражения удивления — только 52 реализации из 200 содержали эмоциональное значение удивление и его коннотации.

Результаты фонетического эксперимента позволяют сделать вывод, что оформление эмоций является неотъемлемой функцией интонации. При помощи интонационных средств передается не только эмоция удивление, но также и различные ее коннотации, на появление которых влияет лексическое наполнение высказывания и предшествующий опыт говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Метафизика / Аристотель. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1934. 352 с.
- Багдасарова Н. А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур: дисс. ... канд. филол. наук. РГБ ОД, 61:04-10/885. М., 2004. 205 с.
- Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 84 с.
- Васильев И. А. Эмоции и интеллект // Искусственный интеллект и психология / отв. ред. О. К. Тихомиров. М.: Наука, 1976. С. 133–227.
- Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
- Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1964. 510 с.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru.
- Нушикян Э. А. Типология интонации эмоциональной речи. Киев: Вища школа, 1986. 157 с.
- Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований / отв. ред. Н. Б. Вольская. СПб.: Фил. фак-т С.-Петербург гос. ун-та, 2002. С. 148–157.
- Светозарова Н. Д. Интонация в художественном тексте. СПб.: Изд-во С.-Петербург гос. ун-та, 2000. 180 с.

REFERENCES

- Aristotel'. Metafizika [Metaphysics]. *Aristotel'* [Aristotle]. Moscow, Leningrad, SOTsEK-GIZ, 1934, 352 p.
- Bagdasarova N.A. *Leksicheskoe vyrazhenie emotsii v kontekste raznykh kul'tur* [Lexical expression of emotions in language in various cultures], *PhD Thesis*. RGB OD, 61:04-10/885. Moscow, 2004, 205 p.
- Bryzgunova E.A. *Emotsional'no-stilisticheskie razlichii russkoi zvuchashchei rechi* [Emotional and stylistic differences of the Russian oral speech]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow State University's Publishing house], 1984, 84 p.
- Vasil'ev I.A. Emotsii i intellekt [Emotions and intellect]. *Iskusstvennyi intellekt i psikhologii* [Artificial intelligence and psychology], ed. O.K. Tikhomirov. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 133–227.
- Il'in E.P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001, 752 p.
- Kant I. *Sochineniia v 6 t. T. 4, chast 1* [Works. In 6 vol. Vol. 4. Part 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1964, 510 p.
- NKRiA — *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: ruscorpora.ru.
- Nushikian E.A. *Tipologii intonatsii emotsional'noi rechi* [Typology of intonations of emotional speech]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1986, 157 p.
- Piotrovskaiia L.A. Emotivnye vyskazyvaniia kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia [Emotive utterances as an object of linguistic research], *Problemy i metody eksperimental'no-foneticheskikh issledovanii* [Problems and methods of experimental and phonetical research], ed. N.B. Vol'skaia. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SpbGU [Faculty of Philology, Saint Petersburg State University], 2002, pp. 148–157.
- Svetozarova N.D. *Intonatsiia v khudozhestvennom tekste* [Intonation in imagery text]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterb. gos. un-ta [Saint Petersburg State University's Publishing house], 2000, 180 p.

Нина Александровна Любимова

Доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Nina Liubimova

Doctor of Philology, Professor

St Petersburg State University, Russia

nina-lubimova@yandex.ru

Ольга Михайловна Горбачева

Магистр лингвистики

Санкт-Петербургский государственный университет

Olga Gorbacheva

Master of Linguistics

St Petersburg State University, Russia

olgami1805@gmail.ru

Д. И. Медведева

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДУШИ В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ)

Ключевые слова: концепт, душа, понятийное ядро, лексико-семантический вариант, образный компонент, ценностный компонент, паремии.

В статье представлен детальный анализ обобщенных дефиниций имен концептов *душá* и *дúша*, отобранных из толковых словарей русского и сербского языков, вышедших в свет во второй половине XX – начале XXI в., фиксирующих семантику языковых единиц в современном языковом сознании русских и сербов. Исследование базируется на положении о том, что в значениях имен концептов содержатся понятийные признаки концепта. Анализ понятийного ядра концептов был дополнен изучением паремиологических фондов сопоставляемых языков. Исследование приводит к выводу о том, что изучаемые концепты являются ключевыми в обеих культурах, что подтверждается большим объемом семантики имен концептов, наличием многих лексико-семантических вариантов, номинативной плотностью ядра концептов и разработанностью паремиологических фондов в двух языках. Ценностный компонент сопоставляемых концептов имплицитно отражен во всех концептуальных признаках, объективируемых основными значениями имен концептов: «внутренний мир», «характер», «бессмертная субстанция», «человек», «суть, сущность», «вдохновитель». Изучение интерпретационного поля концептов, репрезентируемого паремиями, позволило выявить значительное количественное преобладание русских паремий с компонентом *душа* и большее разнообразие концептуальных признаков в русских паремиях. В целом исследование позволило установить, что в понятийном ядре концептов преобладают сходства, а в интерпретационном поле – различия. Наибольшие различия обнаружены в образном компоненте концептов *душá* и *дúша*, что говорит об этноспецифичности образных представлений о душе в родственных языках и культурах.

Diana Medvedeva

Udmurt State University (Izhevsk)

CONCEPTUALISATION OF SOUL IN RUSSIAN AND SERBIAN LINGUOCULTURES IN LEXICOGRAPHY

Keywords: concept, soul, concept core, lexical-semantic variant, image component, axiological component, paroemias.

The article painstakingly explores generalised definitions of the concept names *душá* and *дúша* (*soul*) collected from the Russian and Serbian dictionaries published in late XX – early XXI centuries and reflecting the semantics of the language units in Russian and Serbian mind today. Based

on the assumption that in the meanings of the concept names there are cognitive features of the concept. The analysis of the conceptual core of the concepts was accompanied by the analysis of paroemias in the languages. To sum it up, these are the key concepts in both cultures, which can be proved by a considerable semantic volume of the concept names, vast number of lexical-semantic variants, nomination density of the core of the concept and elaborate paroemia stock. Axiological component of the concepts is implicitly reflected in all conceptual features that are objectivised through the main meanings of the concept names: *inner world, character, immortal substance, person, essence, inspirer*. Through interpretation of the concepts we drew a conclusion that the Russian paroemias with the component "soul" are more numerous and that have more various conceptual features. All in all, the conceptual core is prevailed by similarities, while interpretation field, by differences. The most striking differences are in an image component of the concepts *душá* and *душа* (*soul*), which means ethnic specificity of the imagery presentations about the soul in the related languages and cultures.

Душа является одним из ключевых концептов русской лингвокультуры. Данный концепт изучался в фундаментальных трудах о русской ментальности ведущих российских ученых Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, В. В. Колесова, А. Д. Шмелева, В. А. Масловой и др. Имеются труды, где концепт *душа* сопоставляется с концептами германских лингвокультур: *soul* (М. В. Пименова, И. В. Бурнос), *Seele* (Е. А. Пименов, Е. Б. Яковенко), японской (А. Д. Палкин) и китайской (Тань Аошун) лингвокультур, однако меньше внимания уделяется сопоставлению данного концепта с его аналогами в близкородственных славянских лингвокультурах.

Цель нашего исследования — выявить и сопоставить понятийное ядро, образную и ценностную составляющие концептов *душá* и *душа*. Материалом являются дефиниции имен концептов из толковых словарей русского и сербского языков, вышедших в свет во второй половине XX — начале XXI в., а также паремии, отобранные из русских и сербских сборников, датированных XIX в.

Под концептом мы вслед за В. И. Карасиком понимаем многомерное смысловое образование, в котором выделяются понятийная, образная и ценностная стороны [Карасик, 2002. С. 129]. Понятийная составляющая концепта интерпретируется в дефинициях толковых словарей; в значениях имени концепта, или лексико-семантических вариантах (ЛСВ), содержатся понятийные признаки концепта. Образная и ценностная составляющие в большей степени представлены в паремиях.

Общее число ЛСВ в сопоставляемых языках примерно одинаково (русские словари выделяют от 5 до 10 значений, а сербские от 6 до 10). Далее нами анализируются обобщенные дефиниции имен концептов в русской и сербской лексикографии.

ЛСВ 1: душа = внутренний мир. Рус. Условно употребляемый термин, обозначающий [БАС] *внутренний, психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. п.* [БТС, МАС, БАС], *его сознание* [ОШ, Л]. В материалистической философии и психологии: *внутренний мир человека, его самосознание как свойство высокоорганизованной материи* [БТС]. Серб. а) *Свест и способност човека да мисли и осећа* [ПМС — МХ];

духовни (мисаони и емотивни) живот човека са свима његовим психичким манифестацијама, свест, емоције, осећања, темперамент, живост (сознание и способность человека мыслить и чувствовать, духовная (умственная и эмоциональная) жизнь человека со всеми ее психическими проявлениями, сознание, эмоции, чувства, темперамент, живость); б) *етичка природа човека која управља његовим поступцима и омогућава му да разликује добро и зло; савест* (нравственная природа человека, которая управляет его поступками и дает ему возможность различать добро и зло) [РС] — МС, РСАНУ]. Общее в ЛСВ 1 в русских и сербских словарях — обозначение совокупности психических проявлений человека. Кроме того, два русских словаря приводят определение феномена души с точки зрения материализма. В сербских словарях ЛСВ 1 разделяется, причем а) совпадает со значением в русском языке, б) представляет морально-этическую сторону внутреннего мира человека. Интересно отметить, что весьма распространенная в русском языке метафора «внутренний мир человека» (ср. у Тютчева: *Есть целый мир в душе твоей*) в сербском употребляется фрагментарно и не используется для описания души в толковых словарях; возможно, именно поэтому сербскую дефиницию отличает более детальное перечисление составляющих «внутреннего мира». Слово *савест*, по одной из версий, появилось в сербском языке под влиянием русского *совесть*, которое, в свою очередь, является калькой с латинского *conscientia* «сознание». Исконным же сербским словом, обозначающим «орган совести», является *душа*.

ЛСВ 2: душа = характер. Рус. *Совокупность характерных свойств, присущих личности; характер человека // Чувство, вдохновение, воодушевление, темперамент // О человеке с теми иными свойствами характера* [БТС, Л, ОШ, МАС, БАС], *то или иное свойство характера* [ОШ] // *Душевность, сердечность* [БТС]. Серб. *Скуп карактерних урођених особина, типичних црта неке личности, ћуд, нарав, природа, карактер* [РС] — МС, РСАНУ], *способност за брзо схватање, за разумевање другогa* [РС] — МС, РМС — МХ] // *често са «од» и ген. — добра, племенита и осећајна особа, сушта доброта, племенитост* (совокупность характерных врожденных особенностей, типичных черт личности, нрав, натура, характер; сообразительность, способность к пониманию другого человека // часто с предлогом «од» и род. п. — добрый, благородный и чувствительный человек, олицетворение доброты и благородства). Общим для обоих языков является признак душа = совокупность свойств характера человека, примеры типа *добрая душа, добра душа, благородная душа, племенита душа*, но различаются некоторые второстепенные семы и примеры словоупотребления. Выделяемая сербскими словарями сема *способност за разумевање другогa* приблизительно соответствует русской *душевность, сердечность*. Общая для русских и сербских дефиниций сема *душа* = человек как носитель определенных свойств характера по-разному реализуется в примерах словоупотребления. Русская модель словосложения *душа-человек* непродуктивна, в отличие от сербской *душа од човека*, где второе существительное в родительном

падеже может варьироваться: *душа од жене, душа од младића, душа од девојке* и т. д. В рамках данного ЛСВ имеются как русские, так и сербские примеры, характеризующие человека в терминах наличия — отсутствия души.

ЛСВ 3 «религиозный»: душа = нематериальная бессмертная субстанция. Рус. *По религиозным воззрениям — нематериальное начало в человеке, составляющее сущность его жизни и отличающее его от животных; то же, что дух (в 6 знач.)* [БАС], *бессмертное начало, связывающее человека с Богом* [МАС], *сверхъестественное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти* [ОШ], *духовная сущность человека, сила, обитающая в теле человека (иногда животных, растений), покидающая его во время смерти, сна и вновь проявляющаяся после смерти в иной материальной оболочке* [БТС] // *В идеалистической философии и психологии — нематериальное начало жизни как основа и носитель психических процессов, протекающих в человеке* [БТС], *существующее якобы независимо от тела и являющееся носителем психических процессов* [МАС], *субстанция, высшая форма развития единого мирового начала* [БТС]. Серб. *нематеријално, бесмртно биће, принцип живота* [РМС — МХ] *у човеку којим је за разлику од животиња* [РСАНУ] *везан с Богом и које наставља живот и после његове физичке смрти* [РС] — МС]. фил. *У идеалистичкој филозофији: мисаона супстанца и принцип живота у човеку и другим живим бићима, сила која оживљује* [РС] — МС, РСАНУ] (нематериальная, бессмертная сущность, жизненное начало в человеке, которым он, в отличие от животных, связан с Богом и которое продолжает жить после его физической смерти. В идеалистической философии — ментальная сущность и жизненное начало в человеке и других живых существах, животворящая сила). Данный ЛСВ обнаруживает наибольшее сходство между русской и сербской обобщенными дефинициями. Общими являются семы *нематериальность, бессмертность, отличие человека от животных, животворящая сила души*. В обеих обобщенных дефинициях особо отмечается понимание души в идеалистической философии. О том, что душа связывает человека с Богом, упоминается в четырех сербских и одном [МАС] русском словаре. Описание данной ЛСВ в русских словарях расширено за счет детализации бытия души вне тела [БТС]. В одном из русских словарей приводится контекстуальный синоним души — дух [БАС].

ЛСВ 4: душа = человек, лицо. Рус. *О человеке* [БАС], *человек (при указании количества, в устойчивых сочетаниях)* [БТС, Л, ОШ, МАС]. Серб. а) *обычно уз придев «жива», «људска»: људско биће, створење, човек*; б) *уз бројеве и количинске одредбе: лице, особа, становник, члан, припадник неке заједнице (породице, задруге)* [РС] — МС, РМС — МХ, РСАНУ], *живо створење уопште* [РСАНУ]. (а) обычно с прилагательным «живая», «человеческая»: *человеческое существо, человек*; (б) с числами и указанием количества: *лицо, житель, член, принадлежащий к какому-либо объединению: семье, роду, кооперативу; живое существо вообще*). В русской дефиниции большую часть составляют примеры словоупотребления: *ни души; на душу приходится, досталось* [Л]; *на*

душу населения; не узнает ни одна душа [БТС] и др. Сербские примеры аналогичны русским: *у граду није било живе душе; у соби је било десет душа* [РС] — МС. Для сербской дефиниции характерен детализирующий данное значение синонимический ряд. Один из словарей расширяет его, включая в него сему «живое существо вообще». В данном ЛСВ сербские словари позиционируют душу = человека, лицо как часть, представителя некоей общности; данная сема отсутствует в русских словарях.

ЛСВ 5: душа = вдохновитель, центральная фигура. Рус. *Вдохновитель, главное лицо* [МАС, ОШ, Л], *центральная фигура чего-н.* [БАС], *организатор* [БТС]; душа = человек, являющийся всеобщим любимцем: *душа общества; он был душой нашей бригады* [БТС] — выделено в отдельный ЛСВ. Серб. *Главна личност, покретач, организатор нечега* [РС] — МС, РСАНУ], *онај који даје правац и тон, централна личност* [РМС — МХ] (главная личность, тот, кто движет что-л., организатор; тот, кто задает направление и тон, центральная личность).

ЛСВ 6: душа = суть, сущность. Рус. *Суть чего-л., самое основное, главное* [БАС], *сущность, истинный смысл, содержание* [БТС]. Серб. *оно што је основно, битно у нечему, суштина, основни смисао нечега* [РСАНУ] (то, что является основным, важным в чем-л., сущность, основной смысл чего-л.). ЛСВ 5, выделяемое всеми словарями, представляет собой метафору, где идея души = вдохновляющей силы переносится на человека, что сближает его с ЛСВ 2. ЛСВ 6 представляет собой объяснение абстрактного и неодушевленного через абстрактное же: ср. примеры словоупотребления рус. *язык — душа литературного стиля* [БТС], *порядок — душа всякого дела* (посл.), серб. *душа драме, душа језика* [РС] — МС] и является периферийным, его выделяют два русских словаря и один сербский словарь.

ЛСВ 7: душа = обращение. Рус. (обычно со словом «моя», разг.) *Дружеское фамильярное обращение* [БТС, МАС, БАС]. Серб. *фам. особито мила и драга особа* [РМС — МХ]; *у вок. обично уз реч «моја», «драга» и сл. у присном обраћању особито милој и драгој особи: драги мој, драга моја* [РС] — МС] (фам. особенно милый и дорогой человек; в зват. п., обычно со словами «моя», «дорогая» и т. п. в интимном обращении к особенно милому и дорогому человеку: дорогой мой, дорогая моя). Общей является идея использования имен концептов *душá* и *дúша* для обращения к симпатичному нам человеку. В русском ЛСВ внимание акцентируется на дружеский, фамильярный (т. е. не сентиментальный и не ласкательный) характер обращения. В сербском ЛСВ адресат такого обращения характеризуется как «особенно милый и дорогой человек», т. е. очевиден ласкательный характер обращения. Сербская дефиниция содержит указания на более широкую валентность лексемы *душа* по сравнению с русской.

ЛСВ 8: душа = крепостной крестьянин. Рус. ист. *В царской России (до реформы 1861 г. [БТС, МАС]): крепостной крестьянин, а также человек, относящийся к податному сословию* [ОШ], *крестьянин, принадлежащий помещику, крепостной* [БАС]. Серб. ист. *Селѧк у царској Русији који је*

до укидања феудалног права био везан за земљу и свог господара, кмет [РСАНУ]. Данный ЛСВ, являющийся русской реалией и историзмом, выделяется большинством словарей русского языка, освещающим его с разной степенью детальности. Во всех словарях сопровождается пометой *ист.* либо поясняющим оборотом *в царской России / при крепостном праве*. Сербские словари, за исключением наиболее подробного [РСАНУ], его не отмечают.

ЛСВ 9: «телесный»: душа = часть тела / функция тела (дыхание). Рус. *прост.* *То же, что душка (во 2 знач.) — ямочка в нижней части шеи* [БАС]; *нар.-разг.* *Впадина под ребрами в центра груди у человека* [БТС]. Серб. *дисање, дах; срце, главни орган циркулације крви* [РСАНУ] (дыхание, дух; сердце, главный орган циркуляции крови). В данном ЛСВ нами объединены обозначения частей тела, где, по архаичным народным представлениям, сосредоточена жизнь человека, и дыхание как важнейший признак жизни.

Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы на данном этапе исследования. Изучаемые концепты являются многомерными ментальными образованиями, обладающими большой значимостью (ключевыми) для обеих исследуемых лингвокультур. Данное положение подтверждается разработанностью и большим объемом семантики имен концептов, наличием многих лексико-семантических вариантов, зафиксированных в лексикографии. Ценностный компонент сопоставляемых концептов имплицитно отражен во всех концептуальных признаках, объективируемых основными значениями имен концептов: «внутренний мир», «характер», «бессмертная субстанция», «человек», «суть, сущность», «вдохновитель». Детальный анализ обобщенных дефиниций позволил выявить преобладающие сходства и отдельные различия в представлении семантики имен концептов в русской и сербской лексикографии.

Анализ понятийного ядра концептов *душá* и *душа* на основе данных русских и сербских лексикографических источников мы дополнили изучением паремиологических фондов сопоставляемых языков, поскольку в паремиологии наиболее ярко представлены образный и ценностный компоненты изучаемых концептов.

Многие исследователи отмечают важную роль паремиологии в изучении национальной ментальности, системы ценностей отдельных национально-культурных сообществ и особенностей их жизненного уклада. Паремиологический фонд русского языка является областью отражения, хранения и трансляции культурных ценностей народа [Алефиренко, 2009. С. 244]. Нравственно-ценностные идеологемы (единицы смысла, содержащиеся в паремиях) могут отражать национально-специфические акценты осмысления бытия [Корнилов, 2003. С. 257].

Большинство исследуемых паремий отобрано из сборников «Пословицы русского народа» В. И. Даля и «Српске народне пословице» В. С. Караджича, вышедших в свет соответственно в 1861–1862 и 1836 гг. Критерием отбора паремий для анализа является наличие в них имен концептов *душá* и *душа*. Корпус пословиц в данных трудах

отражает языковую ситуацию первой половины XIX в. и, по преимуществу, мировосприятие сельской общины, зафиксированное в паремиях. Концепты *душа́* и *душа* широко представлены в русском и сербском паремиологическом фонде. Материал исследования составляют 80 русских и 40 сербских пословиц и поговорок, которые мы классифицируем по выделяемым в них значениям (ЛСВ) имен концептов и по семантическим группам.

В русских паремиях отражен широкий спектр значений лексемы *душа*: душа = внутренний мир (*Сам стар, а душа молода*; *Глаза — зеркало души*); душа = характер (*Льстивые речи душу калечат*, *Туляки — стальные души*); древнее, не выделяемое современными толковыми словарями значение душа = жизнь (*Тише маши, не выбей души*); душа = вдохновение (*Душу вложишь — все сможешь*); душа = человек (*Живая душа калачика просит*); душа = суть, сущность (*Порядок — душа всякого дела*). Как отмечает И. М. Снегирев, простой народ *душою* называет и все тело, полагая в *душе* меру для употребления пищи и питья [Снегирев, 1997. С. 278]; это отражено в поговорках *Душа [всему] мера*; *Душа меру знает*.

Необходимо отметить, что выделение отдельных значений имен концептов в паремиях возможно лишь условно, т. к. они часто сливаются и наслаиваются одно на другое, и лишь контекстуальный анализ дает право предположить, что, к примеру, в поговорке *Повадки волчьи, а душа заячья* актуализируется значение «душа = характер». Синкретизм восприятия предметов и явлений окружающего мира, характерный для архаичного сознания, явно присутствует и в восприятии *души*. В частности, трудно утверждать, разделялось ли в архаичном сознании религиозное и светское понимание *души*. Среди исследуемых русских пословиц «религиозное» понимание *души* в чистом виде отражено в малоизвестной пословице из собрания Снегирева *Свет в храме от свечи, а в душе от молитвы*. Концепт *душа* в примерах *Деньгами души не выкупишь*; *Худая грамота только душе пагуба* и др. можно истолковать как с религиозной, так и со светской точки зрения. Однако присутствие в паремиях таких маркеров религиозного дискурса, как слова *Бог*, *свят*, *христианский*, *поп*, (*со*)*грешить*, *грех*, *черт*, *ад* не всегда является основанием для выделения религиозного признака *души*. К примеру, в поговорке *Душа согрешила, а спина виновата* выражена идея неадекватности наказания, а не религиозной ценности *души*. В примере *Как бог на душу положит* слова *Бог* и *душа* десемантизированы. В устаревших паремиях *Приказный — безотвязный: стоит над тобой, как черт над душой*; *Сваха чужие грехи на душу принимает* религиозные смыслы (черт, подстерегающий душу, чтобы забрать ее в ад, и отягчение души грехами) являются стертыми.

В исследуемых сербских паремиях религиозный признак имен концептов выступает на первый план, и в большинстве примеров *душа* понимается как бессмертное начало в человеке, связывающее его с Богом (слово *Бог* упоминается в сербских пословицах не менее пяти раз, в то время как в русских — один раз). Согласно ценностным установкам,

отраженным в паремиях, смерть считается меньшим несчастьем, чем принятие на душу грехов. Распространенная сербская поговорка *Боље је главу изгубити него душу огрешити* (Лучше головы лишиться, чем грехи на душу взять) существует в двух вариантах, прозаическом и народно-поэтическом, с сохранением традиционного стихотворного размера — десятисложника: *Боље ти је изгубити главу, Него своју огрешити душу*. К поговорке *Свако има само једну душу* (У каждого есть только одна душа) дается комментарий составителя: *и поэтому ее нужно хранить в чистоте, ведь если погубить ее грехами, то другой уже не будет и получить невозможно*. Самым тяжелым испытанием для души считаются не земные беды, а Страшный суд: *Мука душе не вади, но суђен дан* (Не беды душу вынимают, но судный день), ср. рус. *Кнут не архангел, души не вынет*; смущенный, растерянный человек сравнивается с осужденной на вечные муки душой: *Као осуђена душа* (нпр. збунио се). Идея перехода души к Богу после смерти человека выражена в поговорках *Даје Богу душу, а Бог је неће да прими* (Дает Богу душу, а Бог ее не принимает), как говорилось про тяжело страдающего человека; *Запекла му се душа у костима* (букв. «у него душа в костях запеклась») — об очень старом человеке, который, однако же, не собирается умирать. Безвозвратность перехода души в загробный мир акцентируется в поговорке *Душа једна врата има* (Для души есть только одни двери). Душа упоминается и в формулах *Бог да му души покој да; Бог да му душу прости*, производимых на похоронах и эквивалентных русским *Царствие ему небесное; Упокой, Господи, его душу*.

В некоторых сербских паремиях актуализируется древнейшее значение *душа* = *дыхание*, выделяемое в качестве периферийного современными сербскими толковыми словарями, но отсутствующее в русских. Оно обусловлено этимологическим родством слов *душа* и *дышать*, характерным для славянских языков: *Ни душом нема кад дахнути* (Некогда передохнуть, букв. плеоназм «некогда вздохнуть душой»), *Душа му у носу стоји* (Он очень устал, букв. «у него душа в носу»). В поговорке *Човек се нада док је душе у њему* (Человек надеется, пока в нем есть душа), переключаящейся с латинским *Dum spiro spero*, реализуется значение *душа* = *жизнь*, неотделимое от значения *душа* = *дыхание*. Приведем примеры других лексико-семантических вариантов, отраженных в сербских паремиях: *душа* = *внутренний мир* (*Очи су огледало душе*), *душа* = *характер* (*Инат баби душу губи*), *душа* = *человек* (*Трпи, душо, Бога ради*).

Среди сербских паремий с именем концепта *душа* значительное место занимают примеры, где реализуется значение *душа* = *совесть*, зачастую в терминах ее наличия/отсутствия: *Ко има образа, има и душе* (У кого есть честь, у того есть и совесть); *Где је образ ту је и душа* (Где честь, там и совесть); *Два без душе трећи без главе* (Двое без души = вести — третий без головы); здесь *иметь душу* означает «быть добрым и честным человеком, иметь совесть», а *[быть] без души*, соответственно — «быть жестоким и бессовестным». Следует отметить, что сербские концепты *образ* (приблизительно: честь, доброе имя) и *душа*

часто реализуются в рамках одного высказывания, например, *Залуд вук остављаш на образ овце, а лисици кокошке на душу* (Не доверяй волку стеречь овец, а лисице кур) (посл.), *Чувајте образ и душу* (берегите честь и душу = совесть).

Для русского паремиологического фонда характерен лингвокогнитивный принцип контраста [Бочина, 2003], активно реализуемый и в пословицах с компонентом *душа́*. В многочисленных примерах концепт *душа́* осмысливается путем противопоставления и входит в состав смысловых оппозиций; в большинстве их реализуется значение имени концепта душа = характер, свойства личности.

Наиболее частотна оппозиция «душа vs. деньги / богатство». Исследованные примеры выражают следующие ценностные установки: богатство вредно, тягостно и губительно для души (*Не пустишь душу в ад, не будешь богат; Отдай душу в ад, так будешь богат; В богатстве сыто брюхо, голодна душа; Деньги — что камень, на душу ложатся*); ценность души неизмеримо выше материальных благ (*Деньгами души не выкупишь; Скупому душа дешевле гроша*); любовь и чистая совесть важнее богатства, бедность не порок (*Проживешь и в шалаше, коли милый по душе; Мошна пуста, да душа чиста; У бедного шуба овечья, а душа человечья; Не обижай голыша: у голыша та же душа*).

В сербской паремиологии связь души и денег отражена в одной пословице: *Новац је душогубац* (Деньги душу губят), ценностная установка которой совпадает с русской.

На втором месте по степени репрезентативности находится оппозиция «душа vs. внешность». Основная ценностная установка данных паремий гласит: внешность бывает обманчива, о чем прямо предупреждает пословица *Не гледи на чуб, гледи на душу*. В большинстве исследованных примеров привлекательная внешность противопоставляется негативным личностным качествам: *Лицом хорош, да душою непригож; Собой красава, да душа трухлява; Личиком бел, да душою черен; Кафтан золотой, а душка — полушка; Молодец красив, да на душу крив; Коли душа черна, так и мылом не отмоешь* и др. Гораздо менее многочисленны пословицы, где под невзрачной внешностью скрывается добрая душа: *Хоть рожа и худа, да душа хороша; Плоха рожа, да душа гожа*.

Универсальная идея несоответствия внешности и «внутреннего человека» в сербской паремиологии также реализуется через принцип контраста (*С поља лијеп, а изнутра слијеп; С поља гладац, а изнутра јадац*), но без использования имени концепта *душа*. В ряде сербских пословиц идея внутренней сущности человека, противопоставляемой внешности, выражена с помощью имени концепта *срце*: *Овчије руно а вучије срце; На језику мед, а на срцу јед; Пуне очи а празно срце*). Это подтверждает данные толковых словарей, где *срце* — одно из периферийных значений концепта *душа*, объединенных нами в ЛСВ 9 «душа = часть тела».

Несколько русских пословиц отражает оппозицию «душа vs. тело»: *Что телу любо, то душе грубо; Телу простор — душе теснота; Рада б душа посту, да тело бунтует; Рана от копья — на теле, рана от ре-*

чей — в душе. Разделение человека на душу и тело находит отражение в сербском фразеологическом фонде: *бити душом и телом уз некога* (быть преданным кому-л. душой и телом), *душа се с телом растаје* (душа с телом расстается) и др., но в исследованных паремиях не представлено.

В ряде русских пословиц *душá* является компонентом концептуального противопоставления «свое — чужое»: *За чужую душу не распинайся; За чужую душу одна только сваха божится; В чужую душу не влезешь*. Широко распространенная в русской лингвокультуре паремия *Чужая душа — потемки* отличается лексической вариативностью: *Чужая душа темна / темный лес / темен бор*. Здесь душа образно представлена как «закрытое пространство, которое понимается как изначально темное» [Нуждина, 2004. С. 47]. В сербской лингвокультуре данным паремиям соответствует высказывание с иным образом: *Туђа душа затворена књига* (Чужая душа — закрытая книга), не отличающееся широкой употребительностью. Таким образом, мотив *чужой души* и ее непостижимости более разработан в русской паремиологии.

Принцип контраста в русских паремиях с компонентом *душá* реализуется также посредством приема дезидентификации, где душа осмысливается через отрицание идентификации ее с каким-либо объектом: *Душа не балалайка; Голод не тетка, душа не сосед; Душа не одежда, наизнанку не вывернешь; Душа не яблоко, ее не разделишь*.

В некоторых сербских паремиях *душа* выступает в качестве эталона сравнения: *мирише као душа девојачка* (благоухает как девичья душа), *у туђе место је човек као душа изгубљена* (человек на чужбине — как потерянная душа), *као осуђена душа* (как осужденная душа).

Имеются русские паремии, которые отражают метафорическую связь концептов *жена (женщина)* и *душа*: *Честная жена для супруга душа, а с хорошим умом и всем хороша; Женишка душа, любит мягкую подушку; Муж — голова, жена — душа*. Очевидно, представление о душе(вности) связывается в русской культуре с представлением о женственности, что подтверждают высказывания русских философов о женской сущности *русской души*.

В сербском паремиологическом фонде выделяется особая семантическая группа паремий, так называемые клятвы (заклетве), широко распространенные в прошлом, на что указывает их вариативность: *Тако ми Бог душу од нечастивога сачувао; Тако ми враг душу не понио; Тако ми враг ањџелу душу не отео; Тако ми грешне душе; Тако ми лако душа испала; Толико ми враг души наудио* и др. Они приблизительно эквивалентны устойчивым словесным комплексам *Не сойти мне с этого места; Чтобы мне свету божьего не взвидеть; Клянусь своей душой*. Выражения *Лиши мене и моје душе* (Да не случится этого со мной и моей душой), *Ходи ђаволе од мене и од моје душе* (Отойди, дьявол, от меня и моей души) аналогичны русским формулам *Боже сохрани; Чур меня*, которым приписывалась охранительная функция. Изначально построенные на религиозных смыслах, на представлении о душе как о «поле битвы Бога и дьявола», в настоящее время сербские паремии данной

группы имеют междометный характер и являются малоупотребительными, а слово «душа» в них частично десемантизировано.

Паремии крайне редко являются абсолютными эквивалентами, если иметь в виду и смысловую тождественность, и тождественность средств образного выражения этого смысла [Корнилов, 2003. С. 258]. Наибольшая степень эквивалентности, на уровне структуры, выражаемого смысла и метафорических средств выражения, наблюдается в поговорках *Глаза — зеркало души*, *Очи су огледало душе*, восходящих к латинскому источнику *oculi speculum animae sunt*. Эквивалентными по смыслу и ключевому слову *душа* можно считать высказывания *Упокой, Господи, его душу* и *Бог да му души покој да*, а также *Чужая душа — потемки*, *Туђа душа затворена књига*. Приблизительно эквивалентны по смыслу, но не по средствам его выражения пословицы *Злоба једе душу као рђа гвожђе* (Злость разъедает душу, как ржавчина железо) — *Тому тяжело, кто помнит зло*, *Човек се нада док год је душе у њему* (Человек надеется, пока в нем есть душа) — *Надежда умирает последней*. Однако большая часть изучаемых паремий в сопоставляемых языках не имеет эквивалентов.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ русских и сербских паремий, относящихся к интерпретационному полю концептов *душá* и *душа*, выявил значительное количественное преобладание русских паремий с компонентом *душа* и большее разнообразие концептуальных признаков в русских паремиях. Общим для русской и сербской культур является понимание души как жизненного существа человека (по В. И. Далю), но в русских паремиях актуализируется более «земное», психологическое понимание *души* как «внутреннего человека», а в сербских паремиях более акцентировано религиозное и морально-этическое представление о *душе*. Отмечаются особенности паремий, не характерные для сопоставляемой культуры: в русской это осмысление *души* через прием контраста и прием дезидентификации, частотность противопоставления *души* и денег, распространенный мотив *чужой души*, метафорическая связь концептов *жена (женщина)* и *душа*; в сербской — оценка нравственных качеств человека в терминах наличия или отсутствия *души*, связь концептов *душа* и *образ*, актуализация древнего значения имени концепта *душа* = *дыхание*, а также широкое использование имени концепта в речевом акте клятвы, характеризующем архаичное обыденное сознание. В результате исследования выяснилось, что, несмотря на родство и общность языков и культур, число выявленных русско-сербских эквивалентов среди пословиц с именами концептов *душá* и *душа*, минимально, и в целом в репрезентации данных концептов в паремиологии различия превалируют над сходствами.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
- Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2003. 50 с.

- Даль В. И. Пословицы русского народа. СПб.: Авалон; Азбука-классика, 2007. 304 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- БТС — Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Л — Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М.: Эксмо, 2007. 928 с.
- Нуждина О. Ю. Концепты «душа» и «тело» в языковой картине мира. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 227 с.
- ОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.
- Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.
- Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах. М.: ТЕРРА, 1997. 352 с.
- МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 1339 с.
- РСЈ — МС — Речник српског језика. Нови Сад: Матица Српска, 2007. 1561 с.
- РМС — МХ — Речник српскохрватског књижевног језика. Књига прва. Нови Сад, Загреб: Матица Српска, Матица Хрватска, 1976. 1038 с.
- РСАНУ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књига V. Београд: Институт за српскохрватски језик САНУ, 1968. 780 с.
- Српске народне пословице / сакупио Вук Стефановић Караџић. Београд: Отворена књига, 2009. 256 с.

REFERENCES

- Alefrenko N.F. *Frazeologija i paremiologija* [Phraseology and Paremiology], Textbook. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009, 344 p.
- Bochina T.G. *Kontrast kak lingvokognitivnyi printsip russkoi poslovitsy* [Contrast as a Linguocognitive Principle in Russian Proverbs], *Extended abstract of PhD Thesis*. Kazan, Kazan State University, 2003, 50 p.
- Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of Russian People]. Saint Petersburg, Avalon Publ.; Azbuka-klassika Publ., 2007, 304 p.
- Karasik V.I. *Iazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: person, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p.
- Kornilov O.A. *Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language World-Views as Derived from National Mentalities]. Moscow, CheRo Publ., 2003, 349 p.
- Kuznetsov S.A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Modern Russian definition dictionary]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000, 1536 p.
- Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Russkii tolkovyi slovar'* [Russian definition dictionary]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 928 p.
- Nuzhdina O.Iu. *Kontsepty «dusha» i «telo» v iazykovoï kartine mira* [Concepts 'soul' and 'body' in the Russian language worldview]. PhD Thesis (Theory of Language). Moscow, Moscow State Regional University, 2004, 227 p.

- Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Definition Dictionary of Russian]. Moscow, ООО «А TEMP» Publ., 2007, 944 p.
- Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings], ed. V. Anikin. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988, 431 p.
- Snegirev I.M. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. Russkie v svoikh poslovitsakh* [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings. Russian People in their Proverbs]. Moscow, TERRA Publ., 1997, 352 p.
- Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Academic Russian Dictionary in 4 Volumes], vol. 1, ed. A.P. Evgen'eva. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985, 696 p.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 17 t.* [Academic Russian Dictionary in 17 volumes], vol. 3. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1954, 1339 p.
- Rečnik srpskog jezika* [Dictionary of Serbian language]. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2007, 1561 p.
- Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika* [Dictionary of Serbo-Croatian literary language] Knjiga prva. Novi Sad, Zagreb, Matica Srpska, Matica Hrvatska Publ., 1976, 1038 p.
- Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika* [Dictionary of Serbo-Croatian literary and folk language] Knjiga V. Beograd, Institut za srpskohrvatski jezik SANU Publ., 1968, 780 p.
- Srpske narodne poslovice* [Serbian Folk Proverbs], ed. Vuk Stefanović Karadžić. Beograd, Otvorena knjiga Publ., 2009, 256 p.

Диана Игоревна Медведева

Кандидат филологических наук, доцент

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Diana Medvedeva

Candidate of Philology, Associate Professor

Udmurt State University (Izhevsk)

diami@mail.ru

Мари Кристи́н Сире́жол

Университет Париж III Новая Сорбонна (Франция)

ЛЕОН МУССИНАК — ПРОПАГАНДИСТ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦИИ

Ключевые слова: Леон Мусси́нак, коммунист, интелле́ктуал, отношения Франции и СССР.

В статье анализируется роль Леона Мусси́нака в пропаганде русского кинематографа и театра во Франции. Автор представляет Мусси́нака как тонкого ценителя советского кинематографа и театра, пропагандировавшего их у себя на родине, и изменяет сложившееся ранее представление об этом деятеле французской культуры как агента влияния советской власти на Западе. В научный оборот вводятся новые имена и факты, анализируются отношения культуры и власти, изучается влияние русского театра и кинематографа на французскую культуру.

Marie Christine Sirejols

University of Paris III: Sorbonne Nouvelle

LÉON MOUSSINAC AS A COMMUNICATOR OF THE SOVIET CULTURE IN FRANCE

Keywords: Leon Moussinac, communist, intellectual, France-USSR relations.

The article focuses on what role Leon Moussinac played in propaganda of the Russian cinematography and theatre in France. Leon Moussinac is seen as connoisseur of the Soviet cinematography and theatre who was actively involved in propaganda of the Soviet cinematography and theatre in France and attempts to transform biased information of him as an Soviet agent in the West. It introduces new names and figures, discusses the relations between the state and culture, and analyses how the Russian theatre and cinematography influenced the French culture.

Леон Мусси́нак не так известен в России, как другие французские писатели — члены Французской коммунистической партии или ее сторонники в период между двумя войнами (Р. Роллан, А. Барбюс, Л. Арагон или же А. Мальро и А. Жид), тем не менее он пользовался значительным влиянием в том, что касается «мягкой власти» («soft power») культуры Советского Союза.

Во Франции он лучше всего известен в кругах историков кино, у которых его труды пользуются авторитетом. Два тома «Léon Moussinac, un intellectuel communiste» [Леон Мусси́нак, коммунист-интеллектуал]

(один том посвящен исследованиям, второй — антологии) [Vignaux, Albera, 2014], недавно опубликованные Французской ассоциацией исследований в области истории кино, как раз относятся к этой сфере его деятельности.

Тем не менее Муссиак, романист, сценарист, автор песен, театральный постановщик, был в первую очередь талантливым искусствоведом, одинаково интересовавшимся кино, театром и декоративными искусствами, сыгравшим важную роль в интеллектуальной жизни французских левых сил в период между двумя войнами, а затем и более официальную роль в послевоенных учреждениях, поскольку он руководил Институтом кинематографии (IDNEC), сменив на этом посту Жоржа Садуля, другого великого историка кино и члена коммунистической партии Франции. Он также возглавлял Высшую национальную школу изобразительных искусств.

Немного биографии

Муссиак родился в 1890 г. Учась в лицее Карла Великого в Париже, он заводит дружбу с Луи Деллюком. Оба впоследствии становятся первыми кинокритиками Франции. Еще в молодом возрасте Муссиак посещает бульварные театры, ходит на феерии, фарсы, заходит и в кафе шантан. Он навсегда сохранит любовь к популярному театральному искусству, в частности мюзик-холлам и песенному жанру. Это увлечение сближает его с сюрреалистами и русским авангардом.

Он учится праву, с 1907 г. начинает работать и идет на военную службу в 1910 г. На службе он задержится на восемь лет, до конца войны: травмирующий опыт для всего поколения. Во время одного из увольнений Муссиак женится на Жанне Лодс, сестре режиссера Жана Лодса, который также будет находиться в СССР с 1934 по 1937 г.

В 1919 г. Муссиак начинает писать статьи для журнала «Film», созданного его другом Деллюком, и для «Comoedia illustré», где он затрагивает также вопросы театра и пластических искусств. Помимо этого в 1919 г. он становится главным редактором журнала «Arts et décoration» и пишет о кино в «Mercure de France».

Кроме того, будучи членом французского отделения Коммунистического интернационала, созданного в 1920 г. и ставшего затем Французской коммунистической партией, он пишет с 1921 г. для пацифистского журнала «Clarté», основанного Анри Барбюсом в 1919 г., затем в 1922 г. для «Humanité».

В 1924 г. Муссиак вступает в ряды Французской коммунистической партии.

В 1925 г. Муссиак, уже заработавший некоторую известность как искусствовед, назначен театральным репортером во время Парижской международной выставки декоративных искусств. В этот период интерес к советскому авангарду растет параллельно с интересом к современному французскому искусству.

В тот же год Муссинок публикует «Naissance du cinéma¹» у Альбера Леви, где он занимает должность генерального секретаря издательства.

В 1926 г. создается Международное бюро революционной литературы, и Муссинок становится его членом.

В том же году Муссинок создает ассоциацию «Друзья Спартака», чтобы распространять советские фильмы.

В 1927 г. Муссинака приглашают в Москву на празднование десятилетия Октябрьской революции. Он приезжает в качестве члена центрального комитета Международной рабочей помощи, одной из центральных организаций Коминтерна. В СССР он проводит три недели, сначала посещает Москву, затем Киев и пользуется этой возможностью, чтобы наладить многочисленные контакты.

В том же году Барбюс основывает журнал «Monde», широко распахнувший двери для сторонников коммунистических идей. Муссинок ведет в журнале колонку кинокритики.

Но на шестом конгрессе Коминтерна в 1928 г. объявляется стратегия классовой борьбы, чуждая сближению с социал-демократами. В конце 1920-х годов Французская коммунистическая партия переживает кризис. Число сторонников падает; после исключения Троцкого из партии множатся идеологические споры. С началом «великого перелома» ощущается восстановление политического управления. В сентябре 1930 г. Международное объединение революционных писателей (МОРП) приходит на смену Международному бюро революционной литературы.

В 1931 г. Муссинок издает свой роман «La tête la première» («Очертя голову») [Moussinac, 1931]², имевший определенный успех.

В 1932 г. была основана Ассоциация революционных писателей и художников, французское ответвление МОРП. Основали ее Муссинок и Поль Вайян-Кутюрье. Официальным органом Ассоциации стал журнал «Commune», учрежденный год спустя.

Контроль над Французской коммунистической партией восстанавливается и усиливается.

В 1932 г. Франция и СССР подписывают пакт о ненападении.

В том же году Муссинок основывает журнал фоторепортажа «Regards». Он также ввязывается в авантюру с Театром международного действия, разместившимся в театре «Буфф дю Нор», но театр быстро прогорает.

В 1933 г. Муссинок выпускает «Des ouvriers dans leur usine» («Рабочие на своих заводах») [Moussinac, 1933], просоветский пропагандистский текст.

В 1933 г. Муссинок с женой отправляются в Москву. В России они проведут больше года.

¹ В русском переводе: Муссинок Л. Рождение кино / пер. с фр. С. Мокульского и Т. Сорокина. Л.: Academia, 1926. — Примеч. пер.

² В русском переводе: Муссинок Л. Очертя голову / пер. с фр. М. Левберг. Л.: Время, 1934. — Примеч. пер.

За время их отсутствия в Париже учащаются выступления правых. С ростом фашистской угрозы интеллектуалы начинают объединяться все быстрее. Французская коммунистическая партия ищет новую опору.

В августе-сентябре 1934 г. Муссинак присутствует на первом съезде Союза писателей, где социальный реализм был официально признан основным методом литературы.

В 1934 г., в год убийства Кирова, Муссинак публикует «Je reviens d'Ukraine» («Я возвращаюсь с Украины») [Moussinac, 1933].

В декабре 1935 г. МОРП прекращает свое существование, вместо него начинает свою работу зарубежное отделение Союза писателей. Перестает издаваться журнал «Интернациональная литература».

В июне 1935 г. в Париже проходит антифашистский Конгресс писателей в защиту культуры.

По возвращению из СССР Муссинак встает во главе издательства «Editions Sociales Internationales» («Международные социальные издательства»), основанного в 1927 г.

В том же 1935 г. выходит роман «Manifestation interdite» («Запрещенная демонстрация») [Moussinac, 1935]³. Поскольку роман прочат на премию Ренодо, Муссинак обращается за советом к Французской коммунистической партии, рекомендовавшей ему отказаться от этой «буржуазной» премии. На следующий год Луи Арагон получит эту же премию за роман «Богатые кварталы» (Les Beaux quartiers).

1937 г.: Муссинак приглашен в Москву на празднование двадцатилетия Революции.

1939 г.: заключен советско-немецкий пакт. Запрещены издательство «Editions Sociales Internationales», журналы «Regards» и «Com-mune».

Начинается Вторая мировая война.

В 1940 г. Муссинака, арестованного как члена Французской коммунистической партии, содержат в концентрационном лагере Гюрс. В 1941 г. суд выносит ему оправдательный приговор, после чего он вступает в ряды Сопротивления в Керси и подпольно публикует свои работы.

В 1945 г. в книге «Le radeau de la Méduse» («Плот „Медузы“». Записки политического заключенного) [Moussinac, 1944] Муссинак повествует о своем заключении.

С 1947 по 1949 г. Муссинак занимает должность директора Института кинематографии.

С 1946 по 1959 г. руководит Высшей национальной школой декоративных искусств (Ecole nationale Supérieure des Arts décoratifs).

В 1964 г. Муссинака не стало.

³ В русском переводе: Муссинак Л. Запрещенная демонстрация / пер. с фр. Н. Со-болевского. М.: Гослитиздат, 1935. — Примеч. пер.

Муссиак — пропагандист советского кино

Ранний интерес Муссиака к кино, а также его политическая ангажированность сделают из него настоящего пропагандиста советского кино во Франции.

Задача не из легких, бобины с фильмами не попадают в Париж в послереволюционные годы. Затем декрет Эррио от февраля 1928 г. препятствует их распространению по принципу взаимности (советские фильмы не показывают во Франции, т. к. французские фильмы не показывают в СССР). Когда Муссиаку удастся достать киноленты, он показывает их в рамках кино клубов, организуя частные показы, число участников которых ограничено по закону. В кино клуб «Ciné club de France» уже приходит элитарная публика посмотреть фильмы Марселя Лербье, редко показываемые в то время, а также фильмы Абе ля Ганса в полной версии и т. д. Именно в этом контексте Муссиак впервые устраивает показ фильма Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“» в 1926 г.

После своего путешествия в СССР в 1927 г. Муссиак ищет более подходящую площадку для выражения своих политических убеждений и создает клуб-ассоциацию «Друзья Спартака» (Amis de Spartacus). Фильмы показывают в Казино де Гренель в 15-м аррондисмане Парижа. Это театральная площадка на 1500 мест, принадлежащая Рабочему и крестьянскому банку, связанному с Французской коммунистической партией, где порой собирается до 2000 человек [Vignaux, 2014. P. 151]. Месячный взнос равен цене одного билета в кино. Публика очень разношерстная: зрители обеспеченные и «в тренде», служащие, рабочие и активисты Французской коммунистической партии. В апреле 1928 г. Муссиак устраивает показ фильмов «Броненосец „Потемкин“» и «Мать» Пудовкина, а также документального фильма «Жизнь в СССР». Киносеансы проходят по четвергам, а затем еще и по средам и субботам во второй половине дня. Похожие ассоциации быстро плодятся в пригороде и в больших французских городах. Потом в программе показов появляются: «Конец Санкт-Петербурга» Пудовкина, «Одинадцатый» Дзиги Вертова, «Звенигора» Пудовкина, «Октябрь» Эйзенштейна и фильмы Совкино [Vignaux, 2014. P. 153]. Кино клуб пользуется большим успехом.

Тем не менее владельцы коммерческих кинотеатров протестуют против такой конкуренции, которую они считают нечестной, и обличают большевистскую пропаганду. В ноябре префект Шьяп запрещает показы советских фильмов, и кино клуб «Друзья Спартака» прекращает свое существование [Vignaux, 2014. P. 155]. Организованный Муссиаком год спустя показ «Генеральной линии» Эйзенштейна в Сорбонне также будет запрещен.

Однако за время своей поездки в СССР в 1927 г. Муссиак налажил связи со студиями Совкино в Москве и ВУФКУ в Киеве, а также с рядом режиссеров: с Пудовкиным, Вертовым, Довженко, Козинцевым, Траубергом и особенно Эйзенштейном [Pozner, 2014. Pp. 268–270]. Он

остается с ними в переписке, просит присылать фотографии и бобины с фильмами. В благодарность он помогает им с приглашениями или визами. Очень сблизившись с Эйзенштейном в период с 1928 по 1933 года, Муссиак печатает статьи режиссера во французской прессе и помогает ему получить визу на конгресс в Ля Сарразе (Швейцария), затем в Париже в 1929 году [Pozner, 2014. Р. 281].

В 1929 г. Муссиак возобновляет показ советских фильмов в зале «Бельвилуаз» (Bellevilloise), находящемся под эгидой Международной рабочей помощи и расположенном в менее фешенебельном квартале Парижа. Публика, состоящая преимущественно из активистов, может посмотреть «Третью Мещанскую» («Любовь втроём») Роома, «Потомок Чингисхана» (или «Буря над Азией») Пудовкина, «Обломок империи» Эрмлера.

Одновременно с этим Муссиак пишет многочисленные статьи о советском кино для журналов «Monde», «Commune», для газеты «Humanité» и даже для «Europe», которые обращаются к гораздо более широкой публике, а также публикует в 1928 г. в издательстве «Gallimard» свою книгу «Le cinéma soviétique» («Советское кино») [Moussinac, 1928]⁴, имевшую большой успех и выдержавшую не одно переиздание.

О советском кино Муссиак всегда говорит с позиции ангажированного критика. Он особо выделяет систему кинопроизводства, позволяющую осуществлять амбициозные в художественном плане цели, не сталкиваясь при этом с коммерческими препонами капиталистической системы. Но это также слова вдумчивого критика, углубленно анализирующего фильмы, сценарий, кадрирование, фотографию, монтаж и очерчивающего крупными штрихами эстетику основных режиссеров.

За время своего повторного пребывания в СССР в 1933–1934 гг. Муссиак остается не удовлетворен новыми киноработами, просмотренными в Москве, и пишет для газеты «Правда» свой отчет, полный разочарования, который он так и не опубликует [Pozner, 2014. Р. 305]. Вместе с тем по возвращению он пишет статью, полную энтузиазма, в честь пятидесятилетия советского кино для журнала «Monde», но прекращает ратовать за показы советских фильмов.

Муссиак и советский театр

Театр играет в работе Муссиака не такую важную роль, как кино. Тем не менее ему также отводится значительное место. Интерес Муссиака к театру, проявившийся еще в молодости вместе с любовью к декоративным искусствам, рано подвиг его к написанию книги «La décoration théâtrale» («Театральные декорации») [Moussinac, 1923], а затем к увлечению советской сценографией благодаря спектаклям Таирова, которые он увидит в гастрольном турне в 1923 г., или спектаклям

⁴ В русском переводе: Муссиак Л. Советское кино / пер. с фр. А. В. Брагинского // Леон Муссиак. Избранное. М.: Искусство, 1981. С. 100–132. — *Примеч. пер.*

Мейерхольда и Вахтангова, макеты и фотографии к которым будут представлены на выставке декоративных искусств в 1925 г. С этого времени он начинает собирать информацию, читает опубликованные за рубежом книги американца Вальтера-Рене Фюрста [Fuerst, 1928] и австрийца Рене Фюльп-Миллера [Fülöp-Miller, Gregor, 1928] и по максимуму использует свое пребывание в Москве в 1927 г. для посещения спектаклей и встреч с режиссерами-постановщиками.

В 1931 г. он пишет «*Tendances nouvelles du théâtre*» («Новые тенденции театра») [Moussinac, 1931]. В этой замечательной книге, опубликованной в издательстве «Levy» в количестве всего 600 экземпляров, представлена панорама всех мировых новаторских театральных тенденций. Книга насчитывает 124 полностраничные иллюстрации: фотографии макетов спектаклей, цветные эскизы костюмов. Восемьдесят иллюстраций из 124 посвящены Советскому Союзу. Каждый документ сопровождается коротким комментарием. В них речь идет о ГОСЕТе, Рабиновиче (9 документов посвящено «Лисистрате»), Таирове (в целом 28 документов по «Благовещению», «Федре», «Жирофле-Жирофля») и Мейерхольде (2 иллюстрации для «Леса», 3 для «Мандата», 3 для «Клопа» и 9 для «Ревизора»).

Но в длинном введении Муссинак особо подчеркивает влияние русского театра в Европе и Америке, т. к. русский театр сумел добиться единства актера и игрового пространства, привлекая все измерения сцены. Здесь подчеркивается именно современная концепция сценографии. Муссинак отстаивает идею, что только спектакль для массового зрителя может вызвать такие же эмоции, как спорт или мюзик-холл, и сохранить коллективный настрой, исчезнувший в литературном театре, перешедшем, по его мнению, в разряд «ископаемых». Такая позиция, защищающая зрелище во всей своей полноте, была очень смелой для своего времени и натывалась на французскую традицию сокровенного отношения к тексту.

Помимо расточения похвал, полных энтузиазма, русскому театральному авангарду Муссинак и сам пишет и адаптирует пьесы для сцены, а также выступает в качестве театрального постановщика (с переменным успехом).

Муссинак рано адаптирует пьесы Руффенаха, а еще с большим увлечением он пишет сатирические пьесы в стиле фарса или политического обзора, как, например, «*Le père Juillet*» («Отец Июль») в 1925–1926 гг. вместе с Полем Вайян-Кутюрье, «*Les trois garces*» («Три шлюхи») в 1936 г., литературные шутки, объединяющие фигуры агитпропа и музыки [Piana, 2014]. Он также является автором нескольких песенных сборников.

В силу своих политических убеждений Муссинак также поддерживает ангажированный театр и участвует в 1931 г. в основании Федерации французского рабочего театра (FTOF), отделения Международного объединения рабочих театров. Он близок с актерами труппы «*Prémices*», часть участников которой создают в 1932 г. группу «Октябрь». Муссинак знакомит их с Превером, чьи стихи будут способ-

ствовать успеху группы. Муссиак даже поедет с ними в Москву на Олимпиаду рабочих театров в 1933 г.

Между тем он предпринимает еще одну театральную авантюру — создает в 1932 г. Театр международного действия. Муссиак хочет создать профессиональный ангажированный театр на манер театра Мейерхольда или Пискатора. Проект очень амбициозный, он получил политическую поддержку Жана-Ришара Блока, Поля Вайян-Кутюрье, его поддержали как Жуве, так и Рене Клер. Тем не менее все настроены достаточно скептически по поводу открытия театра политического действия в Париже. И, действительно, Театр международного действия, обосновавшийся на сцене Буфф-дю-Нор, местного театра, распахнувшего некогда свои двери для анархистского театра (в начале 1970-х годов на этой же сцене обоснуется Питер Брук), не будет иметь ожидаемого успеха. Муссиак там представляет пацифистскую пьесу «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова в переводе Владимира Познера с декорациями Натана Альтмана и в постановке неизвестного кинорежиссера, ставшего, возможно, ширмой для Грановского, основателя ГОСЕТа, так и не вернувшегося в СССР после турне 1928 г., заявленного как «помощник постановщика». В этом ли причина отсутствия интереса со стороны Французской коммунистической партии? Как бы то ни было, партия авантюру не поддержала. Рабочие в театр не идут, и его приходится закрыть в декабре 1932 г., при этом Муссиак остается весь в долгах.

От театра он все же не отказывается и во время своего пребывания в Москве в 1933–1934 гг. возобновляет сотрудничество в этот раз с ГОСЕТом и его новым директором Михоэлсом. Чтобы не уходить от любимого им гротескного жанра, Муссиак адаптирует и ставит пьесу «Миллионер, дантист и бедняк» по водевилю «Тридцать миллионов гладиатора» Лябиша, сделав из него сатиру на буржуазию [Piapa, 2014. P. 202]. Спектакль будет идти на идише с музыкальным сопровождением. Репетиции затягиваются, прерванные подготовкой к постановке Михоэлсом «Короля Лир». Наконец работа над пьесой закончена в 1934 г., и она имеет настоящий успех. Постановка войдет в репертуар театра. А сам Муссиак отправляется на три месяца на гастроли с труппой. По следам этого опыта он пишет рассказ «Avec les comédiens soviétiques en tournée» [В турне вместе с советскими актерами], опубликованный в 1936 г. в издательстве «Editions sociales internationales». В этой небольшой книжке он рассказывает о путешествии с труппой до Тифлиса, передает слова Михоэлса о том, что в СССР при Сталине есть место всем национальностям, в частности евреям. Но наряду с политически мотивированными комментариями Муссиак также делится своим воодушевлением от таланта актеров и радуется встречам с публикой.

Этот спектакль останется единственной постановкой Муссиака, сделанной для театра, но он не перестанет им интересоваться.

В 1938 г. Муссиак участвует в создании «центра драматической подготовки» в рамках Союза независимых театров Франции, пришедшего на смену распущенной Федерации французского рабочего театра,

и размышляет над вопросом обучения актеров и постановщиков, организуя теоретические курсы, конференции, игровые занятия и занятия по сценографии.

Интерес Муссинака к постановке отразится в послевоенной публикации 1948 г. «*Traité de la mise en scène*» («Трактат о режиссерском искусстве») [Moussinac, 1948] и в 1957 г. в труде «*Théâtre des origines à nos jours*» («Театр от его истоков до наших дней») [Moussinac, 1957], толстом томе, посвященном истории театра, где в этот раз только 20 страниц отведены русскому театру с фотографиями последних спектаклей и всего несколькими строками о только что реабилитированном Мейерхольде.

Муссинак — интеллектуал, преданный СССР и Французской коммунистической партии

С самого своего присоединения к Французской коммунистической партии в год признания Францией СССР Муссинак входит в круг интеллектуалов, с чьим мнением в партии считаются.

Он пишет для журнала «*Clarté*» и завязывает дружбу с Полем Вайян-Кутюрье.

В 1926 г. Международное бюро пролетарской литературы, созданное в 1924 г., становится Международным бюро революционной литературы. Кандидатура Муссинака в члены бюро предложена Барбюсом вместе с кандидатурами Пьера Паскаля и Андре Бретона.

Муссинак становится членом центрального комитета Международной рабочей помощи, одной из многочисленных ассоциаций во главе с Вилли Мюценбергом, подчиняющейся Коминтерну. Отношения между Муссинаком и Мюценбергом заслуживают особого внимания, Мюценберг, хорошо умевший манипулировать умами западной интеллигенции, осознающий, какую роль в пропаганде играет культура и особенно кино, создал общество распространения советских фильмов, и Муссинак для него был, безусловно, ценным союзником. Как бы то ни было, Муссинака приглашают в Москву именно в качестве члена Международной рабочей помощи, и можно предположить, что Международная рабочая помощь оказывает финансовую поддержку созданию «Друзей Спартака» в 1928 г. [Pozner, 2014. Р. 273].

Возможно, что следование Муссинаком линии партии вызвало недоверие среди некоторых из его русских друзей. Во всяком случае, изменившийся тон его переписки с Эйзенштейном наводит на такие мысли. Между 1928 и 1933 гг. режиссер свободно, доверительно и на замечательном французском пишет своему другу. Но после поездки в Мексику, когда оба друга находятся в Москве в 1933 г., они перестают видаться [Pozner, 2014. Р. 304].

Действительно, начиная с 1929 г. Муссинак следует линии «великого перелома»: в 1930 году он пишет для иллюстрированного журнала пропаганды «СССР на стройке», выходившего на русском, французском, немецком и английском языках.

В то время как дело Барбюса раздирает Французскую коммунистическую партию, Муссинак принимает линию МОРП и открывает свою колонку кинокритики в «Humanité» для обзоров читателей из числа рабочих в самой что ни на есть традиции рабкоров.

В 1932 г., когда во Франции создается Ассоциация революционных писателей и художников, Муссинак находится среди ее основателей вместе с Полем Вайян-Кутюрье. Именно у него собираются Поль Вайян-Кутюрье, Афиногенов, Киршон, Познер, чтобы оказать давление на Барбюса и убедить его отказаться от поддержки некоторых из его соратников, продолжающих писать для «Monde». Поль Вайян-Кутюрье и Муссинак даже готовят текст, который должен подписать Барбюс, но тот отказывается⁵. Спустя несколько месяцев Барбюс поедет в Москву, где встретится со Сталиным и получит денег для «Monde». С тех пор он отойдет от своего «троцкистского окружения».

Заявления о следовании реализму, прозвучавшие впервые на конгрессе в Харькове в 1930 г. и постоянно повторявшиеся с тех пор, подвигнут Муссинака, ранее яростного защитника современного искусства, выступить в 1932 г. против абстрактного искусства в «Humanité». Его критика нацелена против группы «Креативная абстракция» (Abstraction-Création), Ласло Мохой-Надя, Пита Мондриана, Тео ван Дусбурга. Он пишет, что абстракция проявляет фундаментальный пессимизм по отношению к социальной жизни: «l'abstraction traduit un pessimisme fondamental à l'égard de la vie sociale». Свои аргументы он также излагает в журнале «Commune», являющемся органом Ассоциации революционных писателей и художников. В 1933 г. Муссинак находится в Москве на Олимпиаде рабочих театров, в которой принимает участие группа «Октябрь». Члены группы отказываются заявить о своей лояльности Сталину перед отъездом, как тогда было заведено. Перед лицом такой позиции членов группы Муссинак объясняет Федерации французского рабочего театра, как «почистить» группу и избавить ее от анархистских влияний (Аллегре и Превера, которых он, кстати, сам в свое время познакомил с группой)⁶.

Во время своего пребывания в Москве Муссинак работает для французского издания «Интернациональной литературы». Он даже руководит выпуском номера 2/3, в который входят репортажи пропаганды, посвященные Беломорканалу, а также нападки на противников Сталина. Его роман «Очертя голову» выходит на русском языке, и он соглашается убрать упоминание о Панаите Истрати, объявленном предателем после выхода его романа «К другому огню: Исповедь проигравшего».

По следам своего путешествия по Украине с бригадой писателей Муссинак публикует в 1934 г. в издательстве «Bureau d'Editions» книгу «Я возвращаюсь с Украины». Возвращаясь к идиллической картинке

⁵ Архивы РГАСПИ, Ф.541, оп.1, Д 4, Л 38-40, цит. по: [Диалог писателей, 2002].

⁶ Архивы РГАСПИ, Ф. 517 , оп. 1, Д. 1583 (фонды Французской коммунистической партии), цит. по: [Pozner, 2014. P. 302].

Украины с ее полями пшеницы и красивыми крестьянками, он винит во всех проблемах кулаков. И даже если упоминает о налетах, совершаемых беспризорными детьми в городах, то пишет в «Humanité»: «Нет, с голода на Украине не умирают»⁷.

В 1935 г., когда заходит речь о роспуске МОРП (что произойдет в декабре), Барбюс предлагает создать новую международную организацию, базирующуюся в Париже, чьими секретарями стали бы Муссинак и Бехер, а «Monde», для которого Барбюс просит солидной финансовой поддержки, официальным органом⁸.

В итоге было создано зарубежное отделение Союза писателей. Муссинак становится доверенным лицом Михаила Аплетина⁹, возглавившего отделение, и в течение многих лет их отношения сохраняются.

Действительно, в 1935 г. Муссинак стал директором «Editions Sociales Internationales» и всеми силами старается сделать из него хорошее издательство. С 1932 г. он также руководит журналом «Regards», очень красивым журналом фоторепортажа, связанным с Французской коммунистической партией, куда он приглашает известных фотографов: Капу, Картье Брессона, Вилли Рони. А также он не перестает писать для «Humanité», «Commune» и иногда для «Europe».

Муссинак, таким образом, является идеальной фигурой для налаживания связей с кругами французской интеллигенции. Аплетин, говоривший по-французски, по-английски, по-немецки, по-итальянски, поддерживает насыщенную переписку с многочисленными европейскими левыми интеллектуалами, чьей поддержки он просит примерно в одних и тех же формулировках. Так, он консультируется с Муссиным по поводу французских книг, которые стоит опубликовать в СССР, и особенно стремится повлиять на его решения как издателя. Из русскоязычной литературы издательство «Editions Sociales Internationales» публикует в основном политические произведения: труды Ленина вместе с трудами французских социалистов, но также несколько романов (9 советских романов из 29, опубликованных между 1935 и 1939 г., в частности «Как закалялась сталь» Николая Островского с предисловием Ромена Роллана). Хочется отметить, что проект уже был запущен Жидом и Дабю во время их поездки, но затем оставлен.

Аплетин хочет распространять книги советских теоретиков, посвященные эстетическим проблемам советской литературы. В этой связи он отправляет Муссинаку литературную критику, а также журналы о кино. Тот в ответ отправляет ему книги второстепенных, но политически благонадежных писателей: Робера Оннера, католического поэта и сторонника коммунизма, Эжена Потье, автора революционных

⁷ «Humanité», август 1933, цит. по: [Pozner, 2014. P. 300].

⁸ Конфиденциальное письмо Анри Барбюса А. С. Щербакову, РГАСПИ, Ф. 88. оп.1. Д. 606. Л. 1-8, цит. по: [Диалог писателей, 2002. С. 94].

⁹ Михаил Аплетин был секретарем МОРП, затем президентом иностранной комиссии Союза советских писателей и поэтому является таким важным звеном для оказания влияния на западную интеллигенцию.

песен, Тристана Реми, пролетарского автора, Луи Парро, специалиста по Испании. Переписка между Муссином и Алептином, идущая с очень короткими промежутками (в среднем три дня), свидетельствует, несмотря на несколько утерянных писем и пакетов, об особой важности для них этого общения. Алептин отправляет книги или статьи для использования в журналах или для перевода; Муссинак высказывает беспокойство по поводу авторских процентов, которые он еще не получил за свою книгу «Очертя голову», вышедшую на Украине¹⁰. Он также предлагает написать книгу о Японии, которую можно было бы модифицировать по необходимости и перевести на английский и немецкий, т. к., по его мнению, книгу, написанную французом, встретят с меньшим недоверием, чем если ее напишет советский гражданин¹¹.

В 1938 г. Союз писателей решает продвигать во Франции литературу республик СССР. Например, грузинскую литературу со средневековым поэтом Шота Руставели или армянского востоковеда Иосифа Орбели. Алептин посылает Муссинаку статьи об этих авторах, чтобы тот опубликовал их в «Commune», но Муссинак хочет быть уверен, что такие же статьи не выйдут в журнале «Интернациональная литература». Со своей стороны Муссинак рекомендует поэмы Поля Вайян-Кутюрье, «Надежду» Мальро, «Тяжелый хлеб» Фревиля, «Сталь» Андре Филиппа, лучший из всех, по его мнению (Мальро уже подозрителен).

Важно также отмечать юбилей. В 1938 г. по случаю 70-й годовщины со дня рождения Горького Алептин настоятельно просит Муссинака передать обвинения против «убийц в белых халатах»: он пишет, что отправил на адрес «Commune» статьи Иванова и Никулина о Горьком, которые вместе с протоколом с процесса могут предоставить необходимый и ценный материал для конференции на тему: «Зачем и как они убили Горького?»¹².

Муссинака также приглашают на 75-летний юбилей казахского поэта Джамбула Джабаева и особенно просят продвигать Шевченко, романтического украинского поэта, чей 125-летний юбилей празднуют в 1938 г. с большой помпезностью.

Тем не менее получаемые из Москвы директивы затрагивают не только литературу, Муссинак также получает очень четкие указания о необходимости придать известность докладу Молотова о третьей пятилетке, а также позицию Сталина весной 1939 г. накануне заключения советско-германского пакта.

С самого вступления во Французскую коммунистическую партию после Первой мировой войны и до поддержки сталинского режима

¹⁰ Разрешение получать авторский процент с книг, опубликованных в СССР, выдается в исключительных случаях.

¹¹ Мне не удалось напасть на след этой книги, но сам проект уже показывает, насколько Муссинак рассчитывает на советскую поддержку в своей личной писательской карьере, а также свидетельствует о его роли в качестве канала пропаганды.

¹² Смерть Горького служит предлогом для начала чистки в медицинских кругах. Французская коммунистическая пресса поддерживает эти выдуманные обвинения.

накануне Второй мировой войны весь творческий путь Леона Муссинака является символичным для многих французских интеллектуалов, постепенно поддавшихся советской «мягкой» власти. Как поборник художественного авангарда 20-х годов, почитатель Мейерхольда и Эйзенштейна, видевший в эстетической современности выражение политического освобождения, мог постепенно согласиться на роль культурного агента при советской власти?

Если искренность его политический воззрений вначале не подлежит сомнению, то потом Муссинак быстро становится вслед за Барбюсом и Полем Вайян-Кутюрье партийным интеллектуалом на службе Коминтерна. Об этом свидетельствует его вступление в Международную рабочую помощь и, как следствие, первое приглашение в Москву на празднование десятилетия Революции. Внимание, оказанное Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС) под управлением в то время О. Каменевой тщательно отобранным гостям, принятым в лучших гостиницах, представленным всем русским деятелям искусства и интеллигенции, с которыми они пожелали встретиться, сыграло, вне всякого сомнения, решающую роль. Это путешествие позволило Муссинаку по возвращению стать ценным партнером культурного советско-французского сотрудничества, имеющего возможность сначала заинтересовать достаточно широкую публику жизнью в СССР благодаря показу фильмов высокого качества, затем стать верным агентом пропаганды после своего продолжительного пребывания в Москве в 1930-е годы. Именно в это время упорчились связи Муссинака с советским режимом. Живя с женой в великолепной гостинице «Метрополь», получая хорошее жалование за свои статьи и процент с продаж своих переведенных на русский язык романов, он все теснее оказывается связан с СССР, настолько, что по возвращению отказывается критиковать состояние советского кино, чьей ценности больше не видит.

Муссинак находится во главе издательства, контролируемого партией, является влиятельным сотрудником различных журналов, его слова доходят до аудитории, включающей от активистов Французской коммунистической партии до сторонников французских левых. Его слепое подчинение советским директивам накануне войны могло бы дискредитировать его впоследствии, но началась война, и был концентрационный лагерь Гюрс, описанный в его книге, причем все быстро забыли, что в лагерь попадали как раз коммунисты, поддерживавшие советско-германский пакт в 1940 г.

Резкое изменение в политике Сталина, жертвы русского народа для победы над нацизмом, роль Французской коммунистической партии в движении Сопротивления заставили французов позабыть о позиции интеллектуалов-коммунистов в 1930-е годы. А Муссинак, признанный специалист в области кино и декоративных искусств, смог возглавить две престижные парижские школы, и при этом никто по сути не упрекнул его в тесном сотрудничестве с советским режимом.

ЛИТЕРАТУРА

- Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Fuerst W. R. *XXth stage decoration*. London: Knopf, 1928.
- Fülöp-Miller R., Gregor J. *Das Russische theater*. Zürich, Wien: Amalthea, 1928.
- Léon Moussinac, un intellectuel communiste / ed. V. Vignaux, F. Albera. Paris: AFRHC, 2014.
- Moussinac L. *La décoration théâtrale*. Paris: Rieder, 1923.
- Moussinac L. *Le cinéma soviétique*. Paris: Gallimard, 1928.
- Moussinac L. *La tête la première*. Paris: Flammarion, 1931.
- Moussinac L. *Tendances nouvelles du théâtre*. Paris: Lévy, 1931.
- Moussinac L. *Des ouvriers dans leur usine, les chantiers de construction navales et mécaniques «André Marty» à Leningrad*. Paris: Bureau d'éditions, 1933.
- Moussinac L. *Je reviens d'Ukraine (juillet-août 1933)*. Paris: Bureau d'éditions, 1933.
- Moussinac L. *Manifestation interdite*. Paris: Ed. Sociales internationales, 1935.
- Moussinac L. *Le radeau de la Méduse: journal d'un prisonnier politique: 1940–1941*. Paris: Ed. Hier et aujourd'hui, 1944.
- Moussinac L. *Traité de la mise en scène*. Paris: Massin 1948.
- Moussinac L. *Le théâtre des origines à nos jours*. Paris: Le livre contemporain, 1957.
- Pozner V. Moussinac et l'Union soviétique (1927–1934) flux et reflux d'un engagement / ed. Vignaux V., Albera F. // Léon Moussinac, un intellectuel communiste. Paris: AFRHC, 2014. Pp. 268–270.
- Romain Piana V. Moussinac et le théâtre, un parcours militant / ed. Vignaux V., Albera F. // Léon Moussinac, un intellectuel communiste. Paris: AFRHC, 2014.

REFERENCES

- Dialog pisatelei. Iz istorii rusko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei XX veka. 1920–1970* [Dialogue between writers. From the history of Russian-French cultural connections in 20th century, 1920–1970]. Moscow, IMLI RAN, 2002.
- Fuerst W.R. *XXth stage decoration*. London, Knopf, 1928.
- Fülöp-Miller R., Gregor J. *Das Russische theater* [The Russian theater]. Zürich, Wien, Amalthea, 1928.
- Léon Moussinac, un intellectuel communiste [Leon Moussinac, a communist intellectual], ed. V. Vignaux, F. Albera. Paris, AFRHC, 2014.
- Moussinac L. *La décoration théâtrale* [The theatrical decoration]. Paris, Rieder, 1923.
- Moussinac L. *Le cinéma soviétique* [Soviet cinema]. Paris, Gallimard, 1928.
- Moussinac L. *La tête la première* [Headlong]. Paris, Flammarion, 1931.
- Moussinac L. *Tendances nouvelles du théâtre* [New trends in theater]. Paris, Lévy, 1931.
- Moussinac L. *Des ouvriers dans leur usine, les chantiers de construction navales et mécaniques «André Marty» à Leningrad* [Workers in their factory, naval, and mechanical construction sites “André Marty” in Leningrad]. Paris, Bureau d'éditions, 1933.
- Moussinac L. *Je reviens d'Ukraine (juillet-août 1933)* [My comeback to Ukraine (July-August 1933)]. Paris, Bureau d'éditions, 1933.
- Moussinac L. *Manifestation interdite* [An unauthorized demonstration]. Paris, Ed. Sociales internationales, 1935.
- Moussinac L. *Le radeau de la Méduse: journal d'un prisonnier politique: 1940–1941* [The Raft of the Medusa: diary of a political prisoner: 1940–1941]. Paris, Ed. Hier et aujourd'hui, 1944.
- Moussinac L. *Traité de la mise en scène* [Treaty of staging]. Paris, Massin, 1948.

- Moussinac L. *Le théâtre des origines à nos jours* [The theater from beginning to today]. Paris, Le livre contemporain, 1957.
- Pozner V. Moussinac et l'Union soviétique (1927–1934) flux et reflux d'un engagement [Moussinac and the Soviet Union (1927–1934) ebb and flow of a commitment]. *Léon Moussinac, un intellectuel communiste* [Leon Moussinac, a communist intellectual], eds. V. Vignaux, F. Albera, Paris, AFRHC, 2014, pp. 268–270.
- Romain Piana V. Moussinac et le théâtre, un parcours militant [Moussinac and theater, a militant course]. *Léon Moussinac, un intellectuel communiste* [Leon Moussinac, a communist intellectual], eds. V. Vignaux, F. Albera. Paris, AFRHC, 2014.

*Перевод с французского
Алексейцевой Татьяны Александровны*

Мари Кристин Сирежол

Доктор искусствоведения, профессор
Университет Париж III Новая Сорбонна (Франция)

Marie Christine Sirejols

Doctor of Fine Arts, Professor
University of Paris III: Sorbonne Nouvelle
christine.hamon-sirejols@wanadoo.fr

Л. Я. Слина

Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНЕНИЕ И МЕТАФОРА В НЕМЕЦКОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: немецкий язык, научно-популярный текст, функциональные стили, метафора, сравнение.

В статье речь идет о семантических и функциональных особенностях сравнений и метафор в научно-популярном тексте. Специфика использования сравнений и метафор связана с прагматическими свойствами научно-популярного текста, который характеризуется типичными отношениями между автором текста, адресатом и текстовым материалом. Основной задачей автора становится передача специальной информации читателю-неспециалисту и привлечение внимания читателя к проблемам науки. Сравнения и метафоры являются типичным средством для решения этой задачи. Исследование базируется на материале немецких научно-популярных текстов из новостных и специальных немецких и австрийских печатных изданий и интернет-порталов. В статье представлены функционально-семантические классификации сравнений и метафор. При всем лексико-семантическом многообразии и сравнения и метафоры демонстрируют антропоцентрический характер. В ходе исследования были выявлены основные функции сравнений и метафор: функция разъяснения и функция привлечения внимания.

Ludmila Slinina

St. Petersburg State University, Russia

SIMILE AND METAPHOR IN GERMAN POPULAR SCIENCE TEXTS

Keywords: German language, popular science text, functional styles, metaphor, simile.

The article focuses, semantically and functionally, on similes and metaphors in popular science texts. The usage of similes and metaphors is influenced by pragmatics of popular science texts with its typical relations between an author, addressee and the text. The principle task of the author is to transfer scientific information to a non-specialist reader and to popularise science. Similes and metaphors serve that aim. Based on the German popular science news texts and special German and Austrian print editions and Internet-portals, the article presents functional and semantic classification of similes and metaphors. Although lexically and semantically diverse, both similes and metaphors have anthropocentric nature. It reveals key functions of similes and metaphors: explanation and attraction.

Сообщения о новых научных достижениях, беседы с учеными, репортажи о научных исследованиях — тема науки сегодня неизменно

присутствует на страницах ежедневных и еженедельных газет, новостных и специальных журналов, на телевидении и радио, в интернете на информационных и специализированных порталах. Традиция сообщать в средствах массовой информации о достижениях науки существует много десятилетий, и понятие научно-популярного текста существует также достаточно давно. Однако если определить текст как научно-популярный, как правило, не представляет труда, то лингвистический типологический статус научно-популярного текста не очевиден.

Научно-популярный текст не является специальным жанром, к научно-популярным мы можем отнести тексты различных жанров: заметки, комментарии, репортажи, интервью, публикации комплексного характера (например, журнальные статьи в рубрике «Тема номера»).

С точки зрения функциональной стилистики статус научно-популярного текста не является четко определенным [Кириченко, 2003]. Сомнения здесь вполне оправданы, если иметь в виду традиционное понимание функциональных стилей [Виноградов, 1963. С. 6; Гончарова, 2010. С. 69–80; Fleischer, Michel, 1975. S. 253–256; Riesel, Schendels, 1975. S. 19; Gansel, 2011. S. 79–81]. С одной стороны, для научно-популярных текстов характерны свойства научного стиля, т. к. их содержание, сообщение научной информации, предполагает использование соответствующих языковых средств, например, использование специальной лексики, соответствующих синтаксических структур, характерных для описания научных экспериментов или доказательств. С другой стороны, т. к. эти тексты обращены к широкому кругу читателей и публикуются в средствах массовой информации, они имеют черты публицистического стиля.

А. А. Липгарт придерживается мнения, что научно-популярный текст — это текст публицистического стиля, в котором неизбежно находит свое отражение специальная информация. «Отличительной особенностью публицистики как функционального стиля является то, что в силу ее содержательной и языковой специфики обсуждение специальных тем в рамках данного стиля неизбежно упрощает понятийный план и переводит дискуссию на более или менее популярный, неспециализированный уровень» [Липгарт, 2003. С. 165]. Это представляется естественным, т. к. учитывается степень осведомленности и информированности читателя.

Немецкие ученые, занимающиеся проблемами специального текста, видят принципиальную разницу между специальной научной коммуникацией и научной коммуникацией с участием неспециалистов (*fachinterne und fachexterne Kommunikation*) [Burger, Luginbühl, 2014. S. 361]. Для неспециалистов нужно избегать употребления специальных терминов или дополнительно разъяснять их значение, проблему следует излагать менее детально и при этом учитывать общественный интерес, например перспективу широкого применения результатов исследования.

Таким образом, научно-популярный текст определяет скорее прагматическая сторона: отношение между автором, адресатом и сообщаем-

мой информацией. Специфика данного типа текста состоит в том, что специальная информация передается адресату-неспециалисту (нередко автор также не является специалистом). Перед автором стоит задача учесть уровень информированности и компетентности адресата, передать специальную информацию так, чтобы она была ему понятна. С другой стороны, автор преследует и собственные цели. В частности, он не стремится добиться полного и глубокого понимания научных проблем, гораздо важнее донести до читателя общую информацию, рассказать о практической значимости научной деятельности и вызвать к ней интерес. Это и определяет используемые авторами языковые средства.

Среди таких языковых средств, позволяющих соответствующим образом передать специальную информацию, особое внимание обращают сравнения и метафоры.

Целью исследования, которое послужило основой для данной статьи, было выяснение семантических особенностей и функций сравнений и метафор научно-популярного текста в немецкой и австрийской прессе. В качестве материала исследования были использованы научно-популярные статьи различных жанров из журналов «Der Spiegel», «Profil» и интернет-изданий spiegel.de и wissenschaft.de.

Сравнение имеет широкие семантические возможности. Х. Вайнрих утверждает, что «в принципе, при сравнении все можно сравнить со всем» (*alles kann mit allem verglichen werden*) и доказывает это на множестве примеров [Weinrich, 1993. S. 800]. Языковые средства позволяют выразить различную степень и различные оттенки схожести: предметы могут быть одинаковыми (*gleich, so wie*), похожими (*ähnlich*), качество может быть выражено определенной степени (сравнительная степень прилагательного или наречия + *als*), степень качества одного предмета может меняться пропорционально степени качества другого (сравнительная степень прилагательного или наречия + *je... desto*). Кроме того, существуют скрытые сравнения, когда информация сопоставляется (в предложениях с союзами *während, statt, doch, sondern*) или при наличии лексических маркеров (например, *früher — jetzt*) [Duden, 2009. S. 1093–1095].

В данном исследовании ставилась задача изучения семантических особенностей сравнений и создание их комплексной семантической классификации с точки зрения объекта сравнения, с точки зрения предметов и явлений, с которыми сравниваются предметы научной деятельности, и с точки зрения критерия сравнения (*tertium comparationis*). Следует отметить, что полученная в результате исследования классификация носит открытый характер и не претендует на полноту и завершенность.

В научно-популярных текстах независимо от жанровой принадлежности можно наблюдать общие структурно-семантические компоненты: изложение научной проблемы, постановка вопроса или гипотеза, описание эксперимента, выводы, перспективы и практическое применение. Сравнения используются, как правило, при изложении

проблемы и описании хода эксперимента, однако четкой зависимости употребления сравнительных структур от структурно-содержательных компонентов все же выявлено не было.

Научная деятельность, какая бы сфера жизни ни изучалась, направлена на интересы и цели человека, и вполне объяснимо, что основной семантической группой оказывается человек и его деятельность.

1. Человек и его деятельность:

- 1.1. Различные свойства, качества, действия определенной группы людей сравниваются со свойствами, качествами, действиями **другой группы** людей:
  - Мужчины и женщины по физической силе: *Erwartungsgemäß langten Männer mit ihrem Haupt härter hin als Frauen* (1) или по строению организма: *Diese unterschiedliche Fingerlänge ist bei Frauen wesentlich weniger ausgeprägt* (2).
  - Молодые и старые по состоянию организма: *Ein 40-jähriger Raumfahrer ... würde nach drei Jahren Schwerelosigkeit mit dem Skelett wie bei einem 75-Jährigen zurückkehren* (3).
  - Любимый человек и родственник по эмоциональному восприятию: *Das Mädels soll hübsch sein und ... so lieb wie Mami, ... wenn sich die Umarmung fühlt wie die von Papi* (4).
  - Больной и здоровый по эмоциональному восприятию реальности: *Auf positive Signale reagierte das Gehirn der Gelähmten weitaus stärker als die Gehirne der gesunden Menschen* (5).
  - Влюбленный и больной по эмоциональному состоянию: *Ähnlich wie Neurotiker sind Verliebte auf ein Objekt fixiert...* (4)
- 1.2. Человек сравнивается с животным:
  - по свойствам организма: *Es gibt [bei Menschen] ähnliche Gene, die wir beim C. Elegans verändert haben* (6);
  - по поведению: *... ihr Mann muss hinaus ins All — wie ein Lachs, der an die Stätte seines Ursprungs zurückkehrt* (3);
- 1.3. Эмоциональное состояние человека сравнивается с бытовыми явлениями по функциям: *Lässt sich die Liebe anknipsen wie Licht?* (4)
- 1.4. Свойства человека сравниваются со свойствами неживых предметов: *reglos wie ein Stein* (5); *die Knochen der Marsmenschen brechen wie Glas* (3).

2. Явления природы сравниваются:

- 2.1. с другими явлениями неживой природы: *Alles [das Wetter] lief in Deutschland so ab, wie es sich für ordentliche Tropen gehört* (7);
- 2.2. с действием механизмов: *ein schwaches Tief wie ein gigantischer Schaufelbagger* (7);
- 2.3. с результатами деятельности человека: *Das Wasser stinkt so als käme es direkt aus der Tankstelle* (8);

3. Животные сравниваются:

- 3.1. с человеком по свойствам организма:... *auch die Würmer entwickeln solche Altersflecken wie wir Menschen* (6) или свойствами других животных: *Tatsächlich ist kaum ein Tier so flexibel in Sachen Fortbewegung wie die Schlange* (9);
- 3.2. Результаты деятельности животных с результатами деятельности человека по внешнему виду: *Ein bisschen wirkten sie [Termitenhügel] wie früher die Gasbehälter, Hochöfen und Fördertürme im Ruhrgebiet* (10).

4. Машины и механизмы сравниваются:

- 4.1. с животными по внешнему виду: *Ihr Test-Helikopter sieht aus wie eine vierbeinige Spinne mit einem Propeller auf dem Kopf* (11);
- 4.2. с бытовыми предметами по внешнему виду: *der Drucker, der entfernt einer Mikrowelle ähnelt* (12).

5. Предметы, являющиеся объектами научных исследований, сравниваются:

- 5.1. с бытовыми предметами по внешнему виду, например, продуктами питания: *Sie [Manuskripte] haben die Größe einer Banane* (13);
- 5.2. с частью организма человека по размеру: *Die Forscher können ... Unterschiede von bis zu 100 Mikrometer in der Papyrusstruktur erkennen. Das entspricht etwa der Dicke eines menschlichen Haars* (13).

6. Различные ситуации сравниваются:

- 6.1. Ситуации, возникшие естественным путем, с ситуациями с участием активных действий человека: *das Nervengeflecht, das Rückenmark mit Armen und Händen verbindet - wurde stark beschädigt. Das ist wie eine innere Amputation...* (14).
- 6.2. Реальные ситуации сравниваются с легендарными, имеющими символический характер: *Sie regieren wie auf einem Narrenschiff* (15).
- 6.3. Различные находки и открытия сравниваются с другими находками и открытиями по значимости: *Die Entdeckung ... vergleichbar nur mit den Funden von Schliemann und Howard Carter* (16).
7. Различные вещества сравниваются друг с другом по воздействию: *Hormone wirken wie Kokain, Heroin oder Ecstasy* (4).
8. Явления в космическом пространстве сравниваются с аналогичными явлениями на планете Земля и в Солнечной системе: *Eigentlich wäre es deutlich einfacher, ein Fluggerät auf dem Mars zu starten*

als auf der Erde (11). *Mit 11,2 Milliarden Jahren ist das Planetensystem um den Stern Kepler-444 fast zweieinhalb Mal so alt wie unser Sonnensystem* (17).

Если рассмотреть данную классификацию «в зеркальном отображении», т. е. исходя из значения предметов и явлений, с которыми сравниваются предметы и явления научной деятельности, то можно наблюдать, что практически все объекты научной деятельности сравниваются со свойствами организма человека, его поведением и его деятельностью в других областях. Достаточно часто предметы научной деятельности сравниваются с бытовыми предметами, знакомыми массовому читателю. Свойства организма человека и поведение человека, а также работа механизмов часто объясняются через сравнение с соответствующими свойствами и поведением животных.

Что касается третьего компонента сравнения — *tertium comparationis*, то критерий может быть указан или не указан, и определяется контекстом [Weinrich, 1993. S. 268–269]. В результате анализа материала выявлены следующие основные критерии сравнения: по размеру и форме (*die Erde als Punkt am Himmel* (3)), по возрасту (*je älter die Väter, desto hässlicher die Kinder* (18)), по количеству (*mehr Öl im Wasser als früher* (8)), по функциям (*ähnlich wie seine natürlichen Fischvorbilder* (19)), по поведению (см. п. 1), по эмоциональному состоянию или восприимчивости (см. п. 1), по внешнему виду (см. п. 4), по значимости для науки (см. п. 10).

Проводя функционально-семантический анализ сравнений в научно-популярных текстах, невозможно было пройти мимо метафорических номинаций. В традиционном понимании метафорическое наименование связано с исходным общим сходным признаком и является скрытым или свернутым сравнением [Metzler, 2005. S. 406–407; Weinrich, 1993. S. 789; Wellmann, 2008. S. 268–269], сходство и различия сравнения и метафоры раскрывает Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1990. С. 26–29]. Многие современные исследователи уходят от этого представления в силу того, что рассматривают это явление в другой плоскости, как например, приверженцы теории концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон, 2004; Будаев, 2007]. Кроме того, сложность интерпретации метафоры заключается в том, что этот термин охватывает ряд связанных между собой, но, тем не менее, различных явлений. Так, Г. Н. Складаревская называет множество различных классификаций метафор по разным признакам и сама проводит границы между генетической (утратившей образную связь), языковой и художественной метафорой [Складаревская, 1993. С. 29–41]. В научно-популярных текстах обращают на себя внимание метафоры, обладающие образностью, однако образ, как правило, не отличается особой оригинальностью, так что не возникает сомнений с его интерпретацией. Как и в сравнениях, метафоры связывают предметы и явления научных исследований с различными проявлениями деятельности человека.

Типичным видом метафоры оказывается олицетворение, когда с деятельностью человека сравниваются явления неживой природы (*Die Luft hat große Dinge vor* (7)), жизнь микроорганизмов (*Vieren, die noch in Säugetieren schlummern und auf die passende Mutation lauern* (20)), жизнь растений (*die Launen des Baumes* (21)), жизнь клеток (*Kenyon bezeichnet dieses Gen als eine Art Generaldirektor für das Altern* (22)), астрономические явления (*Der Stern steckt im Kindergartenalter* (23)).

Вещества (*Ölsuppe* (8), *Giftbrühe* (8), *Liebescocail* (4)), явления природы (*das Wasserküchenwetter* (7)) могут также сопоставляться с жизнью человека и его бытом, деятельность организма — с работой механизмов (*Der Hirn schaltet auf Hochleistung* (5)). Деятельность ученых сравнивается с другой деятельностью — борьбой (*der Feldherr im Krieg gegen Kastanienpilz* (21)), шпионажем (*der Jesus-Spion, der Späher* (17)), игрой (*mittlerweile dürfen private Satellitenbetreiber mit ultrascharfen Fotos Geschäfte machen, solange sie sich an bestimmte Spielregeln halten* (24)).

Исследование метафор в научно-популярном тексте подтверждает положение когнитивной теории о том, что метафора является способом осмысления окружающего нас мира. В данном случае метафора помогает читателю понять незнакомые реалии.

Анализ функций сравнений и метафор в научно-популярном тексте позволяет сделать вывод о том, что их использование преимущественно направлено на решение основной задачи данного типа текста: сделать доступным для читателя-неспециалиста специальную информацию. Эти средства авторы предпочитают определять или прямому описанию. Нельзя не отметить и эмоционального воздействия этих средств на читателя.

Таким образом, можно выделить две основных функции сравнений и метафор в научно-популярных текстах:

- 1) описательно-разъяснительная функция, когда научная информация сравнивается с предметом или явлением из той же области. Сравнение используется при описании научной проблемы или хода эксперимента, например: *Das Problem war, dass sich der verkohlte Papyrus und die für das Schreiben verwendete Tinte physikalisch zu ähnlich waren* (13);
- 2) эмоционально-разъяснительная функция, когда предмет или явление, с которым сравниваются научные реалии, не только помогает их представить, но воздействует на эмоциональную сферу и привлекает внимание читателя к содержанию: *«Das ist für uns Archäologen in etwa so, als hätte jemand ein großes Schild an den Wall geschraubt: Diese Burg wurde im Jahr 1024 gebaut», freut sich der Ausgräber* (25). *So schwer wie zwölf Milliarden Sonnen* (заголовок) (26).

Научно-популярный текст сочетает в себе черты научного и публицистического стилей и выделяется как особый тип текста на основании его коммуникативно-прагматической специфики: перед автором стоит особая задача передачи специальной информации адресату-неспеци-

алисту. Эта особенность определяет использование соответствующих языковых средств, среди которых выделяются сравнительные конструкции и метафорические номинации.

Представленная семантическая классификация сравнений и метафор носит открытый характер, при этом довольно четко намечается центральная семантическая область компонентов сравнения — это человек и его деятельность, т. е. сравнения и метафоры носят антропоцентрический характер.

Выделяются две ведущие функции сравнительных конструкции и метафор — разъяснительная функция и функция эмоционального воздействия. Наблюдается тесная взаимосвязь этих функций.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- (1) Schwedische Küsse // Der Spiegel. № 20. 2012. S. 124.
- (2) URL: www.scinexx.de/wissen-aktuell-18583-2015-02-19.html (дата обращения 26.02.2015).
- (3) Neue Heimat auf dem Mars // Der Spiegel. № 34. 2014. S. 102–106.
- (4) Immer jauchzend, nie betrübt // Der Spiegel. № 33. 2014. S. 110–118.
- (5) Der Quergeist // Profil. № 34. 2014. S. 77–78.
- (6) Das Alter ist beeinflussbar // Profil. № 7. 2006. S. 100.
- (7) So viel Dampf wie auf einer Karibikinsel // Der Spiegel. № 33. 2014. S. 122–123.
- (8) Tödliche Wolken // Der Spiegel. № 23. 2010. S. 100–102.
- (9) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/natur/fossilien-von-schlangen-mit-beinen-gefunden-a-1015203.html (дата обращения 02.02.2015).
- (10) URL: www.faz.net/aktuell/gesellschaft/unterwegs-zwischen-termitenhuegeln-im-etosha-nationalpark-13370476.html (дата обращения 09.09.2015).
- (11) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/weltall/mars-helikopter-hubschrauber-soll-roten-planeten-erkunden-a-1015029.html (дата обращения 02.02.2015).
- (12) Jahrmarkt der Schrauber // Der Spiegel. № 33. 2013. S. 130–131.
- (13) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/technik/vesuv-ausbruch-komplett-verkohlte-papyrusrollen-entziffert-a-1014034.html (дата обращения 02.02.2015).
- (14) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/medizin/bionische-haende-drei-maenner-bekommen-bionische-haende-a-1020273.html (дата обращения 15.03.2015).
- (15) Kommune der Irren // Der Spiegel. № 33. 2014. S. 124.
- (16) Das Erbe des Jesus-Spions // Der Spiegel. № 17. 2007. S. 154–156.
- (17) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/weltall/astronomen-entdecken-aeltesten-stern-mit-erdahnlichen-planeten-a-1015334.html (дата обращения 03.03.2015).
- (18) Zeugen ältere Väter hässliche Kinder? // Der Spiegel. № 33. 2014. S. 109.
- (19) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/technik/us-marine-testet-neuen-spionage-roboter-getarnt-als-thunfisch-a-1008695.html (дата обращения 09.09.2015).
- (20) Viren-Inventur // Profil. № 37, 2013, S. 81.
- (21) Die Rettung der Maronen // Der Spiegel. № 33. 2013. S. 126–127.
- (22) Generaldirektor fürs Altern // Profil. № 7. 2006. S. 100–101.
- (23) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/weltall/weltraumteleskop-hubble-schiesst-detailliertes-bild-von-beta-pictoris-a-1019801.html (дата обращения 09.09.2015).
- (24) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/weltall/satellitenfotos-zeigen-erde-mit-30-zentimetern-aufloesung-a-1020882.html (дата обращения 09.03.2015).

- (25) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/1000-jahre-alte-staemme-mitten-in-hamburg-entdeckt-a-1019374.html (дата обращения 09.03.2015).
- (26) URL: www.spiegel.de/wissenschaft/weltall/riesiges-schwarzes-loch-gibt-astronomen-raetsel-auf-a-1020589.html (дата обращения 09.03.2015).

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–33.
- Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 16–32.
- Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
- Гончарова Е. А. Теория и практика стилистического анализа. М.: Академия, 2010. 352 с.
- Кириченко Н. В. Научно-популярный подстиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003 [Электронный ресурс]. URL: stylistics.academic.ru (дата обращения 8.09.2015).
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиторал УРСС, 2004. 256 с.
- Лингарт А. А. К проблеме языковедческого описания публицистического функционального стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 161–166.
- Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003 [Электронный ресурс]. URL: stylistics.academic.ru (дата обращения 8.09.2015).
- Burger H., Luginbühl M. Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. Berlin: Walter de Gruyter Verlag, 2014. 532 S.
- Duden. Die Grammatik. Band 4., 8. Auflage. Mannheim; Zurich: Dudenverlag, 2009. 1343 S.
- Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975. 393 S.
- Gansel Ch. Textsortenlinguistik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 128 S.
- Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart, Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2005. 782 S.
- Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Munich: Verlag Hochschule, 1975. 314 S.
- Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. 1101 S.
- Wellmann H. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008. 359 S.

REFERENCES

- Arutiunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. *Teoriia metafor* [The Theory of Metaphor], Collective works, eds. N.D. Arutiunova, M.A. Zhurinskaja. Moscow, Progress, 1990, pp. 5–33.
- Budaev E.V. Stanovlenie kognitivnoi teorii metafor [Formation of the Cognitive Theory of Metaphor]. *Lingvokul'turologiia* [Linguoculturology], no. 1, Ekaterinburg, 2007, pp. 16–32.
- Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriia poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetical speech. Poetics]. Moscow, AN SSSR, 1963, 256 p.
- Goncharova E.A. *Teoriia i praktika stilisticheskogo analiza* [The Theory and Practice of Stylistic Analysis]. Moscow, Akademiia Publ., 2010, 352 p.

- Kirichenko N.V. Nauchno-populiarnyi podstil' [Popular science substyle]. *Stilisticheskii entsiklopedicheski slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian Language], ed. M.N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., 2003. Available at: stylistics.academic.ru (accessed 8.09.2015).
- Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we Live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 256 p.
- Lipgart A.A. K probleme iazykovedcheskogo opisaniia publitsisticheskogo funktsional'nogo stil'ia [To the Problem of linguistic Description of journalistic functional Style]. In: *Iazyk SMI kak ob'ekt mezhdistitsiplinarnogo issledovaniia* [Language of Media as an Object of the Interdisciplinary Research], Moscow, Izd-vo MGU [Moscow State University Publishing house], 2003, pp. 161–166.
- Skliarevskaia G.N. *Metafora v sisteme iazyka* [Metaphor in the Language System]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993, 152 p.
- Stilisticheskii entsiklopedicheski slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language], ed. M.N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., 2003. Available at: stylistics.academic.ru (accessed 8.09.2015).
- Burger H., Luginbühl M. *Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien* [The Preface into the Language and Communicative Forms of Mass Media]. Berlin, Walter de Gruyter Verlag, 2014, 532 p.
- Duden. *Die Grammatik* [The Grammar]. Vol 4., 8st ed., Mannheim, Zürich, Dudenverlag, 2009, 1343 p.
- Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik* [German Stylistics]. Munich, Verlag Hochschule. 1975. 314 p.
- Fleischer W., Michel G. *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache* [Stylistics of the Modern German Language]. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1975, 393 p.
- Gansel Ch. *Textsortenlinguistik* [Text Linguistics]. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2011, 128 p.
- Metzler Lexikon Sprache* [Metzlers Lexicon Language]. Stuttgart, Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2005, 782 p.
- Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache* [The Text Grammar of German Language]. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag, 1993, 1101 p.
- Wellmann H. *Deutsche Grammatik* [German Grammar]. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2008, 359 p.

Людмила Ярославна Слинина

Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Ludmila Slinina

Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University, Russia

ludmila.slinina@gmx.at

У. Церняк

Академия им. Яна Длugoша в Ченстохове (Польша)

НЕ ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В (ТРЕТИЙ) РИМ. ЗАПИСКИ И ВОСПОМИНАНИЯ РУССКИХ КАТОЛИКОВ XIX В. КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ ВЕРНОПОДДАННЫХ РОССИИ

Ключевые слова: русский католицизм, иезуиты, обращения в католичество, русская эмиграция, дневники обращенных.

Статья посвящена анализу эго-документов из наследия русских католиков. Особенное внимание будет уделено трем авторам: Софье Свечиной, Ивану Гагарину и Владимиру Печерину. Их автобиографические тексты позволяют составить представление о духовных переживаниях «отступников» от православия, а также переосмыслить вопрос отношения русских эмигрантов XIX в. к России и ее месту в цивилизации Европы.

Urszula Cierniak

Jan Dlugosz University in Czestochowa

NOT ALL ROADS LEAD TO (THIRD) ROME. MEMOIRS OF THE RUSSIAN CATHOLICS IN XIX CENTURY AS EVIDENCE OF SPIRITUAL SEARCH OF BELIEVERS IN RUSSIA

Keywords: Russian Catholicism, Jesuits, catholicizing, Russian emigration, dairies of the catholicised.

The article analyses ego-documents from the heritage of the Russian Catholics with a specific focus on three authors: Sofia Svechina, Ivan Gagarin and Vladimir Pecherin. Their autobiographical texts reconstruct spiritual experiences of the Orthodox "abjurors" and revise the attitude of the Russian emigrants in XIX century towards Russia and its place in the European civilization.

«*Tous les chemins conduisent à Rome*» — записал по-французски в сочинении «Оправдание моей жизни» Владимир Сергеевич Печерин, покинувший навсегда Россию в 1836 г. и ставший католическим монахом.

Эта знакомая всем поговорка отсылает к Древнему Риму, когда его жители, стараясь удержать завоеванные земли, строили дороги, соединявшие провинцию со столицей, благодаря которым могли быстро перемещаться в случае войны, перевозить товары и подати даже с самых отдаленных земель. Таким образом, приведенное Печериным выражение имело в древности буквальный смысл — все дороги, построенные римлянами, вели, естественно, только в Рим. Это хорошо понятно, что в любом государстве, дороги должны вести в столицу

[Серов, 2016]. Целезобразно вспомнить здесь роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в котором посол императора Александра Балашов на вопрос Наполеона, какая дорога ведет в Москву, отвечает: «Comme tout chemin mène à Rome, tout chemin mène à Moscou» [Толстой, 1949. С. 32].

Высказывание Балашова может служить метафорой религиозных отношений в Российской империи XIX в., с Москвой как центром православия, возведенного законом в ранг веры «первенствующей и господствующей» по всей стране. Закон разрешал переход из нехристианских исповеданий в христианские и из «инославных» (христианских не православных) — в православие. Переходы в противоположном направлении воспрещались и наказывались, поэтому и переход из православия в католичество преследовался законом [Цыпин, 2016].

Раньше XIX в. католицизма в Российской империи придерживались главным образом иностранцы, а переходы в католичество русских были очень редким явлением. Некоторые обращения, впрочем, были весьма заметными и скандальными. Стоит вспомнить хотя бы дьяка Петра Артемьева, воспитанника Славяно-греко-латинской академии, который в 1688 г. вместе с Иоанникием Лихудом выехал в составе русского посольства в Венецию, Антон Карташев назвал его «предтечей русских полунинтеллигентов XIX века, которые решили стать католиками» [Карташев, 1992. С. 263]. Следует здесь упомянуть также Палладия Роговского, который после «сильного искушения латынизмом» вернулся в лоно православия, Алексея Ладыженского, который, хотя от католицизма не отрекся и скрывался от русских властей в Вильнюсе, тем не менее был арестован во время войны России со Станиславом Лещинским в 1735 г., а также членов семьи Голицыных, во главе с жившим при Анне Иоанновне¹ князем Михаилом Алексеевичем Голицыным² личностью трагической и печальной³ [Dmitrieva, 1995. P. 315].

¹ Католицизму при Анне Иоанновне посвятил отдельную статью Иван Гагарин [Gagarin 1878]. Обращения русских в католицизм до XIX в. описал тот же автор в книге [Gagarin, 1862. Pp. 161–179].

² При Петре I католичкой стала княжна Ирина Петровна Долгорукая, урожденная Голицына, она жила со своим мужем — послом в Голландии, а потом вернулась в Россию и подверглась преследованию за свои убеждения. Ср.: [Карташев, 1992. С. 353].

³ Женившись на итальянке, Голицын принял католичество за рубежом. После возвращения в Россию он был наказан за измену вере, разлучен с женой и унижен ролью шута при императрице. По преданию, на смертном одре он молился, чтобы в семье Голицыных никогда не кончились обращения в католичество. Может быть, это всего лишь легенда, однако католиков в роду Голицыных было чрезвычайно много. В частности, к концу XVIII в. среди них появилась выдающаяся и весьма колоритная личность Дмитрия Голицына, который принял католичество около 1786 г. под влиянием происходившей из Пруссии матери. Он поселился в Америке, где стал священником, работал среди немецких эмигрантов и вел богословскую полемику с американскими протестантами. На землях, купленных за собственные деньги, Голицын основал селение Лоретто, снискавшее добрую славу благодаря тому, что Митри (как его звали в Америке) продавал землю каждому желающему за символические деньги. Дмитрий Голицын умер в 1840 г., а его благородная жизнь и заслуги на католическом поприще стали основой для названия его именем города Галлицин в штате Пенсильвания, недалеко от Лоретто. Ср.: [Калининченко, 2002. С. 1355–1356].

Начавшееся еще в XVIII в. короткое время прокатолических симпатий Павла I, который утверждал, что он «в душе католик, надо только притянуть к католичеству российских православных иерархов»⁴ [Pierling, 1897. Pp. 316–317], завершилось трагической смертью императора. Его наследник Александр I вернулся к политике ограничения католической духовной власти и хотел, чтобы Церковь на его территории оставалась независимой от римского папы. При Александре людям, «ушедшим от веры», были недоступны высокие государственные посты. Изменившие православию не принимались также на государственную службу. Еще большее ужесточение отношения к инославным принесло правление Николая I. Статья 195 уголовного Кодекса 1845 г. предусматривала наказание обращенного в католицизм лишением всех гражданских прав и имущества, а также ссылкой.

Век XIX ознаменовался несколькими волнами обращений, а среди лиц, принявших католичество, были члены самых знаменитых фамилий Протасовых, Ростопчиных, Борятынских, Толстых, Воронцовых, Бутурлиных, Щербатовых, Ермоловых, Шуваловых, Долгоруких, Волконских, Одоевских, Прозоровских, Гагариных, Пушкиных, Васильчиковых, Кочубеев, Демидовых, Кутузовых, Брусиловых или Севериных. В большинстве своем это были замечательно образованные люди, никак не заслуживавшие ярлыка «полуинтеллигентов XIX века» или названия «церковной нечаевщины», полученного от историка русской Церкви Антона Карташева [Карташев, 1992. С. 263]. Следует подчеркнуть, что Карташев не был одинок в своей отрицательной оценке русских, которые выбрали католичество. Работы других русских историков и публицистов XIX в. на тему отдельных лиц, ставших католиками, рисуют картину весьма однообразную и сильно недоброжелательную⁵. Такими являются работы Михаила Морошкина и Дмитрия Толстого, а также статьи Юрия Самарина, опубликованные в журнале «День». Все они в значительной степени повлияли на восприятие русских католиков как людей со слабой волей, нерешительных жертв иезуитской пропаганды, а прежде всего предателей России, не заслуживающих звания ее граждан. Обращенные обвинялись в легкомыслии, слабоумии, а также в прозелитизме. Морошкин утверждал, что «проказа совращения» расширялась мгновенно из-за того, что каждое обращение (особенно женское) влекло за собой появление — через сестер и детей — очередных конвертиток и конвертитов [Морошкин, 1867. С. 495–496].

Совершенно по-другому видели обращения в католичество сами обращенные. Иван Гагарин, который ставил себе целью составить по

⁴ «Je suis catholique de cœur tâchez par vos discours de persuader mes évêques».

⁵ «Антикатолицизм неразрывно связан не только с религиозностью и культурой, но в не меньшей мере с национальным сознанием, патриотизмом, верностью политической системе» [Воронцова, Филатов 1998].

возможности самый полный список католиков, насчитал их не слишком много. Он говорил о католиках как о небольшой группе людей, «преданных как своей Родине, так и своей вере», наткнувшихся в России на слепые предрассудки по отношению к католической церкви и несправедливое законодательство.

Тезис об использовании иезуитами их влияния среди русской аристократии в организованных ими школах был опровергнут Петром Вяземским, воспитанником иезуитской коллегии в Петербурге, который в своих мемуарах писал: «Могу это сказать утвердительно и добросовестно с полной ответственностью и согласно с моей совестью. Что никогда не слыхал я ни слова, никогда не замечал ни малейшего намека, которые могли бы указать, что меня или других желали переманить на свою сторону. Никогда не было попытки внушить, что Римская церковь выше и душеспасительнее православной» [Вяземский, 1878. С. XXIV].

Однако теория иезуитского списка и моды на католицизм оказалась настолько устойчивой, что существовала еще и в XX в. Евгений Шумигорский в 1911 г. в предисловии к первой публикации на русском языке воспоминаний Варвары Головиной, перешедшей в католицизм в 1800 г., писал о «русских прозелитках», которых дух светской обстановки офранцузенного высшего общества, все мелочи жизни, начиная с костюмов, моды, мебели, экипажей, развлечений и кончая духовными запросами — литературой, театром, философскими воззрениями и воспитательными идеями, — неизбежно толкали в объятия отцов-иезуитов, фанатиков католицизма и умелых пропагандистов [Шумигорский, 1911].

Женские обращения объяснялись также не сложившейся семейной жизнью или несчастьями, которые приводили «слабый пол» ко всему, что казалось новшеством или веянием Западной Европы [Cierniak, 2014], позволяющим оторваться от повседневности и скуки в России [Головкин, 1912. С. 355–356]. Так говорили о Варваре Головиной и о Софии Свечиной.

Анализ корреспонденции, мемуаров и воспоминаний, относящихся к русскому католицизму XIX в., таких как анонимные воспоминания и записки лиц, которые подписывались под своими сочинениями собственными фамилиями, как, например, Софья Свечина, Иван Гагарин или Владимир Печерин, показывает, что суждения на тему причин, подтолкнувших русских на перемену вероисповедания, были ничем не обоснованны и очень несправедливы. Записки новообращенных показывают, что православные, решившиеся примкнуть к Риму, проходили трудный путь, полный томительных сомнений, а их обращению предшествовало чтение богословских трактатов, знакомство с религиозными спорами православия и католичества, уединение и напряженные раздумья над смыслом и целью жизни, а в некоторых случаях также историософская рефлексия на тему места России в цивилизации христианской Европы.

Молодой профессор греческого языка и кандидат философии, изгнанный 17 февраля 1848 г. Сенатом Российской империи навсегда из своего отечества, Владимир Сергеевич Печерин писал на чужбине: «Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтожения, и в разрушении отчизны видеть всемирного денницу возрождения» [Печерин, 1989. С. 65]. В словах этих биограф Печерина Михаил Гершензон увидел не только ключ к пониманию умственного развития русской интеллигенции эпохи Владимира Сергеевича, но также и доказательство отсутствия у Печерина всякой веры. Сам Печерин не скрывал, что с детства тянуло его на Запад, что в России он терпеть не мог несправедливости и жестокости. Но ни эти признания, ни приведенное выше четверостишие, написанное за четыре года до его перехода в католичество, которому, кстати, несмотря на разные обстоятельства, Печерин был верен до конца жизни, не являются доказательством ни равнодушия к России, ни равнодушия к вере.

Личная корреспонденция этого русского католика, а прежде всего его воспоминания, озаглавленные «Оправдание моей жизни» (*Apologia pro vita mea*)⁶, рисуют более сложную картину духовных исканий Печерина [Cierniak, 2015]. «Оправдание» написано в 60-е гг. XIX столетия, после многих лет, проведенных Владимиром Сергеевичем в духовном чине католического монаха. Печерина до этого времени навещали разные люди, связанные с Россией и пытавшиеся убедиться в его настоящих чувствах и правильности его жизненного выбора, как Александр Герцен (с которым Печерин так и не нашел общего языка) или как русский посол в Англии, пробовавший напугать Печерина тем, что Россия о нем не забыла и не забудет. Под влиянием подобного типа обстоятельств Печерин решил ответить всем, кто готов услышать его голос. Поэтому о своих воспоминаниях он напишет: «Это некоторого рода духовное завещание, это *Apologia pro vita mea* — моя защита перед Россией, особенно перед новым поколением» [Печерин, 1989. С. 64].

Если бы Печерин был безразличен к России и оторван от ее проблем, никогда не возникла бы «*Apologia*», полная потрясающих признаний. Печерин всегда верил в то, что России суждено сыграть важную роль в развитии европейской цивилизации. 21 мая 1850 г. он писал Ивану Гагарину: «Без сомнения великия события подготовляются. Изменится вид мира. Славная участь ожидает наше отечество. Его меч окажется грузом на весах властей. <...> Русские призваны довершить дело варваров, уничтожить последние остатки Римской империи, которы еще томятся в Европе, Восток опять возьмет верх, но для того, чтобы огнем и кровью возобновить болтливую и меркантильную образованность, которая развратила Европу. Да, я пред-

⁶ Заглавие этого сочинения, изданного в России в 1989 г., было переведено как «Оправдание моей веры». Это неверный перевод. *Оправдания жизни*, а не *веры* писали в XIX в. и другие обращенные, ср.: [Cierniak, 2015; Cierniak, 2012].

чувствую, Новый Атилл станет во главе славянских полчищ, но перед римским стенами он встретит нового Льва. Извините мои рапсодии, дорогой отец, но я предчувствую: Возстанет великий русский император, я его вижу, он приближается к Риму, он у ног первосвященника, он приносит ему в дар свою корону, свой скипетр и свою империю, он обращает Россию в ленное владение Священного престола» [Пирлинг, 1911. С. 64].

Двенадцать лет спустя, также в корреспонденции с Гагариным, нет уже того безграничного энтузиазма, какой появился в 1850-е гг., но сама вера в предназначение России не исчезает, так же как и не исчезает любовь Печерина к России: «После 25-летнего изгнания любовь к отечеству с большим жаром, чем когда-либо, возгорелась в моем сердце. С интересом, не поддающимся описанию, слежу издали за первыми действиями гигантской драмы, которая разыгрывается... О Россия! Вижу, поднимается заря великого дня; но восхода вашего красного солнца мне не видать» [Пирлинг, 1911. С. 65–66].

Та же самая доза любви сохраняется в корреспонденции Печерина и в 1870-е годы, когда в очередном письме Ивану Гагарину Россию он называет Святой Русью: «На Святой Руси, по-видимому, все обстоит благополучно, нового ничего нет» [Печерин, 1873. С. 1].

В свою очередь «*Apologia pro vita mea*» очень хорошо показывает сложный путь, который Печерин прошел, следуя в направлении к католицизму, в котором он нашел для себя надлежащее место [Cierniak, 2012]⁷.

Значительно менее трагический путь к католицизму показывает переписка одной из самых известных русских обращенных — Софии Свечиной, которую она вела со своей подругой Роксандрой Стурдзой. Письма эти отражают состояние величайшей неуверенности, душевных терзаний и колебаний Свечиной. «Я много читаю, — пишет

⁷ Другой взгляд на религиозность Печерина был высказан С. Черновым [Apologia, 2011. Р. 32]. Про Владимира Сергеевича в последние годы жизни Чернов пишет: «Не зная, что делать с собою, с собственными мыслями, он придумывает себе занятия. В то же время он откровенно циничен: исполняет обеты и обряды той церкви, о которой сам столь резко отзывался, не порывает с нею лишь потому, что у него нет иного источника дохода. <...> Ничего героического, подвижнического в нем нет» [Apologia, 2011. Р. 32]. Такую оценку можно дать Печерину только если не учитывать, в чем состоит суть монашеского подвига и монашеских обетов в католицизме, а также если считать, что Католическая церковь — это не собрание верующих, а только учреждение, остающееся чем-то внешним по отношению к ним. Несмотря на критический подход к церковной иерархии, Печерин остается верующим человеком. Вера его — это вера не в церковных чиновников, а в Бога, ради которого он становится подвижником повседневности. Также необосновано мнение Чернова о том, что Печерин остался до конца жизни членом Католической церкви всего лишь ради финансовой выгоды. Стоит помнить, что «*Apologia pro vita mea*» ясно показывает, что отсутствие денег никогда не было для Печерина тем фактором, который вынудил бы его когда-либо отказаться от своих взглядов и духовных поисков.

она Стурдзе, — и чем больше я читаю, тем больше возвращаюсь к первоначальным вещам, которые так просты, что детей заставляют их лепетать» [Парсамов, 2004. С. 31]. Свечина читает очень разнообразную литературу на многих языках, т. к. свободно владеет не только русским, английским и итальянским, но также знает латынь, греческий и даже иврит. Умеет читать и на немецком языке. Она не любит насмешливого скепсиса Вольтера, которому противопоставляет «Ночи» Юнга. Интересуют ее Мармонтель, Руссо и, конечно, особенно любимая ею мадам де Сталь. В записках Свечиной появляется также имя Бернара де Фонтенеля, французского писателя и поэта, но также религиоведа — предшественника сравнительного метода изучения религий.

Свечину терзают сомнения относительно истинности веры. Она видит положительные стороны православия, но одновременно не может не отдать должное католицизму. В «Журнале ее обращения» (*Journal de sa conversion*) находим потрясающее признание: «Если кто-то в этом мире хотел бы остаться православным с полным сознанием и после сомнений таких, как мои, тот человек — я. Может ли кто-нибудь представить, что я чувствую: я искренне люблю мою Церковь, однако сильно тянет меня другая. Боже мой, не доказывает ли это, что я чувствую истинность их обоих и несчастную несправедливость их разделения <...> О если бы эти Церкви, которые разлучились, не переставали бы быть сестрами, примирились!»⁸ [Swetchine, 1866. Рр. 62–63]. В другом месте читаем: «Я не знаю от чего это зависит, но идея католицизма представляется мне необыкновенно острой, закрадывается незаметно и проникает в меня до глубины в момент спокойствия и принуждает признать то, с чем сердце не соглашается, несмотря на то, что ум с ней дискутирует»⁹. Находясь на распутье, Свечина не смеет принять окончательного решения относительно вероисповедания. Наконец она выбирает католицизм, который кажется ей ближе учению Христа, чем православие. Католицизмом она восхищается словами, напоминающими о «Философских письмах» Чаадаева: «Какой счастливый католик. Земля его предков в вере находится везде. Он не мог бы поставить стопу ни в одном месте цивилизованного мира, чтобы не попасть на фундамент солидный и глубокий, солидный камень и цемент, на всю крепость (мощность) римских конструкций. Только католицизм дал людям про-

⁸ «Si quelqu'un dans le monde a désiré rester grec en toute conscience et après un examen proportionné à ses forces, je puis dire que c'est moi! Peut-on concevoir ce que j'éprouve; j'aime ardemment mon Église, et je suis puissamment entraînée vers une autre. Mon Dieu, cela ne prouverait-il pas l'identité des deus, le malheur plus que l'injustice de leur séparation?»

⁹ «Je ne sais à qui cela tient, mais cette idée du catholicisme est étrangement pénétrante, elle se glisse inaperçue, s'insinue jusqu'au fond de moi-même dans un moment de calme, arrache un assentiment que mon cœur accorde quoique mon esprit la dispute».

шное в истории и несокрушимый центр, о который разобьется любая ошибка» [Swetchine, 1866. Р. 249]¹⁰. Последняя мысль была намеком на историческую роль римского папы и Рима как центра западного христианства. В католицизме Свечиной нравится его активное и положительное отношение к миру. В своем «Журнале» она записывает: «Католик чувствует больше, чем рассуждает, он отдает себя больше, чем ищет самого себя, у алтаря, в контактах с другими, в семье, его единственная задача — любить» [Там же. Р. 257]¹¹. По ее мнению, «католическая религия обеспечивает все нужды духа — как нужду веры, так и нужду мышления»¹² [Там же. Р. 249]. Выбрав католицизм, Свечина обретает свое место в жизни. Однако до конца она живет с сознанием, что многое ей пришлось принести в жертву, что она не заслуживает несправедливых осуждений со стороны ее русских собратьев: «Мы можем согласиться с осуждением нас обществом, — пишет Свечина, — преследованием и ненавистью правительства, с пренебрежением надменной науки и недоброжелательным невежеством, но видеть узы любви, разорванные между нашими братьями и нами, видеть себя чужаками среди своих, возмущающими бедных и униженных, огорчающими дружбу, возбуждающими сомнения среди наших знакомых, протягивающими руки собственному предназначению, чтобы уничтожить все, что было для нас жизнью, начиная ее заново, случайно, не лучше ли было бы умереть?» [Там же. Р. 64]¹³. Эти слова, переполненные отчаянием и болью, убедительно показывают, что дорога выбранная русскими католиками, не была выбором жизни легкой и удобной, о какой писали их обвинители.

Новый путь не обозначал для Свечиной также и разрыва ни с Россией, ни с близкими. В конечном итоге и отчаяние этой русской католички не стало всепоглощающим. После момента сомнения и грусти Свечина поймет, что выбор сделан и она на хорошем пути. В ее «Журнале» появится фраза «Consummatum est!» [Swetchine, 1866. Р. 65]. Сама

¹⁰ «Qu'il est heureux le catholique! Le sol de ses ancêtres dans le fois est partout. Il ne saurait poser le pied sur aucun point du monde civilisé, sans rencontrer des fondations solides, profondes, résistantes, la pierre et le ciment, toute la force enfin des constructions romaines. Le catholicisme seul donne aux peuples un passé dans l'histoire, un centre indestructible contre lequel l'erreur vient incessamment se heurter, que ne puis-je dire se briser».

¹¹ «[...] le catholique sent plus qu'il raisonne, il se donne plus qu'il ne se recherche: à l'autel, dans le contact des hommes, dans la famille, toute son affaire est d'aimer».

¹² «La religion catholique satisfait tous les besoins de l'esprit, le besoin de croire comme celui de penser».

¹³ «On peut se résigner au blâme et la désapprobation de la société, à la persécution et à la haine de ceux qui gouvernent ? au dédain de la science orgueilleuse au de l'ignorance malveillante, mais voir le lien de la charité brisé entre nos frères et nous, se voir exilée et proscrite au milieu des siens, scandaliser les pauvres et les petits, affliger l'amitié, mettre le doute et le soupçon dans toutes ses relations; donner en quelque sorte, les mains à sa propre destinée pour la détruire : changer ce qui est la vie, la recommencer par de nouveaux hasards, ah, qu'il serait moins cruel de mourir!»

Свечина придет к убеждению, что следовало ей именно так и не иначе сделать, что всегда надо оттолкнуться от земли, чтобы выиграть небо, что земная награда не может никак сравниться с вечной, что совесть обязывает ее служить идеалам, в которые надо верить больше, чем в обыкновенное счастье [Там же]¹⁴. Хотя Свечина живет далеко от России, так же как и Печерин, она любит свою родину безгранично, о чем свидетельствуют многие другие страницы ее дневников и отдельных записок [Cierniak, 2014].

Произведения Ивана Сергеевича Гагарина также являются доказательством его сложных духовных переживаний и сомнений. «Записка о моей жизни» — это, по словам Гагарина, «рассказ о моем обращении и моем призвании, подобно путешественнику, описывающему свои странствия» [Гагарин, 1996. С. 253]. Гагарин хочет своим примером наставить на надлежащий путь всех, кто ищет истины и настоящего покоя. В своих воспоминаниях этот русский князь предстает перед читателем как мечатель, живший своими представлениями о поэзии жизни, о любви и свободе. Молодой Гагарин — это романтик, переполненный восторгом, наслаждающийся окружающим его миром, со временем он приходит к выводу, что земная жизнь не может дать никому счастья, а душа, которая его ищет, не будет ничем удовлетворена [Cierniak, 2013. Рр. 174–176]. Поэтому Гагарин решается на «уничтожение всех внешних и материальных преград, препятствовавших счастью» [Гагарин, 1996. С. 254], и с этого момента начинаются его колебания и недовольство предпринимаемыми делами. Он занимается политикой, путешествует, наблюдает за революционными движениями в Европе, много читает, думает о настоящей любви. Много лет спустя Гагарин, описывая свое состояние в этот период, напишет, что он многое делал, «но ничто не было в состоянии восполнить пустоту в моей душе» [Там же].

Гагарин сильно любил Россию, хотя после его обращения в католичество Родина видела в нем предателя и человека лишенного чувства патриотизма, особенно после того когда он стал иезуитом. Ксаверий Корчак-Браницкий — друг молодости Гагарина, с которым русский католик остался в хороших отношениях после своего обращения в католичество, вспоминал, что даже друзья отвернулись от него после обращения в католичество и пренебрегли им [Пирлинг, 2001. С. 76]. Можно представить себе, насколько сильное было влечение Гагарина к новой религии, что он решил примкнуть к ней, несмотря на все последствия своего шага. В «Записке о моей жизни» Гагарин подчеркивает, что выбор католицизма не последовал сразу после разочарования в окружающем его мире и светских идеалах, которыми он кормился.

¹⁴ «[...] rendre hommage à la vérité, braver la terre en se confiant au ciel, obéir à la conscience, immoler à Dieu ses derniers attaches, s'écrier dans un suprême sacrifice : Consummatum est ! [...] Ah ! n'est-ce pas un besoin mille fois plus impérieux que l'instinct d'un bonheur, après tout mélangé et périssable ?»

Для обращения ему нужны были длительные дискуссии с друзьями и книги, которые читал «беспорядочно и без разбору» [Гагарин, 1996. С. 268]. Но лишь спустя пять лет серьезных поисков своего пути Гагарин принял решение покинуть православие [Там же. С. 267].

После перехода в католичество Гагарин всей душой хочет передать другим обретенный в католичестве идеал. Этот русский князь-иезуит мечтает, чтобы увлечь за собой оставленных на Родине собратьев. Об этом замечательно сказано в его «Записке о моей жизни»: «Из Вашего опыта Вы, может быть, знакомы с чувством, испытываемым путешественником, который, достигши конца дороги и окидая восторженным взором великолепное зрелище, открывающееся перед ним, в мыслях быстро возвращается к друзьям, оставшимся в родной стране, и сожалеет о том, что они не могут разделить с ним счастье, им познанное. Таково состояние моего сердца. Обретая этот новый мир, в который я вступил, мысль моя, исполненная самого живого восторга, постоянно устремляется к тем, кого я оставил: я иду, думая, что их нет рядом со мной, что они не могут восторгаться тем, чем восторгаюсь я, что они не могут любить то, что люблю я; я хотел бы, чтобы они познали то же счастье, что и я, чтобы они разделили это счастье со мной» [Гагарин, 1996. С. 252].

Ни примеры Печерина и Свечиной, ни стоявшие за словами реальные миссионерские усилия Гагарина, однако, не увлекли их русских собратьев в католичество. Но выбор, совершенный русскими католиками¹⁵, не был бессмысленным и бесполезным. Им самим удалось реализовать свой идеал и сделать шаг в «новый мир», которого они так жаждали. Благодаря их выбору, они оставили после себя замечательное творческое наследие, и оно показало, что даже те русские дороги, которые не ведут в Москву, все равно приводят к родной стране, обогащая и оплодотворяя ее культуру.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронцова Л., Филатов С. Судьба католицизма в России // Иностранная литература. 1988. № 11 [Электронный ресурс]. URL: magazines.russ.ru/inostran/1998/11/filat-pr.html (дата обращения: 03.03.2015).
- Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1878.
- Гагарин И. Дневник. Записка о моей жизни. Переписка / ред. и пер. Р. Темпест. М.: Языки русской культуры, 1996. 350 с.
- Головкин Ф. Двор в царствование Павла I. Портреты, воспоминания, анекдоты. М., 1912.
- Калининченко Е. Голицын Дмитрий Дмитриевич // Католическая энциклопедия. Т. 1 / ред. Г. Цёрох. М.: Издательство Францисканцев, 2007. 1906 с.
- Карташев А. Очерки по истории русской Церкви. Т. 2. М.: Terra, 1992. 568 с.

¹⁵ Причины перехода русских в католичество в эпоху Гагарина, Печерина и Свечиной подробно анализирует Люциан Суханек, ср.: [Suchanek 1988].

- Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. Ч. 1. СПб., 1867.
- Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004.
- Печерин В. С. *Apologia pro vita mea* (Оправдание моей жизни. Памятные записки) / публ., вступл. и примеч. П. Горелова // Наше наследие. 1989. № 1–3: № 1. С. 63–79; № 2. С. 205–227; № 3. С. 423–443.
- Печерин В. С. *Apologia pro vita mea*. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим / ред. и сост. С. Л. Чернов. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Печерин В. С. — Гагарину И. С. Письмо от 16 июня 1873 года // Рукопись Архива иезуитов в Ванв (Vanves) около Парижа (Шифры: Rkps. AJV BS Ga L11). Л-1-4.
- Пирлинг П. Владимир Сергеевич Печерин в переписке с Иваном Сергеевичем Гагариным // Русская старина. 1911 (январь-февраль-март). Т. 145. № 9. С. 59–67.
- Пирлинг П. Князь Иван Гагарин и его друзья // Символ. 2001. № 44. С. 1–178.
- Серов В. Энциклопедический словарь русских крылатых слов и выражений [Электронный источник]. URL: www.bibliotekar.ru/encSlov/3/180.htm (дата обращения: 03.06.2016).
- Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3, ч. I. М., 1949.
- Цимбаева Е. Н. Русский католицизм. Идея всеевропейского единства в России XIX века. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 208 с.
- Цыпин В. Инославные // Православная энциклопедия. Т. 23. С. 86–86 [Электронный ресурс]. URL: www.pravenc.ru/text/468817.html (дата обращения: 03.06.2016).
- Шумигорский Е. Предисловие // Головина В. Н. Мемуары. М., 1911.
- Cierniak U. Deux témoignages sur la vie des convertis: «l'Apologia pro vita mea» de V. S. Péécherine et «l'Apologia pro vita sua» de J. H. Newman // Les mutations religieuses en Russie: conversions et sécularization / ed. F. Lesourd («Slavica Occitania»). Toulouse. Т. 41. 2015. С. 103–128.
- Cierniak U. «Apologia pro vita mea» Владимира Печерина — дневник конвертита или исповедь сына века? // Autobiografie pisarzy rosyjskich, “Studia Rossica XXI” / ed. A. Wołodźko-Budkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa, 2012. С. 65–76.
- Cierniak U. Wiara i władza. Wokół sporu o katolicyzm i chrześcijańską Europę w dziewiętnastowiecznej myśli i literaturze rosyjskiej, Częstochowa: Wydawnictwo AJD, 2013.
- Cierniak U. Kobiety i rosyjski katolicyzm początku XIX wieku // Między tradycją a nowoczesnością. Tożsamość kobiety w przestrzeni domu, w historii, kulturze i na drogach emancypacji / ed. W. Laszczak, D. Ambroziak, B. Pudełko, K. Wysoczańska-Pająk. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2014. С. 461–474.
- Dmitrieva K. Les conversions au catholicisme en Russie au XIX siècle. Ruptures historiques et culturelles // Revue des Études Slaves. Vol. 67, cahier 2–3. Paris, 1995. Pp. 311–336.
- Gagarin I. L'impératrice Anne et les catholiques en Russie. Lyon, 1878.
- Gagarin I. Conversion d'une dame russe à la foi catholique. Racontée par elle-même, Paris, 1862.

Pierling P. La Russie et le Saint Siècle. Études diplomatiques. Vol. V. Paris, 1897. 480 s.

Swetchine Mme. Journal de sa conversion. Méditations et prières / ed. Falloux A., Paris, 1866.

Suchanek L. Les catholiques russes et les procatholiques en Russie dans le première moitié du XIXe siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1988. XXIX (3–4), juillet-décembre. Pp. 361–374.

REFERENCES

Voroncova L., Filatov S. Sud'ba katolicizma v Rossii [Destiny of Catholicism in Russia]. *Inostrannaja literatura* [Foreign Literature], 1988, no. 11. Available at: magazines.russ.ru/inostran/1998/11/filat-pr.html (accessed 03.03.2015).

Vjazemskij P.A. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete collection of works], vol. 1. Saint Petersburg, 1878.

Gagarin I. *Dnevnik. Zapiska o moej zhizni. Perepiska* [Dairy. Note about my life. Correspondence], ed. and transl. R. Tempest. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1996, 350 p.

Golovkin F. *Dvor v carstvovanie Pavla I. Portrety, vospominaniya, anekdoty* [Court under Pavel I. Portraits, recollections, anecdotes], Moscow, 1912.

Kalinichenko E. Golitsyn Dmitrij Dmitrievich [Golitsin Dmitry Dmitrievich]. *Katolicheskaja jenciklopedija* [Catholic encyclopedia], vol. 1, A-Z, ed. G. Cjoroh, Moscow, Izdatel'stvo Franciskancev, 2007, 1906 p.

Kartashev A. *Očerki po istorii russkoj Cerkvi* [Essays on the history of the Russian church], vol. 2, Moscow, Terra Publ., 1992, 568 p.

Moroshkin M. *Iezuity v Rossii s carstvovanija Ekateriny II i do nashego vremeni* [Jesuits in Russia under Catherine the Great and up to our days], issue 1, Saint-Petersburg, 1867.

Parsamov V.S. *Zhozef de Mestr i Aleksandr Sturdza. Iz istorii religioznyh idej Aleksandrovskoj jepohi* [Joseph de Maistre and Alexandru Sturdza. From the history of religious ideas in Alexander epoch], Saratov, 2004.

Pecherin V.S. *Apologia pro vita mea (Opravdanie moej zhizni. Pamjatnye zapiski)* [Justification of my life. Memoires], compounded and published by P. Gorelov. *Nashe nasledie* [Our heritage], 1989, no. 1–3, no. 1, pp. 63–79; no. 2, pp. 205–227; no. 3, pp. 423–443.

Pecherin V.S. *Apologia pro vita mea. Zhizn' i prikljuchenija russkogo katolika, rasskazanije im samim* [Apologia pro vita mea. Life and adventure of the Russian Catholic told by himself], ed. S.L. Chernov. Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2011.

Pecherin V.S. — Gagarin I.S. *Pis'mo ot 16 ijunja 1873 goda. Rukopis' Arhiva Iezuitov v Vanves okolo Parizha* [V.S. Pecherin To I.S. Gagarin. Letter from June 16, 1873 — Manuscript from the Archive of Jesuits in Vanves near Paris] (Shifry: Rkps. AJV BS Ga L11). L:1–4.

Pierling P. Vladimir Sergeevich Pecherin v perepiske s Ivanom Sergeevichem Gagarinom [Vladimir Sergeevich Pecherin in correspondence with Ivan Sergeevich Gagarin]. *Russkaja starina* [Russian antiques], 1911 (janvar'-fevral'-mart [January-February-March]), vol. 145, no. 9, pp. 59–67.

Pierling P. *Knjaz' Ivan Gagarin i ego druž'ja* [The Duke Ivan Gagarin and his friends]. *Simvol* [Symbol], 2001, no. 44, pp. 1–178.

- Serov V. *Entsiklopedicheskii slovar' russkikh krylatykh slov i vyrazhenii* [Encyclopedic dictionary of the Russian idioms]. Available at: www.bibliotekar.ru/encSlov/3/180.htm (accessed 03.06.2016).
- Tolstoj L.N. *Voina i mir* [War and Peace], vol. 3, part I. Moscow, 1949.
- Cimbaeva E.N. *Russkij katolicizm. Ideja vseevropejskogo edinstva v Rossii XIX veka* [Russian Catholicism. Idea of all-European unity in Russia in XIX century]. Moscow, LKI Publ., 2008, 208 p.
- Cypin V. Inoslavnye [Non-Orthodox]. *Pravoslavnaia jenciiklopedija* [Orthodox encyclopedia], vol. 23, pp. 86–86. Available at: www.pravenc.ru/text/468817.html (accessed 20.06.2016).
- Shumigorskij E. Predislovie [Foreword]. Golovina V.N. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, 1911.
- Cierniak U. Deux témoignages sur la vie des convertis: "l'Apologia pro vita mea" de Vl.S. Pétcherine et "l'Apologia pro vita sua" de J.H. Newman [Two testimonies on the life of the converted: "Apologia pro vita mea" by Vl.S. Pétcherine and "Apologia pro vita sua" by J.H. Newman]. *Les mutations religieuses en Russie: conversions et sécularization* [Religious conversions and secularization in Russia], ed. F. Lesourd. "Slavica Occitania" Series. Toulouse, vol. 41, 2015, pp. 103–128.
- Cierniak U. «Apologia pro vita mea» Vladimira Pecherina — dnevnik konvertita ili ispoved' syna veka? [«Apologia pro vita mea» Vladimir Pecherin — notes or confession of the century's son?]. *Autobiografie pisarzy rosyjskich*, Studia Rossica XXI [Autobiographies of Russian writers, Studia Rossica XXI Series], ed. A. Wołodźko-Budkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa, 2012, pp. 65–76.
- Cierniak U. *Wiara i władza. Wokół sporu o katolicyzm i chrześcijańską Europę w dziewiętnastowiecznej myśli i literaturze rosyjskiej* [Faith and power. Around the dispute about Catholicism and Christian Europe in the 19th century Russian literature and thought]. Częstochowa, Wydawnictwo AJD, 2013.
- Cierniak U. Kobiety i rosyjski katolicyzm początku XIX wieku [Women and Russian Catholicism in early 19th century]. *Miedzy tradycją a nowoczesnością. Tożsamość kobiety w przestrzeni domu, w historii, kulturze i na drogach emancypacji* [Between tradition and modernity. The identity of the woman in the home, in the history, culture, and emancipation], ed. W. Laszczak, D. Ambroziak, B. Pudełko, K. Wysoczańska-Pająk. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2014, pp. 461–474.
- Dmitrieva K. Les conversions au catholicisme en Russie au XIX siècle. Ruptures historiques et culturelles [Conversions to Catholicism in Russia in the nineteenth century. historical and cultural breaks]. *Revue des Études Slaves* [Journal of Slavic Studies], vol. 67, issue 2–3. Paris, 1995, pp. 311–336.
- Gagarin I. *L'impératrice Anne et les catholiques en Russie* [The Empress Anne and Catholics in Russia]. Lyon, 1878.
- Gagarin I. *Conversion d'une dame russe à la foi catholique*. Racontée par elle-même [Converting a Russian lady to the Catholic faith. In her own words]. Paris, 1862.
- Pierling P. La Russie et le Saint Siège. Études diplomatiques [Russia and the Holy See. Diplomatic studies], vol. V. Paris, 1897, 480 c.
- Swetchine Mme. *Journal de sa conversion. Méditations et prières* [Journal of conversion. Meditations and prayers], ed. A. Falloux, Paris, 1866.

Suchanek L. Les catholiques russes et les procatholiques en Russie dans le première moitié du XIXe siècle [Russian Catholics and pro Catholics in Russia in early 19th century]. *Cahiers du Monde russe et soviétique* [Notes of Russian and Soviet World], 1988, XXIX (3–4), juillet- décembre, pp. 361–374.

Уршуля Церняк

Доктор гуманитарных наук, заведующий кафедрой межкультурных исследований, профессор Академия им. Яна Длugoша в Ченстохове (Польша)

Urszula Cierniak

Doctor of Arts, Head of the Department of Cross-Cultural Studies, Professor
Jan Dlugosz University in Czestochowa
u.cierniak@ajd.czyst.pl; umc222@wp.pl

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Аствацатурова

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ РАДИЩЕВСКИХ МОТИВАХ
В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА. 5

Е. В. Бузальская

СПЕЦИФИКА РУССКОГО ЭССЕ КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА
НА ФОНЕ ИНОЯЗЫЧНОГО КАНОНА. 15

И. И. Бурова, Ю. Н. Никитенко

СЛОВЕСНЫЕ ПОРТРЕТЫ ЕЛИЗАВЕТЫ I В ТВОРЧЕСТВЕ Э. СПЕНСЕРА
В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ИСКУССТВА ПАРАДНОГО ПОРТРЕТА 24

И. М. Вознесенская

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ (В АСПЕКТЕ ТИПОЛОГИИ ОБЪЯСНЕНИЯ) 35

А. Гаиш

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ МЕТАФОРЫ,
МОТИВИРОВАННЫЕ АКТОМ ПРИЕМА ПИЩИ. 48

Е. В. Генералова

АРХИМОСКОВСКИЙ И САМЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ:
О ДИНАМИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНОСТЕРЕОТИПОВ 57

О. В. Емельянова

О ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 69

Д. С. Ермолин

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
В УСЛОВИЯХ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА (НА ПРИМЕРЕ ПРИШТИНЫ) 81

Е. Л. Жильцова

СЛЕНГОВАЯ ЛЕКСИКА В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ: ПУТИ ПОПОЛНЕНИЯ
И ОСНОВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ. 94

Н. Л. Зелянская

КОГНИТИВНОЕ ГЕОКАРТИРОВАНИЕ:
ОБРАЗ РОССИИ КАК СИСТЕМА ГЕОКОНЦЕПТОВ 104

Н. М. Калашникова

БОЛГАРЫ КРЫМА. 118

В. С. Князькова

«СИНЯЯ КНИГА СКАЗОК» Л. ФЕЛЬДЕКА
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА
СЛОВАЦКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК 128

М. Л. Ковшова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
С НЕВЫРАЖЕННЫМ ПРИЗНАКОМ СРАВНЕНИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ.....138

С. Н. Кузнецов

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОССЮР.
СКРЫТАЯ ИСТОРИЯ СОССЮРИАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....150

Н. А. Любимова, О. М. Горбачева

ИНТОНАЦИОННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИИ УДИВЛЕНИЕ
В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА 168

Д. И. Медведева

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДУШИ В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ) 180

Мари Кристин Сирежол

ЛЕОН МУССИНАК –
ПРОПАГАНДИСТ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦИИ 193

Л. Я. Слина

СРАВНЕНИЕ И МЕТАФОРА В НЕМЕЦКОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ ..208

У. Церняк

НЕ ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В (ТРЕТИЙ) РИМ.
ЗАПИСКИ И ВОСПОМИНАНИЯ РУССКИХ КАТОЛИКОВ XIX В. КАК
СВИДЕТЕЛЬСТВА ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ ВЕРНОПОДДАННЫХ РОССИИ 218

CONTENTS

Vera Astvatsaturova

RADISHCHEV'S MOTIVES IN PUSHKIN'S POETRY 5

Elena Buzalskaia

RUSSIAN ESSAY AS A SPEECH GENRE
AND FOREIGN LANGUAGE CANON.....15

Irina Burova, Iulia Nikitenko

EDMUND SPENSER'S VERBAL PORTRAITS OF ELIZABETH I
AND EVOLUTION OF FULL-DRESS PORTRAIT PAINTING 24

Irina Voznesenskaia

LINGUISTIC MEANS OF VERBAL INTERPRETATION OF PAINTING
AND EXPLANATION TYPOLOGY 35

Agnieszka Gasz

EATING METAPHORS IN RUSSIAN AND POLISH.....48

Elena Generalova

ARCHI-MOSCOW AND THE VERY PETERSBURG: ON THE DYNAMICS
OF ETHNIC STEREOTYPES EXPRESSING.....57

Olga Emelianova

ON THE LINGUISTIC REPRESENTATION
OF VALUES IN ENGLISH TODAY 69

Denis Ermolin

LANGUAGE SITUATION AND ETHNO-SOCIAL STEREOTYPES IN ETHNIC
CONFLICTS IN PRISTINA.....81

Elena Zhiltsova

SLANG IN SWEDISH: WAYS OF EXPANDING
AND WORD-FORMATION MODELS.....94

Natalia Zelianskaia

COGNITIVE GEO-MAPPING:
THE IMAGE OF RUSSIA AS A SYSTEM OF GEO-CONCEPTS.....104

Natalia Kalashnikova

THE BULGARIANS IN CRIMEA 118

Viktoria Kniazkova

L. FELDEK'S "THE BLUE BOOK OF FAIRY TALES" IN ENGLISH
AND TRANSLATIONS OF SLOVAK CHILDREN LITERATURE INTO ENGLISH....128

Maria Kovshova

PHRASEOLOGICAL SIMILES WITH COVERT BASIS FOR COMPARISON:
CAPABILITIES AND RESTRICTIONS IN USAGE 138

Sergei Kuznetsov

UNKNOWN SAUSSURE: THE HIDDEN HISTORY OF SAUSSURE LINGUISTICS. .150

Nina Liubimova, Olga Gorbacheva

THE INTONATION PATTERN OF SURPRISE
IN SPEECH OF RUSSIAN NATIVE SPEAKERS 168

Diana Medvedeva

CONCEPTUALISATION OF SOUL
IN RUSSIAN AND SERBIAN LINGUOCULTURES IN LEXICOGRAPHY.....180

Marie Christine Sirejols

LÉON MOUSSINAC AS A COMMUNICATOR
OF THE SOVIET CULTURE IN FRANCE 193

Ludmila Slinina

SIMILE AND METAPHOR IN GERMAN POPULAR SCIENCE TEXTS 208

Urszula Cierniak

NOT ALL ROADS LEAD TO (THIRD) ROME.
MEMOIRS OF THE RUSSIAN CATHOLICS IN XIX CENTURY
AS EVIDENCE OF SPIRITUAL SEARCH OF BELIEVERS IN RUSSIA 218

Научное издание

XLIV Международная филологическая конференция
10–15 марта 2015 года
Избранные труды

Корректор
Н. М. Казимирчик
Оригинал-макет
М. В. Василенко
Оформление обложки
О. В. Рудневой

Подписано в печать 31.10.2016. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,75.
Тираж 200 экз. Заказ №